АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

МАГОМЕДОВ Асбег Ахмеднабиевич

На правах рукописи

05.98.0.03016

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НЕЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Специальность: 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

исх. 43/7/511
30.11.98

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук,
профессор В.П. Ревин

УП и ОПП
исх. 23/157а
25.09.98

Москва - 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

РАЗДЕЛ I

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ИСТОРИИ ПРАВА РОССИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ
ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ 21

§ 1 Формирование и закрепление в древнерусском праве
идеи ответственности за преступление 21

§ 2 Ответственность за преступление по праву Русского
централизованного государства (вторая половина XV - XVII вв) 40

§ 3 Ответственность за преступление по законодательству
Петра I и его преемников (XVIII- начало XX вв) 58

§ 4 Ответственность за преступление по уголовному законодательству
РСФСР (СССР) и Российской Федерации после октября 1917 г 97

Глава 2

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 117

§ 1 Понятие уголовной ответственности исторический аспект 117

§ 2 Понятие уголовной ответственности в современном праве 131

§ 3 Реализация уголовной ответственности понятие и формы 139

§ 4 Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности 143

РАЗДЕЛ II

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава 1

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ

§ 1 Освобождение от уголовной ответственности исторический аспект 155

§ 2 Правовые последствия безусловного освобождения
от уголовной ответственности 165

§ 3 Правовые последствия условного освобождения от уголовной
ответственности при передаче виновного на поруки 175

Глава 2

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВЫХ НОРМ

§ 1 Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних 185

§ 2 Последствия освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки 197

Глава 3

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

§ 1 Понятие, сущность и виды освобождения от уголовной ответственности 203

§ 2 Безусловное освобождение от уголовной ответственности 217

§ 3 Условное освобождение от уголовной ответственности 239

§ 4 Проблема совершенствования института освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном законодательстве 250

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 272

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 287

Приложение № 1
Анкета по изучению отказных материалов уголовных дел, прекращенных в связи с освобождением от уголовной ответственности на основании ст ст 50 ч 1, 50-1, 51, 10 ч 4, 52 УК РСФСР (период 1990-1996 гг) 313

Приложение№ 2
Анкета опроса сотрудников ОВД и прокуратуры 318

Приложение № 3
Справка о результатах опроса сотрудников органов дознания и предварительного расследования системы МВД и прокуратуры РФ о применении института освобождения от уголовной ответственности 323

Приложение № 4
Извлечение из "Отчет о следственной работе за 1995 г ", ... 328

Приложение № 5
Извлечение из "Отчет о следственной работе за 1996 г ", ... 329

Приложение № 6
Извлечение из "Отчет о следственной работе за 1997 г ", ... 330

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. В условиях построения Российской Федерации как демократического правового государства множество задач призвано решать уголовное законодательство. Сегодня в нем на первое место поставлена цель охраны от преступных посягательств прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 УК РФ), в интересах которого должно действовать государство, а не наоборот, как это было предусмотрено УК РСФСР 1960 г.

Одним из существенных гарантов обеспечения правопорядка, защиты законных интересов личности и общества в целом является уголовная ответственность. Суть ее состоит в том, что исходя из принципа справедливости каждое общественно вредное, уголовно наказуемое деяние должно влечь для его субъекта неблагоприятные последствия в виде санкций.

По содержанию и своим особенностям преступления различны. Следовательно, неоднозначно и воздание, т.е. мера (объем) ответственности и форма ее реализации. Справедливость, будучи одним из основополагающих принципов уголовного законодательства, требует соответствия строгости наказания степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6 УК РФ). Точно также и освобождение от уголовной ответственности не должно противоречить этому принципу.

Достижению указанного соответствия способствует теоретическая разработка проблем уголовной ответственности, базирующаяся на познании исторической обусловленности ее сущности, содержания происходящих изменений ее пределов, механизма и форм реализации, а также оснований и видов освобождения от нее. Все это позволяет достаточно успешно решать общие и конкретные вопросы уголовного права, вырабатывать рекомендации по повышению эффек-

тивности правоприменительной деятельности и совершенствованию уголовного законодательства.

Уголовная ответственность - одна из фундаментальных категорий науки уголовного права, введенная в широкий научный оборот и законодательство в конце 50-х годов XX века. С тех пор вопросы, связанные с ней, продолжают исследоваться юридической наукой. Особое внимание к феномену ответственности как правовой категории обусловлено прежде всего необходимостью поиска адекватного определения ее функционального содержания. От успешности работы в данном направлении во многом зависит решение ряда теоретических и прикладных вопросов. Они относятся не только к установлению и совершенствованию системы уголовных санкций, но и к обоснованию целесообразности предусмотрения уголовным законодательством возможности освобождения от уголовной ответственности в различных видах и с разными последствиями.

Общетеоретическая пробпематика юридической ответственности (в том числе и уголовной) с начала ее активной разработки нашла свое отражение в трудах С.С.Алексеева, З.А.Астемирова, Л.В.Багрий-Шахматова, Н.А.Беляева, Я.М.Брайнина, С.Н.Братуся, Б.В.Волженкина, Б.С.Волкова, И.А.Галагана, А.А.Герцензона, П.Ф.Гришанина, П.С.Дагеля, Ю.А.Денисова, Ю.А.Демидова, В.А.Елеонского, Н.И.Загородникова, Т.Д.Зражевской, М.П.Карпушина, И.Я.Козаченко, М.И.Ковалева, Г Г.Криволапова, В.Н.Кудрявцева, С.Г.Келиной, В.Н.Курляндского, О.Э.Лейста, Н.С.Малеина, Н.И.Матузова, Г.М.Миньковского, А.С.Мордовца, А.В.Наумова, П.Е.Недбайло, И.С.Ноя, Н.А.Огурцова, А.А.Пионтковского, В.С.Прохорова, Б.Т.Разгильдиева, В.П.Ревина, С.Н.Сабанина, А.И.Санталова, И.С.Самошенко, Н.А.Стручкова, М.С.Строговича, А.Н.Тарбагаева, А.А.Тер-Акопова, К.Ф.Тихонова, А.Н.Тройнина, Б.С.Утевского, М.Д.Шаргородского, О.Ф.Шишова, М.А.Шнейдера, М.Х.Фарукшина, А.Я.Эстрина и других авторов.

За более чем 30-летний период исследования теоретических проблем уголовной ответственности еще имеют место дискуссия по поводу определения ее понятия, сущности, аспектов, пределов, соотношения с уголовными правоотношениями и т.д. Выдвижение в процессе научного поиска на передний план того или иного признака (элемента) уголовной ответственности привело к тому, что ее, содержание было как бы растворено в таких правовых категориях, как "санкция", "обязанность", "правоотношение".

В российском уголовном праве наказание уже давно не является единственной формой реализации уголовной ответственности за совершение преступления. В ходе многолетнего развития уголовное право выработало средства, позволяющие с минимальными затратами обеспечить исправление лиц, совершивших преступления небольшой, а в отдельных, случаях и средней тяжести, т.е. общественной опасности. При этом к освобождаемым от уголовной ответственности не применяются какие-либо меры воздействия либо применяются принудительные меры воспитательного характера (например, в отношении несовершеннолетних на основании ст. 90 УК РФ).

Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям еще недавно применялось стабильно к более чем трети лиц от числа выявленных и изобличенных в совершении преступления [1] В период 1991 - 1995 гг. такая практика стала постепенно сокращаться. Этому способствовали и более чем четырехкратный рост тяжких преступлений, частично связанный с изменением законодательства, а также в некоторой степени и дискредитация мер общественного воздействия. Однако уже в 1996 г. на всех стадиях уголовного процесса от ответственности и наказания было освобождено примерно 300 тыс. лиц, совершивших преступления.[2]

---

[1] См.: Преступность и правонарушения, 1993 // Статистический сборник. - М., 1994. С. 16.

[2] См.: Преступность и реформы в России. - М., 1998. С. 337, 338.

Изучение практики освобождения от уголовной ответственности показывает, что сегодня в применении его отдельных видов наблюдаются определенные колебания, появились новые (в УК РФ 1996 г.), отвергнуты с 1 января 1997 г. некоторые старые виды (предусматривавшиеся еще УК РСФСР 1960 г.), обнаружились отдельные факторы, снижающие эффективность применения данного института в целом. В последнее время наука уголовного права обогатилась рядом новых положений, позволяющих осуществить более широкий подход к осмыслению проблем в исследуемой области.

Уголовная ответственность и освобождение от нее как институты права существуют с древнейших времен и изменяются по мере развития общества и государства. Совершенствование их содержания и практики применения в процессе развития человеческого общежития имеет высокую социальную значимость.

Именно поэтому исследование проблем уголовной ответственности и освобождения от нее является **актуальным** не только на текущий момент, но и с учетом перспектив дальнейшего развития уголовного законодательства.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке на основе анализа предшествующего и современного опыта установления и реализации уголовной ответственности и освобождения от нее отдельных положений, развивающих учение об этих правовых институтах и направленных на совершенствование законодательства, регламентирующего борьбу с преступностью.

Для достижения указанной цели в диссертации решаются следующие **задачи**:

1) изучение содержащихся в правовых памятниках и нормативных актах исторического прошлого российского государства положений, имеющих отношение к проблеме ответственности за преступление;

2) освещение основных направлений и аспектов исследования проблем уголовной ответственности в правовой науке;

3) анализ вопросов, связанных с дифференциацией и индивидуализацией возложения уголовной ответственности, а также с освобождением от нее;

4) сравнительный анализ правовых последствий освобождения от уголовной ответственности по предшествовавшему и действующему уголовному законодательству;

5) исследование практики освобождения от уголовной ответственности по законодательству отдельных государств Запада;

6) изучение оснований и видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных УК РФ 1996 г.;

7) формулирование выводов и рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства и повышению эффективности применения норм об освобождении от уголовной ответственности.

Объект исследования составляют закономерности и тенденции развития правоотношений в сфере установления и реализации уголовной ответственности и освобождения от нее на различных этапах существования Российского государства. При этом особое внимание уделено процессам формирования понятия, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, определения видов и правовых последствий освобождения от нее с избранием альтернативных мер воздействия на виновного, а также вопросам эффективности такого рода мер воздействия.

Предмет исследования:

- история развития институтов уголовной ответственности и освобождения от нее в отечественном законодательстве;

- теория и практика в сфере установления и реализации уголовной ответственности и освобождения от нее в их историческом развитии;

- понятия и нормы уголовного законодательства об освобождении от уголовной ответственности, основания и условия освобождения от уголовной ответственности;

- практика применения правоохранительными органами различных видов освобождения от уголовной ответственности;

- правовые последствия освобождения от уголовной ответственности;

- юридическая, историческая и общественно-политическая литература, имеющая отношение к проблемам уголовной ответственности и освобождения от нее;

- зарубежное уголовное законодательство об освобождении от уголовной ответственности и наказания, альтернативных наказанию иных мерах уголовно-правового воздействия за преступление.

Методология и методы исследования. Настоящее диссертационное исследование базируется на глубоком изучении истории проблемы и соответствующих передовых идей отечественных и зарубежных ученых-юристов, историков, философов, социологов, результатов новейших исследований в области права и связанных с ним наук; на анализе памятников права России, действующего российского и зарубежного уголовного (отчасти и уголовно-процессуального) законодательства, а также следственной и судебной практики. В процессе данной работы автор активно применял такие методы научного познания, как исторический, логический, сравнительно-правовой, лексологический и системный анализы, а также анкетирования и экспертных оценок, интервьюирование.

Объем исследования. В ходе его проанализированы относящиеся к изучаемой проблеме положения отечественного законодательства разных эпох - от памятников права Древней Руси до современных правовых установлений. Специально изучены соответствующие положения Конституции Российской Федерации, Декларации

прав человека и гражданина РФ, отдельных международно-правовых документов, имеющих отношение к теме исследования. Проанализированы материалы статистики и судебной практики привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее за период 1988 - 1997 гг. Всего проанкетировано и выборочно исследовано 382 уголовных дела за период с 1990 по 1997 гг. включительно (в отношении 434 чел.), прекращенных в связи с наличием оснований освобождения от уголовной ответственности. В работе обобщены данные проведенных диссертантом экспертных оценок работников органов дознания и предварительного расследования (216 чел.), а также опросов по различным проблемам уголовной ответственности и освобождения от нее работников правоохранительных органов (412 чел.).

Научная новизна работы прежде всего состоит в том, что в ней впервые подробно исследуется история возникновения и развития института уголовной ответственности. Его место и роль в уголовном законодательстве раскрываются на основе изучения фактически всех представляющих здесь интерес отечественных официальных нормативно-правовых источников уголовного права с древнейшего до современного периода развития российской государственности и права. Анализ основных направлений предшествующих исследований понятия уголовной ответственности позволил диссертанту предложить собственное определение содержания уголовной ответственности. Это, в свою очередь, дало ему возможность расширить и углубить признанное в юридической науке понятие "освобождение от уголовной ответственности".

С учетом законодательной регламентации диссертантом выделяются две группы видов освобождения от уголовной ответственности: собственно освобождение и прекращение уголовной ответственности. Критерием разделения здесь является то обстоятельство, что некоторые виды освобождения от уголовной ответственности зависят

от субъективно-оценочной деятельности правоохранительных органов, реализующих право на такие действия (ст. 75, 76, 77 УК РФ). При прекращении же уголовной ответственности освобождение от нее осуществляется в случае наличия в конкретном деле предусмотренных законом юридических фактов (см., например: ст. 78, 84 УК РФ).

Новизна исследования состоит в том, что выделенные по указанному критерию виды освобождения от уголовной ответственности анализируются в сравнении их отражения в предшествовавшем и действующем российском уголовном законодательстве, а также в соответствующем законодательстве отдельных зарубежных стран. При этом учитываются идеи дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и необходимость выработки в законе справедливых мер борьбы с преступлениями небольшой, а в некоторых случаях и средней тяжести.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. История формирования института уголовной ответственности свидетельствует о том, что она (как и само право) детерминирована прежде всего внешними по отношению к ней объективными обстоятельствами. Таковыми выступают экономические, идеологические и психологические общественные потребности и интересы. Последние же вытекают из закономерностей общественного развития и связаны с наличием в нем противоречий между зарождающимся новым - прогрессивным и отживающим старым - регрессивным.

2. Ответственность в социальном смысле есть обязательное проявление упорядоченности общественных отношений. Она отражает объективную необходимость согласования поведения людей с общепринятыми нормами, координирует и корректирует их совместную деятельность и действия каждого из них, обеспечивает соотносимость частного интереса с общим.

Поскольку поведение человека имеет две полярные разновидности (социально полезное и социально вредное), то и ответственность следует рассматривать в двух аспектах: позитивном (перспективном) и негативном (ретроспективном).

3. Позитивная уголовная ответственность характеризуется двояко:

- во первых, как умеренная, существующая в рамках общепредупредительных уголовно-правовых отношений и проявляющаяся в нормальном правовом поведении (исполнительство). Такая ответственность реализуется посредством сознательного, добровольного соблюдения лицом уголовно-правовых запретов и предписаний;

- во вторых, как основанная на управомочивающих нормах и выражающаяся в социально-активной деятельности (образцовой, примерной). Реализуется она в рамках регулятивных уголовных правоотношений при исполнении лицом предоставленных ему уголовным законом прав на необходимую оборону, крайнюю необходимость, нанесение вреда преступнику при его задержании и т.п. (ст. 37 - 42 УК РФ).

4. Ретроспективная уголовная ответственность - сложное по своему содержанию социальное и юридическое явление, включающее в себя совокупность следующих основных элементов (признаков):

а) отражение охранительного правоотношения в форме уголовно-правовой нормы (диспозиции и санкции), предусматривающей ответственность за конкретное преступление;

б) обязанность лица дать объяснение о совершенном им преступлении и претерпеть в связи с этим предусмотренные уголовным законом правоограничения;

в) осуждение, порицание виновного лица государством;

г) государственное принуждение (наказание);

д) судимость.

В соответствии с этим, в диссертации дается определение понятия уголовной ответственности.

5. Результатом ретроспективной уголовной ответственности за совершение преступления, как правило, является применение к лицу судом того или иного вида воздействия, составляющего государственно-принудительную форму ее реализации. Однако завершением такого процесса может быть и освобождение от уголовной ответственности и наказания без применения к виновному мер воздействия (ст. 75, 76, 77 УК РФ), выступающее как разновидность дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

6. Реализация ретроспективной уголовной ответственности представляет из себя правоприменительную деятельность компетентных органов государства (суда, прокуратуры. Следствия и дознания), направленную на должное, согласно закона, реагирование на совершенное преступление и применение к лицу, его совершившему, предусмотренных нормами УК мер уголовно-правового воздействия.

7. Дифференциация уголовной ответственности предполагает наличие в уголовном законе таких мер, которые, обеспечивая решение ее задач, значительно различались бы между собой по степени карательного и предупредительного воздействия. Идее дифференциации ответственности и подчинена установленная законами России система наказаний.

Анализ статей УК РФ 1996 г. показывает, что **дифференциация ответственности определяется им в двух основных направлениях развития отечественной уголовной политики и совершенствования уголовного законодательства. Первое** - установление в законе суровых мер ответственности за тяжкие преступления, а также в отношении неоднократности, совокупности и рецидива преступлений, организованных форм преступной деятельности. **Второе** - смягчение уголовной ответственности вплоть до освобождения от нее за преступления небольшой тяжести, совершенные впервые.

8. Уголовная ответственность дифференцируется только законодателем и лишь в уголовном законе. Непосредственно это заключается: в классификации преступлений по их характеру и степени общественной опасности; в формулировании признаков отдельных составов преступлений; в установлении системы наказаний и конструировании санкций уголовно-правовых норм; в определении оснований и условий, при наличии которых допускается освобождение от уголовной ответственности и наказания. Следовательно, **дифференциацию уголовной ответственности можно определить как установление государством в уголовном законе различного объема ответственности за совершение преступления, с учетом как его характера, так и степени общественной опасности деяния и личности виновного.**

Будучи объективным началом уголовной политики нашего государства, дифференциация уголовной ответственности является основой для ее индивидуализации.

9. Индивидуализация уголовной ответственности есть, по сути, логическое развитие ее дифференциации. Осуществляется она путем тщательного учета при реализации уголовной ответственности конкретных обстоятельств данного преступления и характеристик личности, индивида, его совершившего. Поэтому **индивидуализацию уголовной ответственности лица, совершившего конкретное общественно опасное деяние, можно определить как выбор правоприменительными органами формы и объема его ответственности, согласно указанным в законе обстоятельствам и правомочиям, соответствующим категории данного преступления и характеристике личности его субъекта.**

10. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности выполняют одни и те же функции. Они направлены на то, чтобы реально определить справедливую ответственность конкретно-

го лица, совершившего конкретное преступление, и с максимальной эффективностью достичь цели специальной и общей превенции при минимуме принуждения.

11. Правоотношения, образующие ретроспективную уголовную ответственность, прерываются вследствие её прекращения или освобождения от неё. Уголовная ответственность объективно прекращается при наличии указанных в законе юридических фактов (смерть преступника, амнистия, давность уголовного преследования, за исключением имеющихся в законе по этому поводу изъятий, и т.д.). Освобождение от уголовной ответственности носит субъективно-оценочный характер и осуществляется по усмотрению правоприменительных органов на основании предписаний уголовного закона (ст. 75, 76, 77 УК РФ).

12. Освобождение лица от уголовной ответственности предполагает возникновение для него негативных последствий, не являющихся наказанием. Они выступают одной из форм социального реагирования на совершенное небольшой тяжести преступление в целях достижения исправления виновного.

13. Формулируя основания и условия применения различных видов освобождения от уголовной ответственности, закон в своих нормах прямо указывает направление в определении категории преступления, за которое данная мера применяется, и категории лиц, к которым она применяется, что позволяет отнести институт освобождения от уголовной ответственности к разновидности индивидуализации уголовной ответственности.

14. В прошедшем в Российской Федерации процессе десоветизации и деидеологизации правовой жизни (конец 80-х – начало 90-х гг.), власти отказались от института "общественного правосудия" (привлечение общественности к исправлению правонарушителей через товарищеские суды и институт поручительства и т.д.), что

явилось результатом состоявшегося в стране демонтажа системы профилактики преступности, свертывания многомиллионного движения общественности за укрепление правопорядка. Не создав на его месте ничего нового, государство ослабило свой профилактический потенциал. В результате чего общество лишилось не столько "советского", сколькс полезного отечественного опыта, накопленного десятилетиями.

Возрождение утраченного опыта нами видится в русле ст.130 Конституции РФ и Закона "О местном самоуправлении в Российской Федерации", определяющих органы местного самоуправления как важнейшие учреждения по самостоятельному решению населением вопросов местного значения. Поэтому с позиций выполняемых ими задач представляется правильным и необходимым их участие в профилактике правонарушений и в исправлении лиц, освобожденных от уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой тяжести.

Будучи ответственными за положение дел на местах, выборные и другие органы местного самоуправления могут и должны учитывать в процессе соответствующей превентивной деятельности традиции, сложившиеся в населенных пунктах своего региона, особенно небольших по территории и населению (поселки, деревни, селения и т.п.). Здесь люди друг друга хорошо знают, и общественный резонанс, осуждающий содеянное виновным, его при этом моральный дискомфорт весьма высоки, что имеет важное значение в деле достижения целей наказания при совершении преступления небольшой тяжести. Такое положение позволяет дополнить действующее уголовное законодательство соответствующей нормой об освобождении от уголовной ответственности лиц, не представляющих большой общественной опасности, совершивших преступление небольшой тяжести с передачей соответствующих дел в выборные органы местного самоуправле-

ния, в функционирующие при них представительства общественности в виде общественных (поселковых, деревенских, сельских) сходов, судов и т.д.

15. Несмотря на высокую эффективность освобождения от уголовной ответственности с передачей на поруки, оно в УК РФ 1996 г. не предусмотрено. Поэтому, как нам представляется, было бы правильным возвратиться к прежней норме (ст.52 УК РСФСР 1960 г.) или разработать и принять Положение об общественном поручительстве, предусмотрев в нем необходимые права и обязанности соответствующих коллективов.

Возможно и другое решение рассматриваемого вопроса. Традиционно, с давних пор в российском праве, еще до октября 1917 г. институт поручительства предусматривался в процессуальном праве в виде одного из средств при установлении истины по делу. Исходя из современных социально-экономических реалий, по нашему мнению, вполне допустимо закрепление передачи на поруки в новом УПК РФ, принятие которого ожидается в ближайшее время. В соответствующей норме можно определить условия внесения залога, обеспеченного финансовыми и иными собственными средствами поручителя. Подход, связанный с возможностью залога, может быть использован и в случае разработки в уголовном законодательстве новой нормы об освобождении от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки.

16. Предусмотренные в УК РФ виды освобождения от уголовной ответственности в связи: с деятельным раскаянием (ст.75); с примирением с потерпевшим (ст.76) по своей сущности схожи между собой. Они ориентированы на достижение единой цели – обеспечение позитивного постпреступного поведения виновного, основанного на его чистосердечном деятельном раскаянии. В любом случае, несмотря на мотивы, без добровольного раскаяния виновного в совершенном им

преступлении, не может быть явки с повинной, примирения с потерпевшим и устранения данным лицом вредных последствий своего деяния. Практически ст.76 УК РФ является дополнением ст.75 УК РФ и, видимо, с позиций юридической техники правильным было бы объединить обе нормы в одну статью.

17. Изучение практики борьбы с преступлениями небольшой тяжести, а также соответствующего российского и зарубежного уголовного законодательства в этой области свидетельствует о целесообразности дополнения института освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного УК РФ, двумя новыми его видами:

а) освобождение от уголовной ответственности с применением обязательных работ;

б) условное освобождение от уголовной ответственности.

Теоретическое и практическое значение диссертационного исследования. В теории уголовного права впервые исследована история возникновения, формирования и развития в законодательстве России института уголовной ответственности. При этом использованы практически все, относящиеся к теме исследования официальные российские правовые источники различных периодов развития российского государства и большой объем соответствующей литературы, мало или еще вообще не анализировавшейся в современных научных работах по уголовному праву.

Анализ и обобщение изученного материала позволили автору со своих позиций дать определения таким важнейшим уголовно-правовым понятиям, как "уголовная ответственность", "реализация уголовной ответственности", "дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности", "освобождение от уголовной ответственности", "прекращение уголовной ответственности", "правовые последствия освобождения от уголовной ответственности".

Теоретические выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях в сферах нормотворчества и правоприменения. В частности, они могут содействовать более полному разрешению вопросов, относящихся к содержанию и реализации уголовной ответственности с позиций справедливости, к специфике ответственности и наказания за различные по тяжести преступления, к разграничению различных категорий преступников, определению возрастных границ уголовной ответственности несовершеннолетних с учетом особенностей развития их личности. Кроме того, выводы автора являются заметным подспорьем научных поисков в рамках уголовно-процессуальной науки и в смежных областях знания, например, в истории государства и права Российской Федерации.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования конкретных положений диссертации как основы для выработки практических рекомендаций и предложений правоприменяющим органам. Их реализация может помочь решению сложных проблем, возникающих в процессе освобождения от уголовной ответственности и определения квалифицирующих к тому оснований в случае совершения освобожденным нового преступления.

Содержащиеся в диссертации выводы, рекомендации, научные материалы могут быть использованы при преподавании курсов уголовного права, истории государства и права Российской Федерации, а также отдельных тем курса уголовно-процессуального права.

Апробация диссертационного исследования и внедрение его результатов в практику выразились:

- в выступлениях (14) на научно-теоретических, научно-практических конференциях, симпозиумах и семинарах по исследуемой проблематике; в материалах научных докладов по теме диссертации (1993, 1994, 1995 гг.) на Ученом Совете и заседаниях кафедр уголов-

ного права и государственно-правовых дисциплин Саратовской высшей школы МВД РФ, кафедры уголовной политики и организации профилактики преступлении (1995, 1997 гг.) Академии управления МВД России;

- в подготовке предложений в Правовое управление МВД России в составе рабочей группы по совершенствованию информационного обеспечения уголовно-правовой деятельности органов внутренних дел в рамках реализации Концепции МВД России по их реформированию;

- в подготовке предложений в Следственный Комитет МВД России по проблемам повышения эффективности уголовной ответственности, реализуемой органами внутренних дел;

- в использовании результатов исследования в научно-исследовательской работе по отдельным вопросам общекафедральной темы "Концептуальные проблемы уголовной политики Российской Федерации в современных условиях и ее реализации органами внутренних дел" (план научной деятельности Академии управления МВД РФ);

- в использовании результатов исследований в учебных процессах Саратовского юридического института и Академии управления МВД России, Института международного права и экономики им. А С.Грибоедова, Национального института бизнеса по курсу "Уголовное право" по темам: "Понятие и основание уголовной ответственности", "Освобождение от уголовной ответственности и наказания", "История уголовного права России", "История науки уголовного права", по курсу "История государства и права России".

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух разделов, включающих в себя пять глав, содержащих семнадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

РАЗДЕЛ I

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ИСТОРИИ ПРАВА РОССИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Формирование и закрепление в древнерусском праве идеи ответственности за преступление

Возникновение идеи ответственности (вообще) связано с появлением еще в догосударственном обществе представлений о добре и зле, долге, совести, честности, равноправии, справедливости и т.д. Их становление происходило постепенно, в ходе формирования нравственных начал первобытного общества, его обычаев и традиций, носящих родовой характер. Одной из первых социальных форм совместного проживания людей была племенная община. Например, у древних славян она состояла из 50 - 60 человек, находившихся в кровном родстве и трудящихся сообща.[1] Здесь, как и во всяком обществе, часто возникали конфликтные ситуации. В общине желания и страсти людей неизбежно сталкиваются, что привело бы к нескончаемым распрям, если бы в людях не развивалось одновременно понятие о равноправии всех членов общества.

Отсюда постепенно складывалось и представление о справедливости. На это указывает происхождение слов Aeguitas, Eguite, которыми выражается понятие справедливости, равенства. Не случайно в древности изображали справедливость как женщину с завязанными глазами, держащую в руках весы. Соответственно ответственность и наказание за "обиду" (так в древней Руси обозначалось преступле-

---

[1] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. - М , 1993. С. 32. (Пер. с англ.).

ние), воспринимались как восстановление нарушенного общественно опасным деянием равноправия, равновесия весов справедливости. Если такое деяние приводило "до ран и до суда", то "судьи вымеряли величину ран, и тот, кто нанес большую рану, должен был уплатить виру (штраф в возмещение ущерба - А.М.), чтобы восстановить равенство обид. Так всегда делалось в продолжении многих столетий, если дело доходило до общинного суда".[1]

Праву древнейшего периода было известно лишь так называемое фактическое вменение. В те времена человеческая мысль при решении вопросов ответственности за преступление не шла дальше восприятия внешнего явления, не вторгалась во внутреннее содержание общественно опасного деяния, не выясняла оттенков виновности. Поэтому не различались факты умышленного и неосторожного причинения вреда; к ним приравнивались и случайные повреждения. Последнее приводило к тому, что возможным субъектом преступления, наравне с людьми, признавались животные и даже неодушевленные предметы.

В дальнейшем, как отмечал Н.С. Таганцев, фактическое вменение вины дополняется вменением моральным. При этом в нанесенном внешнем вреде судьи ищут проявления "внутренней виновности" субъекта. В его волевых устремлениях и игнорировании им установленного господством юридического порядка судьи видят основу ответственности - in malciciis voluntas, non rerum exitus (в преступлениях важнее намерение, чем результат - лат.).[2]

Личные и особенно межобщинные (межродовые) конфликты чаще всего разрешались в древности посредством кровной мести. Она выступала наиболее ярким проявлением родового начала общественного устройства.

---

[1] Кропоткин П.А. Этика. - М., 1990. С. 74 - 75.

[2] См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Часть общая; Лекции. - М., 1994. С. 223.

Обычай кровной мести был направлен против всего рода обидчика, независимо от того, являлись ли другие члены этого сообщества соучастниками преступления или нет. Кровное мщение было обязанностью каждого из членов рода потерпевшего. В древности данный обычай был распространен у всех народов в связи не только с убийством, но и с другими "обидами" (телесным повреждением, изнасилованием, кражей и т.д.).

Свидетельства тому есть, например, в статьях русско-византийских договоров 911 и 945 гг. В них последствия ответственности за убийство устраивали обе договаривающиеся стороны, поскольку кровная месть за убийство по принципу восстановления равенства "обид" (талиона) и смертная казнь за убийство, существовавшая в Византии еще со времен императора Юстиниана, совпадали по своей сути. Так, в договоре князя Олега (911 г.) за указанное деяние полагалось убить обидчика без уточнения, кто и как это совершит. В договоре князя Игоря (945 г.) предпринята частичная уступка русской стороне в пользу ее обычного права. Договор был дополнен положением, согласно которому родственники убитого задерживают и убивают обидчика. Здесь по существу кровная месть санкционировалась международным договором.

Еще ощутимее влияние русского обычного права чувствуется в этих договорах при решении вопроса об ответственности в случае бегства убийцы. Договор 945 г. в таких ситуациях определял, что если убийца "имущий", то родственники убитого забирают его имущество. (Впрочем, в договоре 911 г. есть уточнение: забирают узаконенную часть, а какая-то еще часть остается у жены убийцы). По сути такая форма ответственности являлась реализацией штрафной системы русского обычного права в виде "головничества", т.е. возмещения ущерба родственникам убитого.

Однако заключительный вариант ситуации с убийством, предусмотренной в договоре 945 г., снова ближе к византийскому праву, согласно которому при бегстве неимущего убийцы его искали и затем убивали. Самое же важное заключалось в том, что это делала государственная власть, так как в течение поиска беглеца на него существовало судебное дело ("да держится тяжи").[1] Здесь исключалась кровная месть по обычному праву, поскольку вступал в действие византийский закон, ответственность приобретала публичный, государственный характер.

Такая практика в Древнерусском государстве началась с середины X века. Она создала определенную юридическую возможность для введения в конце того же века, после принятия на Руси христианства, в русское право начал византийских уголовных законов.

Княжеская власть всегда преследовала убийство, если событие не оканчивалось кровной местью или мировой сделкой, а также в случаях, когда непосредственно была заинтересована в деле (убийство принадлежащих князю лиц). "Мировые по душегубству", допускались, как отмечал Н.Власьев, очень долго. Среди неселения заметно было желание удержать право на мировую. Так, новгородцы ставили в обязанность князьям не нарушать "вольного ряда" и не замышлять "самосуда"; сами же они давали, даже после приговора, месяц на переговоры ответчика с истцом. В свою очередь и князья ограничивали вершимый ими "самосуд" только случаями "татьбы с поличным". Запрещение же мириться с убийцами относится к более позднему периоду, причем оно распространялось лишь на субъектов умышленных убийств - "лихих людей".[2] Такой подход указывал на возможность в отдельных случаях освобождения от уголовной ответственности вследствие примирения.

---

[1] Полное собрание русских летописей. Т. 1. - М., 1962. Стб. 33 - 36, 46 - 53 (далее - ПСРЛ).

2 См.: Власьев Н. О вменении по началам теории древнего русского права. - М., 1860. С. 144.

Некоторые установления русско-византийских договоров близки по своему содержанию отдельным нормам "Русской правды". Это относится и к положениям, касающихся ответственности за "обиду".

"Русская правда" - первый письменный отечественный сборник правовых обычаев, постановлений, выделенных из княжеских уставов и судебных решений. Этот сборник является важнейшим источником древнерусского права. "Русская правда" дошла до нас во многих списках и в двух редакциях - так называемых Краткой (первоначальной по времени действия) и Пространной.[1]

Первый список "Русской правды" относится примерно к 1017 г. (при князе Ярославе). Он называется "Правдой Ярослава". Впоследствии (1072 г.) "Русская правда" была дополнена сыновьями Ярослава ("Правда Ярославичей"). Еще позже, в XIV веке, "Русская правда" подвергалась новым изменениям и дополнениям.

Конкретное ее содержание во многом определялось спецификой общественно-политического устройства Киевской Руси Древнерусского государства.

Первые государственные образования на Руси, а впоследствии и Киевское государство, сформировались в результате общественно-экономического развития славянских племен, а не под воздействием внешних обстоятельств. "Водворение варяжских князей в Новгороде, а затем в Киеве не принесло с собой ощутимого влияния на жизнь славян, а сами пришельцы, князья и их дружины, подверглись на Руси быстрой славянизации".[2]

Славяне в рассматриваемый период управлялись демократически, обсуждая и решая дела в народных собраниях (вече). Власть князей была ограничена волею вече, на котором они избирались, вы-

---

[1] См.: Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X - XX веков / Под ред. О.И.Чистякова. Т. 1. М., 1984. С. 47 - 63, 64 - 129.

[2] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. - М.,1993. С.98.

полняли в своей деятельности его решения и отчитывались перед ними. "Читая скудные свидетельства летописи, мы видим, что главная деятельность князя направлена на то, чтобы: 1) объединить русские племена и создать на Руси единое государство; 2) устроить как можно выгодно торговые отношения с соседями и обезопасить торговое движение к иноземным рынкам и 3) оборонить Русь от внешних врагов".[1]

При этом "показательно, что ни в одном русском произведении киевского периода нет ссылок на принцип римского императорского права "нет законов для правителя (Princeps legibus solutus est). Напротив, почти в каждом русском рассуждении о государственной власти подчеркивается, что правитель связан законом".[2]

Взаимоотношения князя с дружиной, с общиной регулировались соответствующими отдельными соглашениями. Социальную единицу общественного строя Киевской Руси в эпоху "Русской правды" составляли объединившиеся группы задруг-дворищ, поселков в более крупный союз, в вервь. Будучи носительницей основ общинного самоуправления и обычно правового уклада отношений, вервь входила в состав более крупной организации волости. Для последней вервь являлась одной из главных опор в поддержании правопорядка и внутреннего мира во всей волости.

"Характерная черта верви - ее судебно-административные обязанности и связанная с ними ответственность. Она особенно ярко выступает в так называемом гонении следа и в уплате виры" (штрафа - А.М.).[3] Представители верви обязаны были содействовать розыску преступника. При наличии на месте преступления следа, по которому можно

---

[1] Платонов С.Ф. Указ. раб. С. 103.

[2] Вернадский Г.В. Киевская Русь / Под ред. Б.А.Николаева. - М., 1996. С. 309.

[3] Пресняков А.Е. Киевская Русь // Княжое право в древней Руси: Лекции по русской истории. - М., 1993. С. 397.

преследовать вора, потерпевший или заинтересованный криком созывал людей и "гнал след".

Здесь предполагались следующие варианты. Первый - след вывел к селу или украденному товару (временная обозная или торговая стоянка на земле общины). Второй - члены общины определили по следу, что вор ушел за пределы ее территории. Если они для преследования вора ничего не делали, то несли ответственность за кражу, возмещая ущерб потерпевшему. Если след выводил "гонщиков" на дорогу, где нет поселений, или к безлюдному месту, община не несла ответственности за кражу. "Гнали след" с участием людей, не принадлежащих к данной общине. Они выступали понятыми, чтобы исключить предвзятость результатов розыска. ("Русская правда", ст. 77. Простр. ред.).

При убийстве обязанность розыска преступника выполняла вервь, на территории которой оно было совершено. Это соответствовало и укладу волостного быта; и "ответственности верви за искоренение в своей среде "лихих людей".

Статья 20 "Русской правды" (Крат. ред) обязывала вервь разыскать убийцу - "головника". Если преступник был известен, но не пойман, то за убийство "огнищанина, княжего мужа" князю платила виру в размере 80 гривен та вервь, в которой "голова лежит", т.е. та, где был найден убитый. Позднее, это положение было дополнено: за убитого человека, не принадлежащего к разряду "княжих мужей" уплачивалось 40 гривен" (ст. 3 Простр. ред.). В случаях необнаружения "головника" ответственность несла вся вервь в виде виры, которая называлась "дикой". Ее собирали все члены общины. Последней даже предоставлялась рассрочка уплаты на несколько лет (ст. 4 Простр. ред.)

Таким образом, на вервь возлагалась ответственность за бездействие по розыску преступника или возможное его укрывательство.

При отсутствии же сведений для розыска или подозрения, что преступник должен оказаться в данной среде, вира не уплачивалась.[1]

Коллективная ответственность также могла иметь место, если убийство произошло открыто, в ссоре или на пиру. При этом "головничество", - т.е. ущерб родственникам убитого, возмещал сам убийца, а виру в 40 гривен князю уплачивала вервь, причем в указанную сумму вносил свою долю и виновный. Такая помощь убийце со стороны общины была возможна лишь в том случае, если он ранее делал свой вклад в "дикую виру" (ст. 5, 8 Простр. ред.). Отказ от участия в платеже "по раскладке" осложнял положение убийцы. Вервь ему не помогала, и он нес индивидуальную личную ответственность, подвергаясь мести или "выдаче головой" потерпевшей стороне либо князю на "поток и разграбление".[2]

Вервь не несла ответственности, если убийца был "ведомый разбойник" и виру не платила (ст. 7 Простр. ред.). Здесь ей вменялось в обязанность лишь выдать виновного с женой и детьми "на поток и разграбление". Подобная санкция тоже представляла собой разновидность коллективной ответственности, хотя и меньшего числа лиц, чем в случаях с вервью.

Позднее "Русская правда" (Крат. ред.) различала три вида убийства "княжих людей", что существенно влияло на строгость ответственности. Убийство огнищанина в разбое каралось строже (ст. 20) его убийства в отместку (ст. 19). При убийстве огнищанина у клети (дом, хозяйственная постройка, кладовая) ст. 21 разрешала убить преступника сразу, т.е. без суда. Таким образом, "Русская Правда" строгость уголовной ответственности и суровость ее последствий прямо связывала с характером опасности совершенного преступления.

---

[1] См.: Пресняков А.Е. Указ. раб. С. 432 - 433.

[2] См.:Владимирский - Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - Киев, 1915. С. 326.

Сразу же по принятию на Руси христианства, духовенство именно из-за участившихся разбоев и убийств посоветовало великому князю Владимиру - Красное Солнышко ввести смертную казнь. Это было сделано с запретом убийцам откупаться вирой. Однако скоро попытка стремительного перехода к принципам византийских наказаний потерпела крах. Уголовные штрафы играли важную роль в обеспечении функционирования государственного механизма Древней Руси, в частности в деле вооружения, формирования дружин. С прекращением поступлений в княжескую казну вир финансовое положение государства стало ухудшаться. Тогда, как лаконично сообщает летопись, "начал жить Владимир снова по устроенью отцов и дедов".[1]

Вместе с тем, "попыткой введения смертной казни и запретом откупа убийцам - духовенство открыло светской власти широкое поле для применения византийского права".[2] Как отмечают исследователи, "тесная связь основ русского церковного права с традиционным общинным и княжеским правом видна уже в XI веке и не является новостью для XIII века."[3]

В рассматриваемый период вервь освобождалась от ответственности и не платила "дикой" виры, если на ее территории находили кости или труп человека, которого никто не знает. Здесь "Русская Правда" (ст. 19 Простр. ред.) как-бы косвенно вводила норму об освобождении от уголовной ответственности вследствие давности совершения убийства.

Изложенное подтверждает то обстоятельство, что основным источником "Русской правды" в вопросах установления ответственности

---

[1] ПСРЛ. Т. 1. - М., 1962. Стб. 126 - 127.

[2] См.:Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. - Казань, 1892. С. 25.

[3] Щапов Я.Н. Вторая жизнь памятников права в Древней Руси // Россия на путях централизации. - М., 1982. С. 210.

выступал обычай. Его соблюдение было направлено на удовлетворение потерпевшего и возмещение ущерба, что фактически сводило ответственность виновного к кровной мести ему или денежной компенсации. Однако в новых условиях месть, будучи урегулированной "не обычаем только, а обычным правом", и осуществляемая "под контролем обычного суда, обретает правовой характер".[1]

Кровная месть не могла быть отменена в Киевской Руси каким-либо актом княжеской власти. Месть ограничивалась в своем применении, заменяясь с течением времени (по мере усиления государственной власти) все чаще и чаще системой выкупов, сложившейся еще в родовом обществе, хотя и не как правовой институт. "С одной стороны, - отмечал А.Багдановский, - обычное право народа, умягчение нравов вследствие принятия христианской веры, а с другой - законодательная деятельность князя положили известные пределы, ограничения дотоле ничем неограниченному самосуду частного человека, хотя первые попытки в этом деле были еще весьма слабы и незначительны".[2]

Возможности выражения ценности утраченного блага и специальные средства платежа, позволяющих вместо натурального способа покрывать нанесенный ущерб другими эквивалентными благами, появились еще до образования государства. Этому способствовало развитие производства, постепенное внедрение в общение между родами практики обмена теми или иными ценностями, в процессе которого определяется их меновая стоимость. Возмещение ущерба начинает занимать, наряду с кровной местью, значительное место в механизме установления и реализации ответственности за содеянное. Таким образом, коллективная ответственность за

---

[1] Пресняков А.Е. Указ. раб. С. 444.

[2] Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. - М., 1857. С. 11.

"обиду", выражавшаяся ранее, как правило, в кровной мести роду обидчика, постепенно приобретает характер коллективной материальной ответственности при возмещении ущерба.

В первой части "Русской Правды" (с 1 по 18 ст. Кратк. ред.), называемой исследователями древнейшей, говорится о мести за убийство со стороны родственников. При этом откупная плата за убийство применялась лишь в тех случаях, "аже не будет кто мьстя" (ст. 1). Предполагалась месть и за нанесение оскорбления, побоев (ст. 2, 3), за членовредительство в виде травм руки, ноги, пальца (ст. 5, 6, 7). В перечисленных случаях законодатель предусматривал виру - 40 гривен, т.е. как при убийстве. Следовательно, ответственность по "Русской правде" имела как бы двойственный характер. При отказе от кровной мести она могла быть заменена вирой - своего рода денежной компенсацией потерпевшей стороне, а вместе с тем и вознаграждением князю.

Как и в догосударственный период, ответственность по "Русской правде" наступала за сам факт нанесения "обиды". Здесь также господствовало объективное вменение. Этому способствовало слабое развитие в ту эпоху общественной и законодательной мысли, которая не шла дальше восприятия внешнего явления, не доискивалась до причин вины, ее степени и т.д. К тому же и особой необходимости в том не было: для достижения цели возмещения нанесенного ущерба установление вины при определении ответственности значения не имело. Без причинения вреда не было и ответственности.

Вместе с тем, "Русская правда" представила в отечественном законодательстве первые зачатки субъективного вменения уголовной ответственности и ее различения в зависимости от виновности. Отдельные установления "Русской правды" уже разграничивали действия, учиненные умышленно, виновно и случайно. Так, убийство предумышленное, совершенное "в разбое", отличалось законодателем от

убийств "на пиру явленных", произошедших в ссоре (ст. 6), "без всякой свады" (ст. 7). При уничтожении чужого имущества особо выделялось намеренное учинение вреда - "пакощами", "пакости дея" (ст. 84). Данное деяние рассматривалось законом как более опасное, чем уничтожение случайное или совершенное по неосторожности. Однако это были лишь исключения; общим же правилом оставалась объективная ответственность.

Таким образом, первые нормы ответственности в зарождавшемся феодальном уголовном праве преследовали прежде всего цель удовлетворения интересов потерпевшей стороны, преимущественно частных лиц. Система вир являлась не только важным источником пополнения княжеской казны. Их неуплата тоже служила поводом для воздействия на личность виновного. Этими возможностями для усиления своего господства широко пользовались князья, еще не обладавшие сильной властью в государстве. "Введение уголовной ответственности перед княжой казной", - отмечал А.Е.Пресняков, - надо признать как "крупный успех княжеской власти", который должен быть отнесен ко времени окончательного "установления и организации княжеско-дружинного строя в Киевщине".[1]

Важным фактором в развитии древнерусского права был свойственный ему дуализм. Каждое славянское племя устанавливало определенные правила социального поведения еще задолго до утверждения в Киеве князей из династии Рюрика. Князья, в свою очередь, стремились возложить на народ новые, выгодные им правовые обязательства. В древнейшей части Краткой редакции "Русской правды" свидетельством этому является одинаковая вира за убийство свободного общиника и "княжьего мужа", а значит и их равная ответственность за общественно опасные деяния.

---

[1] Пресняков А.Е. Указ. раб. С. 445.

Русское сообщество Киевского периода состояло из двух крупных групп: людей свободных и рабов. К последним древнейшая часть Краткой редакции "Русской правды" относила холопов и челядин. Закон (ст. 11, 16) рассматривал челядина как вещь - не субъект права. К холопу было двоякое правовое отношение (ст. 17). С одной стороны, холоп формально не причислялся к субъектам права и за причиненный им моральный ущерб ответственность нес его господин, так как имущественные санкции к холопу было невозможно применить из-за отсутствия у него собственности. С другой - на холопа распространялся обычай кровной мести, поскольку обратное утверждение в законе отсутствовало. В данном случае холоп являлся в какой-то мере субъектом права: он мог мстить, как свободные люди, и ему могли мстить. Следовательно, ответственность за совершенные им неимущественные преступления нес сам холоп.

В позднейшей части Краткой и в Пространной редакции "Русской правды" такая двойственность уже отсутствовала. С усилением государства все более утверждалось классовое деление общества. Многое в праве, в том числе и ответственность за преступление, приобретало классовый характер. Холоп стал окончательно не свободным, не наделялся каким-либо правом и считался по закону собственностью, вещью хозяина. Последний мог безнаказанно холопа убить, продать и т.д. В некоторых случаях право расправиться с холопом имел и сам потерпевший от него, не неся за это ответственности (ст. 46, 65 Простр. ред.).

О значительной дифференциации древнерусского общества свидетельствуют положения ст. 1 Пространной редакции "Русской правды". Ею наряду с традиционной 40-гривенной вирой была установлена и двойная вира в 80 гривен, которой охранялась жизнь управителей княжеского феодального хозяйства и приближенных князя ("княж муж", "тиун княж"). Это соответствовало нормам статей 19, 22 - 27

Краткой редакции, явившимся нововведением князей Ярославичей. Новой была и норма, охраняющая 40-гривенной вирой жизнь управителя боярской вотчины (ст. 14 Простр. ред.).

Таким образом, закон выделял из древнерусского общества группу лиц, приближенных к субъектам власти. Основной смысл такого подхода был не "в увеличении права этих лиц, а лишь в экстраординарной их защите", причем повышенная вира шла в казну князя, а не потерпевшему.[1] Здесь прослеживается и фискальная цель - обеспечение получения выкупа. Это имело особенно важное значение в случаях типа убийства "княжа мужа", когда князь выступал в качестве непосредственного истца, а убийство приобретало публичное, своего рода общественно-политическое звучание. Тогда-то "общею вервною ответственностью и обеспечивалась сильнее всего безопасность княжих людей среди населения еще несовершенно покоренного".[2]

Развивался и институт уголовных штрафов. Древнейшая часть Краткой редакции "Русской правды" не упоминала о "казнях" вирами и продажами. Она лишь определяла платы "за голову" или "за обиду". О том, в чью казну шли эти платы, видно из текста ст. 2: "Оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда". Исходя из сумм уплат, упоминаемых в данной редакции, князю шла только та 40-гривенная плата, которая полагалась ему по ст. 1 за потерпевших лиц, состоящих под княжеской защитой.

В отличие от этого, позднейшая часть Краткой редакции, кроме двойной 80-гривенной виры за убийство "княжих людей" (огнищанин, ездовой, тиун, конюх), "уроков" за княжих людей (сельский или ратайный княжий староста, рядович, смерд, холоп) и вознаграждения за пропажу имущества, впервые ввела разграничение в пене за преступ-

---

[1] Пресняков А.Е. Указ. раб. . С. 416.
[2] Власьев Н. Указ. раб. С. 148.

ление - "урока" за убыток и уголовного штрафа путем продажи имущества виновного в пользу князя (см., например., ст. 35, 36). Все это является свидетельством того обстоятельства, что ответственность все больше стала обретать частно-исковой характер. Еще одним подтверждением тому служит порядок судебного производства, по которому дело могло быть начато по жалобе или челобитью потерпевшего, его семьи или рода. Судебный процесс представлял из себя тяжбу "сторон перед князем или поставленными им судьями, независимо от предмета спора: в эпоху "Русской Правды" уголовный и гражданский процесс не различались (соответственно и правовая ответственность - А.М.). Можно сказать, что каждый "иск" являлся, в сущности, "обвинением", всякое притязание носило деликтный характер".[1]

Анализ содержания "Русской правды" позволяет сделать вывод: в ее списках и редакциях разных периодов наиболее полно представлен процесс формирования в Древней Руси важнейших правовых идей и понятий, в том числе и относящихся к уголовной ответственности.

В дальнейшем идея ответственности за преступление получила свое развитие в появившихся на Руси вслед за "Русской правдой" других правовых памятниках. Одним из них была "Двинская уставная грамота" (1398 г.) великого князя Василия Дмитриевича, юридически оформившая вхождение Двинской земли в состав Московского государства. Этот документ отразил во многом сохранившийся частно-правовой характер уголовной ответственности, последствием которой являлись виры в виде общинной пени (платы) и продажи имущества виновного в счет компенсации нанесенного ущерба.

Новшеством здесь было установление на основе общеправового частно-искового порядка рассмотрения дел норм об ответственности

---

[1] Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. - Спб., 1995. С. 642.

за "татьбу" (кражу). При этом учитывалась неоднократность ее совершения. "Двинская уставная грамота" назначала за "первую татьбу" продажу имущества виновного для компенсации потерпевшему стоимости украденного. За "вторую татьбу" указывалась неопределенная санкция - "продати не жалуя". Кроме того, предусматривалось клеймение преступника ("татя всякого пятнаты") в целях фиксации опасности для общества данного лица и привлечения его к более строгой ответственности при совершении им нового преступления. За "третью татьбу" назначалась смертная казнь.

Таким образом, законодатель исключил самосуд и дифференцировал ответственность и наказание за кражу в зависимости от тяжести нанесенного "татьбой" ущерба и повторности ее совершения.

"Двинская уставная грамота" закрепила две новые основы становления и развития уголовного права в Древней Руси. Во-первых, было положено начало порядку взыскания денежных пеней для обеспечения ответственности за содеянное путем продажи имущества виновного по цене иска. Во-вторых, стало утверждаться понимание о том, что преступления должны преследоваться едиными установленными законом нормами ответственности. Последняя же должна обеспечиваться применением мер, которые могли бы на будущее обезопасить общество и лишить преступника возможности впредь совершать противоправные деяния. Такими мерами являются публичные наказания, воздействующие главным образом на личность преступника, а не уменьшающие его имущество. К ним относится и смертная казнь.

Вместе с тем в русском праве рассматриваемого периода по-прежнему преобладающей оставалась ответственность, обеспечиваемая системой денежных пеней. Прогресс здесь заключался лишь в том, что во всех случаях и за все виды правонарушений пеня стала взыскиваться в пользу государства. "Виры и продажи, - отмечал

А.Багдановский, - суть теперь пени, платимые князю или его наместнику в случае убийства или другого преступления, тогда как прежде (по Русской Правде) так назывались по преимуществу платежи обидчиков обиженным, а князю выделялись только известные из них доли".[1]

Следующие по очередности принятия правовые памятники Новгородская и Псковская судные грамоты - представляют собой дальнейшее развитие идей и понятий, содержащихся в "Русской правде" и "Двинской уставной грамоте".[2] Главное их отличие от последних состоит в том, что княжеский суд в Новгороде и Пскове приобрел особое значение, вследствие которого ему виры стали чужды, а продажи имущества виновного не приобрели того значения, которое они имели по "Русской правде".

"Псковская судная грамота" расширила круг деяний, подпадающих под личную ответственность и публичные наказания. Так, она заменила смертной казнью предусматриваемое "Русской правдой" неопределенное наказание "поток и разграбление", назначаемое "коневому татю" и "зажигальнику". Кроме того, смертная казнь была *установлена за преступления, ранее не упоминаемые в* "Русской правде", - "кромную татьбу" (кража церковного имущества) и "переветничество" (измену) (ст. 7).

В данном подходе проявилась дальнейшая направленность древнерусского законодательства на определение и расширение круга нарушений, имеющих не частное, а общественное значение, т.е. опасных не для конкретного лица, а в целом для общества. Таковыми представлялись, например, "кромная татьба" и "переветничество". Соответственно в русском праве постепенно начинается разграничение в отдельные его институты гражданской и уголовной ответственности.

---

[1] Богдановский А. Указ. раб. С. 46.
[2] См.: Законодательство Древней Руси. С. 304 - 308, 331 - 342.

"Псковская судная грамота" предусматривала за "татьбу" в первый и во второй раз уже не столько имущественную, сколько личную ответственность преступника, которого следовало "казнити по его вине" (ст. 8). В случае убийства в пользу князя назначалась не вира, а сравнительно небольшая часть выручки от продажи имущества виновного (ст. 96). Статья 98 определяла обстоятельства освобождения от уголовной ответственности женщины-новороженицы. Не назначал закон наказания и при решении дела примирением сторон, которые " промеж себя прощенье возмут" в связи с дракой (ст. 80). Близкая по содержанию норма (ст. 3) есть и в "Двинской уставной грамоте." [1]

Однако рассматриваемый документ во многом носил тот же характер, что и предшествующие ему памятники права. Материальные взыскания с продажей имущества виновного сохранялись за кражу вещей из-под замка, за кражу скота, сена, за разбой, грабеж и убийство. Кроме князя, виновный обязан был удовлетворить и пострадавшего. За побои он платил ему 1 руб., за вырывание бороды - 2 руб., за кражу скота сумма платежа зависела от стоимости похищенного вида животного (ст. 120, 117, 112).

"Новгородская судная грамота" дошла до нашего времени не в полном объеме. Вместе с тем содержание сохранившихся ее статей свидетельствуют о том, что она развивала нормы "Русской правды". Указанные выше продажи еще оставались основной формой последствий ответственности за преступление. Однако здесь отчетливо видно стремление законодателя к дифференцированному ее применению с учетом возрастания имущественного расслоения в обществе. Так, за наезд и грабеж назначается в обеспечение ответственности продажа: с боярина 50 руб., с житьего человека - 25, а с молодшего - 10 руб. (ст. 10). При этом выручка от продажи поступала в казну князя и город-

---

[1] См.: Законодательство Древней Руси. С. 374.

ской общине, которая участвовала в лице своих представителей в производстве суда. В отдельных случаях продажи имущества виновного конкретные компенсационные суммы законом не определялись, а устанавливались по усмотрению судьи, который назначал их величину согласно с виною и имущественным состоянием субъекта, уличенного в преступлении.

Статья 33 гласила: "А кто кого утяжет в татьбе с поличным, или в разбое, или в грабежи или в поголовщине ... ино взять судьям от судной грамоты четыре гривны, а от безсудной две гривны". Взыскание это имело значение судебной пошлины. Затем закон продолжал: "А кто на кого возмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи или до истца, ино ему переговариваться с ним месяц". Если же виновный за этот срок пошлины не выплачивал, то принуждался к тому приставами Новгородского вече. В случае же попытки уклониться от платежа предусматривалось его "казнить всим Великим Новым городом" (ст. 34).

Речь в данной норме идет об условиях возможного перехода от частно-исковой формы ответственности за преступление к личной. Происходило это следующим образом: переговоры должны были касаться продажи имущества виновного, выручка от которой поступала и судье, и как удовлетворение истцу. Если стороны не приходили здесь к согласию, то ответственность обеспечивалась уже не путем имущественного взыскания, а посредством личного наказания, хотя и весьма не определенного по своей формулировке.

Наконец, "Новгородская суднач грамота" запрещала самоуправство по всем видам преступлений: "А до суда над ним силы не деять, а кто силу доспеет ино тым его и обвинить". Даже при выяснении, что подвергнувшееся частному возмездию лицо было действительно виновно, к ответственности оно уже не привлекалось (ст. 36).

Таким образом, анализ содержания древнерусских памятников права позволяет сделать следующие выводы:

1) С усилением государственной власти, развитием производства, общества в законодательстве по вопросам ответственности за преступления интересы частного лица постепенно начинают уступать место интересам государства.

2) Развитию государственного начала в становлении и формировании института ответственности за преступление во многом способствовали договоры русских князей с Византией (начало X в.) и принятие Русью христианства (конец X в.). С восприятием отдельных принципов византийского права в древнерусском праве появляется новая система санкций: смертная казнь; болезненные и членовредительные телесные наказания.

Как отмечал В.И.Сергеевич, "с принятием христианства начинают сталкиваться две системы. Первоначально, народно-русская система оказывается более сильной, и мы даже в церковных уставах и в применении к преступлениям, которые внесены греко-римскими постановлениями, встречаемся с выкупом. Преступления взяты из греко-римских сборников, а наказания руские - выкуп. Но мало-помалу новая система пролагает себе путь".[1]

О переходе русского права от обеспечения защиты частных интересов к удовлетворению публичных, т.е. всеобщественных, государственных интересов, свидетельствует и дальнейшее развитие его института ответственности за преступления.

§ 2. Ответственность за преступление по праву Русского централизованного государства (вторая половина XV - XVII вв.)

Образование русского централизованного государства повлекло за собой появление первого общерусского кодекса - Судебника Ивана III (1497 г.).В нем отразились "общий процесс экономического подъема,

---

[1] Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. - Киев, 1889 - 1890. С. 513.

рост политического влияния дворянства и начало процесса закрепощения крестьян".[1]

Нормы Судебника 1497 г. развивали идеи и понятия, содержавшиеся в "Русской правде", Псковской и Новгородской Судных грамотах, признаваемых его источниками. По своей сущности Судебник представляет собой "собрание правил процедуры и избранных правовых норм, предназначенных прежде всего как руководство для судей высших и местных судов".[2] Его принятие было обусловлено завершающимся процессом объединения русских земель и связанной с этим необходимостью установления единообразия управления на всей территории утверждающегося нового русского государства.

Быстрый рост в рассматриваемый период численности и усиление влияния поместного дворянства и купечества выявил потребность в законодательстве, которое бы более надежно защищало интересы данных общественных групп. Это предопределялось и ужесточением эксплуатации крестьянства со стороны средних и мелких феодалов. Обострившаяся же в обществе классовая борьба стала облекаться в своеобразную форму - "в образование групп "лихих" людей, которые нападали на помещичьи усадьбы".[3] Указанные обстоятельства обусловили ярко выраженный классовый характер Судебника 1497 г.

В данном документе понятие преступления трактуется отлично от "Русской правды", но в принципе тождественно "Псковской судной грамоте". Под преступлением в Судебнике подразумеваются действия, которые так или иначе угрожают государству либо господствующему классу и поэтому запрещаются законом. Принято новое обозначение преступления - "лихое дело".

---

[1] Юшков С.В. История государства и права СССР Ч. 1. - М., 1961. С. 172.

[2] Вернадский Г.В. Россия в средние века. - М., 1997. С. 116.

[3] Юшков С.В. Указ. раб. С. 167.

Такое понимание преступления предопределило усиление государственного начала в установлении уголовной ответственности, еще более отодвинув на второй план ее частно-исковой смысл. Превуалирующая до 1497 г. в праве Руси имущественное обеспечение ответственности за преступление перестало носить самостоятельный характер. Продажи имущества виновного в счет возмещения нанесенного им ущерба как санкции стали больше похожи на денежный штраф (пошлину) в пользу князя или лиц, осуществляющих правосудие.

Согласно нормам Судебника 1497 г. в некоторых случаях такие продажи выступали в виде дополнительных наказаний, применяемых в сочетании со смертной или торговой казнью. Например, ст. 8 гласила: "Того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити из его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе. А противень и продажу боярину и диаку делити ..." . Размер продажи устанавливался судом. По нормам судебника 1497 г. и последующих законодательных актов, прежние виры и продажи переходят главным образом в разряд постоянных судебных пошлин.

Вместо вир и продаж основным последствием ответственности за преступление стали так называемые публичные и личные наказания, берущие свое начало еще в "Двинской уставной грамоте". В ней лишь однажды упоминается смертная казнь - за кражу, совершенную в третий раз. "Псковская судная грамота" определяла пять ситуаций применения смертной казни. В Судебнике их указано уже десять. Смертной казнью карались: убийство, татьба, грабеж, ябедничество (злостная клевета), церковная и "головная" кража, крамола, подмет, поджег и другие "лихие дела" (ст. 8, 9, 11).

Форма исполнения смертной казни в Судебнике не конкретизировалась. Здесь употреблялись лишь общие и неопределенные термины: "казнити смертью", "живота не дати". В XV в. смертная казнь

осуществлялась через повешение или отсечение головы; летописи упоминают и о смертной казни через утопление.[1]

Ужесточение законодательства феодального государства в сфере борьбы с преступностью выразилось и в появлении новых видов наказания. В Судебнике 1497 г. впервые упоминалась торговая казнь. Она устанавливалась за первую "татьбу" и повреждение межевых знаков (ст. 10, 62). Данная казнь состояла в битье кнутом на торговой площади и часто влекла за собой смерть наказываемого.

Анализ правовых документов, принятых на Руси в рассматриваемый период, показывает, что зависимость уголовной ответственности от иска потерпевшего лица и ее неопределенность все больше уходят в прошлое. Это особенно наглядно проявляется относительно тех случаев, при которых преступление или прямо посягает на общественно важные интересы, или совершается лицом повторно. Так, развивая систему публичных и личных наказаний, Судебник 1497 г. установил смертную казнь уже и за "татьбу с поличным", совершенную вторично (ст. 13).

Без сомнения, подобный подход законодателя свидетельствует о дальнейшем признании в уголовном праве важности учета субъективной стороны преступления для определения меры ответственности. Однако такое признание не всегда последовательно отражено в Судебнике и не вполне закреплено в его нормах. Даже в установлении смертной казни за вторичную кражу проявляется не столько желание законодателя привести меру, объем ответственности (наказания) в соответствие со степенью виновности преступника, сколько стремление обезопасить общество от "лихих людей".

В Судебнике 1497 г. употреблено новое для уголовного права рассматриваемой эпохи понятие - "ведомый лихой человек". Таковым

---

[1] См.: Штамм С.И. Судебник 1497 года. - М., 1995. С. 49.

признавалось лицо, на которое "доведут татьбу или разбой, или душегубство, или какое-либо "лихое дело". При этом не требовалось доказывать, что им совершены конкретные преступления. Достаточно было утверждений "лучших людей", что обвиняемые известны как "лихие". За одни и те же преступления мера ответственности для "лихих людей" и других виновных была различной. Признанный "лихим" человек не мог быть выдан истцу "головой" или "на отработки" (ст. 8) и "казнился смертью" (ст. 39). "Необлихованные" могли быть казнены только за вторую кражу или ряд преступлений против государства и религии (ст. 10 - 13).

Приведенные положения Судебника по вопросам ответственности за преступление четко показывают их направленность на усиление защиты интересов государства, его господствующих классов, требующих уничтожения "ведомых лихих людей". Лишь в этой связи законодатель придавал значение характеристике личности субъектов, признаваемых "ведомыми лихими" и определял их бескомпромиссно строгую и жесткую ответственность и наказуемость.

В Судебнике 1497 г. законодатель отдал и дань уважения обычаям, традициям народа, которые продолжали влиять на формирование права и его институтов, в том числе и относящимся к ответственности за преступление. Так, допускалось решение судебного спора путем боевого поединка ("поля") истца и ответчика с возможностью освобождения от ответственности вследствие примирения сторон на "поле" за такие тяжкие преступления, как поджог, убийство (душегубство), кражу (татьбу), разбой (ст. 4, 5).

Еще в древности споры разрешались по праву силы публично в поединках. "На миру и смерть красна" - поговорка давнего прошлого. Смерть воспринималась по нравам того периода достаточно спокойно, как простой переход из мира земного в мир загробный, к своим

предкам. "Псковская судная грамота" была буквально пронизана "правом поля" (ст. 10, 11, 17, 18, 20, 27, 117, 119).

По нормам Судебника 1497 г., если кто-либо из "послухов" (сторон), участвующих "в поле", являлся "шалым" или старым, калекой или попом, или монахом, то ему можно было вместо себя нанять наймита для поединка с другим "послухом" (ст. 21). Женщины от участия в поединках не освобождались, поскольку "наймиту от жонки не биты ни с одну сторону" (ст. 119). Только в 1551 г. по особому постановлению духовного собора было запрещено священников, дьяконов и людей иноческого чина принуждать к "полю", несмотря на то, что и раньше в судебных поединках они выставляли вместо себя наймитов.[1]

Выходившим биться на "поле" разрешалось использовать в поединке любое оружие, исключая пищали и луки. Поединщики облачались в одежду из панцыря, лат, поручей и шлема. В начале поединка использовались пики, а затем в ход шли и другие орудия. Если "поле" происходило в Москве, то при нем присутствовали окольничий и дьяк, в обязанность которых входило наблюдение за порядком.[2] Состоявшиеся поединки практически всегда приносили смерть одному из участников.

Со временем судебные поединки постепенно выходят из употребления. Уже с конца XV века дворяне все чаще отказывались от "поля" с представителями низших классов или выставляли вместо себя бойцов-наймитов. Судебник 1550 г. еще знает "поле". Окончательно "поле" отменяется указом 1556 г., в котором Иван IV повелел "судити и сыскивати во всяких делах и управу чинити безъ поль".

Согласно нормам Судебника 1497 г. ответственность за деяние, освобождение от нее, назначение наказания в деле преследования пре-

---

[1] См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 1, 1294 - 1598. - Спб., 1836. N 229.

[2] См.: Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половина XVII веков). Спб, 1884. С. 203 - 205.

ступлений против частных интересов (личных прав), как и в предшествующую эпоху, вполне зависили от потерпевшего лица. Существование обычного обвинительного процесса предопределяло возможность прекращения производства дела "по мировой во всех стадиях". Наказание даже за убийство (если преступник не был "государский убойца" по ст. 9 Судебника - А.М.) могло ограничиться "уплатою за голову в пользу родственников убитого и пошлины в пользу наместника".[1] Таким образом, в ходе судебного процесса вполне допускалось примирение преступника с потерпевшим (кроме дел о "ведомых лихих людях"). Оно влекло освобождение от уголовной ответственности с прекращением дела и уплатой судебных пошлин.

Дальнейшее развитие институт уголовной ответственности получил в Судебнике Ивана IV (1550 г.)[2]. Работа по его созданию велась с намерением возврата к прошлому. Определяя ее цель, царь указывал: "Судебник исправити по старине". В этом документе было сохранено все, что можно было взять в новых условиях из Судебника 1497 г.

Оценивая такой подход, Я.О.Барщев писал: "Грамоты и памятники права этого периода прямо отдают всю честь старине: в них часто повторяется правило: судить как судили деды; судить по пошлине. Сходство постановлений не только по содержанию, но и по самим словам и выражению, самим делом доказывает уважение их к старине".[3]

Вместе с тем, Судебник 1550 г. значительно усилил процедуру обвинения ("облихования"). Он окончательно отодвинул на второй план суждение о факте преступления как единственном основании

---

[1] Владимирский-Буданов М.В. Указ. раб. С. 337.

[2] См.: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. - Российское законодательство X - XX вв. В 9 т. / Под ред. О.И.Чистякова. Т. 2. М., 1985. С. 97 - 120.

[3] Барщев Я.О. О влиянии обычая, практики, законодательства и науки на развитие уголовного, в особенности, русского права. - Спб, 1846. С. 56.

привлечения к уголовной ответственности. Последняя в связи с "облихованием" обрела самостоятельное значение, независимо от строгости дознания, которому в процессе судебного разбирательства подвергался обвиняемый в преступлении.

Так, обыск и пытка, предусмотренные ст. 52 Судебника 1550 г., были новостью в его тексте, а не для процедуры, "которая, вероятно, подразумевалась и в Судебнике 1497 г. (ст. 14, 34)".[1] Безусловная новелла в ст. 52 - альтернатива строгости ответственности в зависимости от признания или непризнания обвиняемого в совершении им "прежних татьб". При признании - смертная казнь, при непризнании - пожизненное заключение, равно как и в случае, если "скажут в обыску, что он добрый человек".

Судебник 1550 г. расширил перечень преступников, подвергаемых смертной казни, включив в него бунтовщиков ("коромольников"), изменников, церковных и "головных" татей (похитителей людей), убийц своих господ, подметчиков и поджигателей (ст. 60, 61, 71). При этом "судьи не имели права ни казнить, ни отпускать лихого человека без доклада государю. Исключением пользовались только губные старосты и наместники отдельных областей: Смоленской, Новгородской, Псковской и Казанской".[2]

Отдавая дань прошлому, Судебник 1550 г. ввел понятие выдачи истцу виновного человека "головою на правеж до искупа" (ст. 55) вместо прежнего "головою на продажю" (ст. 10 Судебника 1497 г.). Различие здесь было существенным. Статья 10 Судебника 1497 г., закрепляла безразличие к судьбе "татя" после его продажи "на сторону". Статья же 55 Судебника 1550 г. требовала от истца гарантии, что он,

---

[1] Судебники XV - XVI веков / Под общей ред. Б.Д.Грекова. М-Л, 1952. С. 193, 243.

[2] Калачов Н. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича. // Юридические записки. Т. 2. - М., 1842. С. 326.

"доправя свое", не продаст "татя", а отдаст его боярам. В ином случае статья грозила истцу невыдачей ему "татя на правеж" и отсрочкой удовлетворения иска до взятия татя на поруки кем-либо третьим.

В дальнейшем Судебник 1550 г. определил порядок взятия на поруки применительно к субъекту по окончанию дела о его первой "татьбе". При этом поручитель должен был разъяснить свои действия, если окажется, что виновный украл не впервые и появятся новые истцы. Таким образом, кроме публичных наказаний, оставалась возможность частно-исковых взысканий в целях удовлетворения интересов потерпевшего.

Характер уголовной ответственности в рассматриваемый период определялся прежде всего тем, что "во времена Судебников объективный момент преступления, понятие материального вреда, по-видимому, как бы уступает место субъективному моменту, понятию лихих людей. Но прежний материальный взгляд виден все-таки в названии преступления "лихим делом" (татьба, душегубство и иное лихое дело), хотя теперь уголовное посягательство есть уже не только "лихое дело", но в то же время и дело "лихого человека".[1] Закон 1550 г. прямо предписывал устанавливать "плату" за содеянное, судя "по человеку" и "увечью". Чем выше было общественное положение потерпевшего и чем ниже у преступника, тем суровее была ответственность за содеянное. Н.М.Карамзин по этому поводу писал, что в XVI веке в России "за что крестьянина или мещанина вешали, за то сына боярского сажали в темницу или секли батогами".[2]

Важным в развитии понятия ответственности за преступление является то, что "Иоан IV, вопреки своей жестокости торжественно

---

[1] Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве. - Варшава, 1903. С. 45.

[2] Карамзин Н.М. История государства Российского. - Калуга. Т. 9 - 12. С. 296.

хвалившийся справедливостью своего суда, поставил в обязанность, не взирая ни на какие отношения, подвергать преступника заслуженной казни".[1] Подтверждает это стремление содержание ст. 61 Судебника 1550 г., направленное на обеспечение неотвратимости ответственности и наказания за преступление.

Судебник 1550 г. основные нормы применения смертной казни оставил почти без изменения. Она назначалась: за первую кражу, если вор пойман с поличным или под пыткой признался в содеянном; за вторую кражу и второе мошенничество, если опять-таки преступник признается; за душегубство, разбой, ябедничество, государственную измену, церковную кражу, поджог, если преступник "ведомый лихой" (ст. 52, 59, 60, 61).

Широта сферы применения смертной казни была во многом связана с идеологической и мировоззренческой позицией, которую занимало самодержавие и лично Иван Грозный.

Строгость ответственности и ужесточение наказаний определялись тем, что в этот период "впервые в русской юридической практике категория наказания начинает соотноситься с божьей карой", составляющей "центральное звено всей государственной карательной деятельности с начала опричнины". Иван Грозный, "признавая над собой власть бога ..., считал собственные действия ему равными", почему и отпадала "необходимость нравственной "проверки" уголовно-правовых акций".[2]

"Обожествление" кары заставляло государство проявлять заботу о душе приговоренных к смертной казни обеспечением обязательного присутствия на ней священника для отпущения таким лицам грехов после покаяния, хотя были случаи, когда этого не делали. Например, упоминая о казни в Коломне в 1546 князя Ивана Кубенского, Федора

---

[1] Калачов Н. Указ. раб. С. 327.

[2] Рогов В.А. Уголовные наказания и репрессии в России. Середина XV - середина XVII веков. - М., 1992. С. 45, 46.

Воронцова, Василия Михайлова, летописец отмечает, что "всем трем головы посекли, а отцов духовных у них перед их концом не было".[1]

Дальнейшее развитие института уголовной ответственности в русском праве связано с царским наказом Белозерским губним старостам и целовальникам (1571 г.). Этот документ содержал подробные правила производства следствия над разбойниками и определял силу доказательств против них. В нем конкретизировались вопросы уголовной ответственности при уличении ("облиховании") в разбое. В частности, указывалась обязательность установления вины и смертной казни человека, признавшегося в совершении разбоя.

Так, если обвиняемый называл под пыткой другого человека (язык) как участника разбоя, то в отношении последнего производился "повальный обыск", т. е. опрос большой группы соседей о его поведении. В случае "облихования" его на "обыске" он также привлекался к уголовной ответственности и подвергался смертной казни. Лицо, обвиненное истцом в разбое на основании "поличного" (вещественных доказательств), но против которого на пытке не было оговора соучастника, также проверялось "повальным обыском". При его "облиховании" без указаний на какое-либо конкретное преступление он подвергался пожизненному тюремному заключению с уплатой из его имущества истцу половины суммы иска.

Человек, оговоренный обвиняемым на пытке, но одобренный при проведении "повального обыска" освобождался от ответственности и наказания. Если же в процессе этого опроса половина людей называла его "добрым", а остальные - "лихим", он заключался в тюрьму пожизненно. В случае обнаружения впоследствии его участия в разбое, он подвергался смертной казни, а "обыскные люди", которые

---

[1] См.: Шмидт С.О. Из истории редактирования Царственной книги // Россия на путях централизации. - М., 1982. С. 238.

"добрили" его, привлекались к ответственности и подвергались штрафу ("выте").[1]

В Уставной книге Разбойного приказа (около 1555 г.) излагались все правила, относящиеся к "разбойным и татиным" делам. В частности, ею было введено правило ответственности и наказания лиц, которых обвиняли в различных формах помощи и укрывательства разбойников.[2]

Наиболее важным моментом в развитии понятия "уголовная ответственность" в эпоху уставных грамот и судебников было дальнейшее закрепление в них идей субъективной (внутренней) стороны преступления. Так, Уставной книгой Разбойного приказа при дознании об убийстве предписывалось "обвиняемого пытать: каким обычаем учинилось убийство, умышленьем ли или пьяным делом, неумышленьем и сообразно с этим устанавливать ответственность".[3]

Весьма важным было и то обстоятельство, что законодатель стремился к разграничению уголовной ответственности в зависимости от степени виновности субъекта преступления. Судебники уже различали действия, совершенные "бесхитростно" (т.е. случайно), которые не влекли за собой ответственности, и совершенные "с хитростью" (т.е. умышленно). Однако никаких разъяснений о том, что следует понимать под бесхитростными действиями, судебники не содержали.

Принятые на Руси после Судебника 1550 г. законодательные акты (Судебник 1589 г., Сводный Судебник 1606 - 1607 гг.), существенных изменений в формирование понятия "уголовная ответственность" не внесли.

В определенной мере подведением итогов развития законодательства России с момента образования Киевского государства, яви-

---

[1] См. Акты археографической экспедиции. Т.1. - Спб, 1836. N 281.
[2] См. Акты исторические. Т. 3. - Спб., 1842. N 167.
[3] Таганцев Н.С. Указ. раб. С. 223.

лось принятие в 1649 г. в период правления царя Алексея Михайловича Соборного Уложения.[1] Оно "было выражением того исторического движения русской жизни, которое началось со времени московских собирателей Русской земли, а в особенности с Иоанна III. Государство и верховная власть выдвигаются на первый план, стушевывается жизнь земщины, общества ... Новое уложение было необходимо потому, что поколебались все основы юридического порядка: своеволие, буйства, разбои и грабежи стали повседневным явлением и надлежало водворить в народном сознании забытое уважение к правосудию, боязнь царского гнева".[2]

Соборное Уложение явилось первым печатным Сводом законов Руси, разосланным во все государственные учреждения и на места. Характеризовалось оно простотой, точностью и образностью текста. Уложение содержало в себе "постановления по всем отраслям права: в нем перемешаны статьи, относящиеся к законам государственным, финансовым, полицейским, гражданским, судопроизводственным; законы уголовные сосредоточены главным образом в главах I, II, X, XXI и XXII, но они встречаются в отдельности и в других главах." [1]

Источниками Уложения были предшествовавшие ему судебники, уставные книги приказов, в особенности Разбойного, царское законодательство, боярские приговоры. Влияние на его содержание оказали и существовавшие обычаи, и челобитные с мест дворян, посадских людей, а также выборных лиц, участвовавших в Соборе. Использовались в Уложении и статьи Литовского статута (в редакции 1588 г.). В предисловии к Уложению говорилось о заимствованиях из византийских законов.

---

[1] См.: Законодательство периода становления абсолютизма // Российское законодательство X - XX веков. / Под ред. О.И.Чистякова. Т. 3. - М., 1985. С. 83 - 257.

[2] Таганцев Н.С. Указ. раб. С. 99.

Рассматривая это обстоятельство, М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал: "Несмотря на множество заимствований из чужих источников, Уложение не есть компеляция иноземного права, а кодекс вполне национальный, переработавший чужой материал по духу старомосковского права, чем он совершенно отличается от переводных законов XVIII в.".[2]

На содержание норм Соборного Уложения во многом повлияла специфика того периода. Его статьи "по самой цели самобытных нововведений, направленных к охране или восстановлению разрушенного Смутой порядка, отличались московской осторожностью и неполнотой, вводили новые формы, новые приемы действия, избегая новых начал. Общее направление этой обновительной деятельности можно обозначить такими чертами: предполагалось произвести в государственном строе (значит и в праве - А.М.) пересмотр без переворота, частичную починку без перестройки целого. Прежде всего необходимо было упорядочить людские отношения, спутанные Смутой, уложить их в твердые рамки, в точные правила".[3]

Оставаясь на старых началах, Уложение признавало преступлением любое деяние, выразившееся в "непослушании царской воле, нарушении предписаний". По сравнению с прежним законодательством Уложение расширило круг деяний, за которые устанавливалась уголовная ответственность. С ее ужесточением усложнилась и система уголовных санкций, которая стала характеризоваться широким применением не только смертной казни, но и членовредительства как меры наказания.

Н.П.Загоскин обрисовал карательную политику рассматриваемой эпохи следующим образом: "В высшей степени суровы картины уго-

---

[1] Таганцев Н.С. Указ. раб. С. 99.

[2] Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 231.

[3] Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. Кн. 2. - М., 1993. С. 241.

ловного правосудия XVII века: бесчеловечны казни, безжалостны телесные наказания ... Тою массою жестоких уголовных наказаний, которые раньше не встречаются в памятниках законодательства, Соборное Уложение 1649 г. обязано римско-византийскому праву, влиявшему на него".[1]

Проводимая политика жестокости наказания слабо сочеталась с другими нормами Уложения, "дышущими вполне христианскою теплотою и ревностною любовью к человеку". Таковыми были, например, возведенные "на степень высокой нравственной обязанности выкупа пленных, увещевания не только не щадить имущества ради их освобождения, но, если бы встретилась надобность, и самой жизни, призрение родителей и родственников, преследование неблагодарности и т.д.".[2]

Отсутствие четкого определения понятия противоправности деяния предоставляло для царских судебно-административных органов возможность по своему усмотрению устанавливать рамки уголовной ответственности. Кроме того, и само Уложение 1649 г. закрепляло в своих нормах принцип неравной ответственности - в зависимости от классовой (сословной) принадлежности человека. За один и тот же вид преступления крестьянин и холоп карались телесными наказаниями, а помещик подвергался тюремному заключению "до государевого указу" (гл. XXI, ст. 71, 72, 89), которое, как правило, не длилось особенно долго.[3]

Уложением, одновременно с увеличением числа деяний, подлежащих уголовной ответственности, был расширен круг преступлений, повторное совершение которых влекло ее усиление. Более строго теперь наказывалось повторение не только "татьбы" и разбоя, но и по-

---

[1] Загоскин Н.П. История права Московского государства. - Казань, 1877. С. 87.

[2] См. Шпилевский С. Об источниках русского права и правосудия. // Ученые записки Казанского ун-та. - Казань, 1862. С. 317.

[3] См. Памятники русского права. - М.,1956. Вып. 5. С. 279.

бега, "привода с табаком" и др. В частности, статьи 1 и 2 главы XXV Уложения предусматривали постепенное повышение ответственности и усиление наказания за второе и третье корчемство.

Все подобные случаи охватываются понятием рецидива. В Уложении не были определены какие-то конкретные сроки, разделяющие повторные преступления. Однако здесь впервые в истории русского законодательства предусматривалась выдача лицам, отбывшим наказание за преступления, повторение которых влекло усиление ответственности, специальных писем, подтверждающих такой факт. Это была первая попытка более "цивилизованного", письменного учета потенциальных рецидивистов. Ранее в данных целях, как уже отмечалось, применялось клеймение преступников.

Установленная нормами Уложения 1649 г. более детальная регламентация ответственности за рецидив была существенным шагом вперед по сравнению с прежним законодательством. Такая позиция позволяла до некоторой степени сдерживать судебный произвол в вопросах привлечения к уголовной ответственности и определения ее объема при назначении наказания.

Вносило Уложение и другие прогрессивные изменения. Оно впервые в отечественном уголовном законодательстве ввело индивидуальную ответственность за общественно опасные посягательства. Уложение уже не распространяло ответственность на ближайших родственников преступника, если они не были причастны к совершенному им деянию (даже когда речь шла о государственных преступлениях, в отношении которых дольше всего существовала коллективная ответственность). Например, близкие родственники изменника могли привлекаться к ответственности только в тех случаях, если они "про ту его измену ведали" (гл. II, Ст. 6, 7 , 8, 10).

Провозглашение начал индивидуальной ответственности обусловило развитие теоретических положений о вине. Уложение разли-

чало неумышленное, умышленное и случайное совершение преступления, в зависимости от чего дифференцировало ответственность за содеянное (гл. X ст. 198; гл. XXII и др.). Оно впервые стало освобождать от нее, в частности, в случае убийства на месте происшествия хозяином дома, на который совершено нападение, кого-либо из нападавших, т.е. при самообороне. Одновременно Уложением устанавливалась ответственность лиц, совершивших убийство или нанесших ранение задержанному вору или разбойнику, который к тому моменту уже перестал быть опасным, т.е. за самосуд.

В Уложении 1649 г. в ряде случаев различие характера причинения вреда изложено весьма неопределенно. Так, действия, совершаемые умышленно, в Уложении обозначались выражениями: "умышление", "хитрость", "воровство", "нарочное дело", "нарядное дело". Неосторожные действия именовались небрежением, леностью. Случайные действия назывались бесхитростными или допущенными изволением божьим.

Уголовная ответственность по Уложению 1649 г. довольно часто возлагалась не только за преступное действие, но и за умысел, обнаруживший себя, но еще не осуществленный. В частности, субъект, "кто каким умышлением учнет мыслити на государское здоровье злое дело", карался, как и за его выполнение, смертной казнью (гл. 11, ст. 1). Несвободный человек за "голый умысел" убийства своего господина наказывался одинаково с покушением на него отсечением руки (гл. 22, ст. 8). За угрозу поджогом виновный отдавался на поруки, чтобы ему "такого лихого дела не сделати" (гл. 10, ст. 202). Угроза убийством (похвальба), совершенная "поместным или вотчинным" человеком, влекла за собой выдачу ему "опасной грамоты" с определением штрафа "в сумме пять тысящь или шесть или семь тысящь рублев и больше" (гл. 10 ст. 133). Такое же деяние со стороны "беспоместного" человека наказывалось заключением в тюрьму на 3 месяца (гл. 10, ст. 135).

В Уложении 1649 г. получает некоторое оформление институт соучастия в преступлении. Отдельные нормы по этому вопросу содержались еще в "Русской правде". Однако закон не разграничивал ролей соучастников (исполнители, подстрекатели, пособники) и определял им равную ответственность. В судебниках XV - XVI вв. проводилось лишь разграничение между главными виновниками ("пущими ворами") и пособниками, но никаких общих положений об ответственности за соучастие здесь еще не было.

Уложение 1649 г. в некоторой мере устранило этот пробел и при определении наказания за различные преступления давало более подробное, чем в судебниках, решение вопроса об ответственности за соучастие. Так, по нормам Уложения различались виновные главные ("пущие заводчики", "воры") и второстепенные ("товарищи", "которые люди кому или помогали или соблаговоляли"). Исполнители преступления обычно несли более строгую ответственность, чем пособники. Так, за убийство исполнитель подвергался смертной казни, пособники же наказывались кнутом и ссылкой, "куда государь укажет".

Однако пособники в государственных преступлениях и при разбое несли равную ответственность с исполнителем. Подстрекатели, по Уложению, наказывались, как правило, наравне с исполнителями: "кто на смертное убийство научал, и кто убил, обоих казнити смертию же" (гл. 22, ст. 19).

Укрыватели очень часто несли одинаковую уголовную ответственность с исполнителями. Недоносители по государственным преступлениям наказывались в той же мере, как и за их совершение. По другим же преступлениям ответственность этих лиц была менее строгой: они подвергались денежному штрафу или наказаниям, "что государь укажет". Попустители приговаривались к денежным штрафам либо телесным наказаниям.

Несмотря на столь прогрессивные начинания в развитии института уголовной ответственности, составители Уложения 1649 г. не смогли до конца "отрешиться от укоренившегося принципа объективного вменения". Например, "нередко к вине неосторожной относили и случайное причинение вреда; и в позднейшем праве мы найдем несомненные следы ответственности за факт, а не за выразившуюся в нем преступную волю".[1]

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы:

1) Окрепшее феодальное государство придает в сфере законодательства все меньшее значение правовой ответственности за причинение частного вреда, выдвигая на первый план общественно-государственные интересы.

2) Вместе с тем, закрепление в российском уголовном праве начал индивидуальной ответственности (субъективного вменения) соответствовало возросшим потребностям феодального общества и способствовало росту правосознания, прежде всего господствующего класса.

3) Уголовный закон данного периода, решая вопросы об ответственности за общественно опасные посягательства, не мог не учитывать формировавшийся веками опыт общественного развития и стал уделять все больше внимания защите "общечеловеческих ценностей": жизни, здоровья, чести и достоинства своих граждан.

§ 3. Ответственность за преступление по законодательству Петра I и его преемников (XVIII- начало XX вв.)

В начале XVIII века в России завершился переход от сословно-представительной монархии к абсолютной. Это было время бурных изменений в российском обществе, государстве, его правовой системе.

Уголовное законодательство периода становления абсолютной монархии значительно превосходило по своей жестокости Соборное

---

[1] Таганцев Н.С. Узаз. раб. С. 223.

Уложение 1649 г. Оно предусматривало беспощадные и мучительные наказания за преступления, посягающие на основы государственного строя. Законодательные акты рассматриваемого периода преступлением признали нарушение законов и ослушание царской воле. Основными целями наказания были устрашение, возмещение, изоляция преступников и их обезвреживание.[1]

В Воинском уставе Петра I (1715 г.) уголовная ответственность устанавливалась уже и за деяния, наносящие вред и убыток государству, даже если они и не были предусмотрены законом (Преамбула Воинского устава). Названный Устав впервые в российском праве сформулировал такое важное условие возникновения уголовной ответственности, как учет психического состояния привлекаемого к ней лица. В отношении "умалишенных" стало применяться более легкое наказание или полное их освобождение от ответственности и наказания (арт. 91, 100, 164, 195). Устав предусматривал и возможность совершения лицом преступления в состоянии сильного душевного волнения. В арт. 152 по этому поводу указывалось: "Ежели кто другого не одумавшись с сердца, или опамятовась, бранными словами выбранить, оный перед судом у обиженного христианское прощение имеет чинить и просить о прощении". Такая норма позволяла суду освобождать от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, если виновным будет просить прощения у потерпевшего.

Данное предписание Воинского Устава явилось как бы "прародителем" правового института освобождения от уголовной ответственности с возникновением для освобожденного от нее лица последствий не уголовно-правового характера.

---

[1] См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. - М., 1961. С. 331 - 332, 362 - 363.

Существенным оставался вопрос о возрасте, по достижении которого физическое лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности. В праве допетровского периода он не был четко определен. Так, в Уставе Ярослава о земских делах содержалось упоминание о том, что в отношении преступников, не достигших 12-летнего возраста, смертная казнь заменяется другим наказанием, наравне со взрослыми. Оба Судебника называли малолетних весьма неопределенно в таких, например, выражениях, как: "детина мал".

Не решало конкретно вопроса о малолетних правонарушителях и Уложение 1649 г. В его статьях 20, 120 (гл. 20) и в ст. 5 (гл. 14) указывалось, что "меньше пятнадцати лет никому креста не целовати, а целовати за них крест тем, кто за них в суде будет".

В некоторых законах Петра I, если и упоминалось о малолетних, то лишь как бы, мимоходом. В частности, в Указе о наказании лиц, "принимающих ереси и расколы", сказано: "а которые раскольники от разумения или в малых летах стоят в упрямстве ... таким чинить наказание, бить кнутом, и давать на поруки крестьянам".[1] Однако относительно предельного возраста лиц, "малых лет" законодатель умалчивал.

Воинский Устав упоминал о малолетстве в связи с установлением ответственности за воровство, когда "наказание обыкновенно умаляется или весьма оставляется, ежели ... вор будет младенец" (арт. 195). Однако вопрос о том, до какого возраста дети относились к младенцам, законодательством полностью не разрешался. В "Кратком изображении процессов или судебных тяжб" (ПСЗ, N 3006) о малолетних упоминается дважды. В одном случае сказано, что "младенцы или которые еще пятнадцать лет не имеют", относятся к числу негодных свидетелей и не могут быть приняты на суде. В другом случае говорится о лицах, освобожденных от пытки, и в их число включаются, на-

ряду с высшими чинами, 70-летними стариками, беременными женщинами, и "недоросли".

Для определения малолетства, в рассматриваемых случаях, видимо применялось постановление: "аще отрок седми лет убьет, то не повинен есть смерти", внесенное в Новоуказные статьи в 1669 г. из градских законов[2] (источник византийского права - А.М.). Данное положение также не устраняло вопроса об определении предела малолетства.

Лишь в 1742 г. Сенат вместе с президентами коллегий указал, что "малолетство как для мужского, так и для женского пола нужно считать до 17 лет и что таковых нельзя подвергать тем же наказаниям, что и взрослых". Малолетние не могли подвергаться ни смертной казни, ни пытке, ни кнуту; для них эти наказания заменялись сечением плетьми и отдачей в монастырь "на исправление для употребления их там на всякие тяжелые монастырские работы, чтобы они никогда праздны не были". По освобождении из монастырей их повелевалось "отсылать в те места, откуда кто прислан, а из этих мест отсылать их в прежние жилища".[3]

Таким образом, возраст лица, совершившего преступление, постепенно начинает играть важную роль в индивидуализации уголовной ответственности и наказания, в определении дающих основание для освобождения от них обстоятельств, в некоторых случаях и для прекращения уголовного преследования.

Законодательство Петра I при общей тенденции к ужесточению уголовной репрессии, по сравнению с Соборным Уложением 1649 г. и Новоуказными статьями, отличалось некоторой либерализацией уголовной ответственности за рецидив преступлений. Так, если Уложе-

---

[1] Полное Собрание законов Российской империи. - Спб., 1830. N 1102. (Далее по тексту - ПСЗ).

[2] См. Таганцев Н.С. Указ. раб. С. 159.

[3] Там же.

ние назначало смертную казнь за второй разбой, то Указ Петра I от 10 ноября 1721 г. - за третий.[1] Вторичное совершение "татьбы" влекло по Уложению усиление ответственности и удвоение срока наказания с 2-х до 4-х лет тюремного заключения (ст. 9, 10). По Указу же Петра I за первое и второе воровство "тать" мог быть вообще освобожден от уголовной ответственности и наказания при условии поручительства. Уложение предусматривало смертную казнь за третью "татьбу" независимо от суммы похищенного, а Воинский Устав за третью кражу на сумму не более 20 рублей устанавливал максимальное наказание в виде ссылки на каторгу.

Такая "либерализация ответственности рецидивистов по законодательству Петра I может быть объяснена тем, что становление абсолютизма обусловливает стремление законодателя к укреплению, прежде всего, центральной власти вообще и политической власти государя в особенности. Поэтому политические преступления признавались значительно более опасными по сравнению с преступлениями общеуголовными (даже совершенными повторно) и карались, как правило, смертной казнью, в силу чего рецидив политических преступлений практически был невозможен".[2]

Петр I ввел в уголовное законодательство России термин "преступление", который вытеснил ранее употребляемый как его синоним термин "воровство". Это позволило разграничить уголовные и гражданские правонарушения, которые часто отождествлялись, а уголовная ответственность смешивалась с гражданско-правовой. Законодательство Петра I обогатило представление об уголовной ответственности, введя в обиход существенные понятия, относящиеся к

---

[1] См. Таганцев Н.С. О повторении преступлений.- Спб., 1867. С. 242.

[2] Бытко Ю.И. Понятие рецидива преступлений (исторический очерк). - Саратов, 1978. С. 21.

условиям вменяемости и вменения к обстоятельствам, влияющим на меру ответственности, и т.д.

Уголовная ответственность по законодательству Петра I в большей части случаев зависела от виновности лица, совершившего общественно опасное и вредное для государства действие. Практически в каждом изданном Петром I нормативном акте (указе, наказе, инструкции и т.п.), содержащем уголовно-правовые нормы, речь шла о наказании только "винных людей" (ПСЗ, N 1836, п. 6), о его определении "по вине", "смотря по вине и делу" (ПСЗ, N 1595), "смотря по человеку и вине" (ПСЗ, N 1598), "смотря по людям и вине, кто чего доведется" (ПСЗ, N 1822, п. 28), "смотря по важности вин" (ПСЗ, N 3870, п. 14), "по вине преступления" (ПСЗ, N 4409) и т.д.

Воинский и Морской Уставы различали случайные, неосторожные и умышленные деяния точнее, чем Уложение 1649 г. При этом в них проводился, хотя и не совсем последовательно, принцип "без вины нет наказания" (значит и ответственности - А.М.). Например, в Указе от 16 апреля 1723 г. говорилось, что наказывать нужно только за деяние, которое "из злости происходит", а если оно совершено "спроста, то вытолковать ему, а не наказывать", (ПСЗ, N 4196). В арт. 172 Воинского Устава также было предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за двоеженство, если одна из сторон, будучи обманута, вступала в брак с лицом, уже состоящим в браке.

Умышленное или неосторожное причинение вреда понималось в законодательстве Петра I как "винное дело". В отдельных случаях, вследствие неточности терминологии, "вина" противопоставлялась "небрежности" и "неосторожности". В арт. 179 Воинского Устава говорилось: "а ежели как небрежением и неосторожностью или виною офицеров или солдат учинятся пожары, то оные, которые в том виновны, убыток по судейскому приговору наградить, и сверх того, по изобретению вины и неосторожностью имеют быть". Имело место и

смешение понятий: иногда неосторожные преступления назывались то "небрежными" и "винными", то "ненарочными", "невольными" и "невинными".

Ненарочные, т.е. случайные деяния, не влекли за собой уголовной ответственности. Это четко следует из содержания арт. 159 Воинского Устава: солдата, стрелявшего в цель на учении и убивавшего случайно подвернувшегося человека, освобождали от уголовной ответственности и всякого наказания. Подразумевалось, что здесь произошло "весьма неумышленное и ненарочное убийство", а в действиях стрелявшего солдата "никакой вины не находится".

Напротив, неосторожные преступления влекли за собой уголовную ответственность. Например, согласно положениям арт. 158 Воинского Устава солдата, убившего кого-нибудь вследствие выстрела из мушкета "не в пристойном или в таком месте, где люди ходят", либо по причине небрежного обращения с оружием, наказывали "за неосторожную вину". В законодательстве петровского периода нередко смешиваются и понятия умышленного и неосторожного деяния. Так, именным императорским указом все лекари были предупреждены о том, что "буде из них, кто нарочно или ненарочно кого уморят, а про то сыщется, и им быть казненным смертью". В толковании к арт. 158 Воинского Устава определялось: "ежели кто кого с ненависти толкнет, или что со злости на него бросит или учинит ему что из недружбы, от чего умрет, то оный обыкновенной смертной казни подвержен". Таким образом, и в последнем случае, и в предыдущем неосторожное убийство приравнивается к умышленному и каралось одинаково с ним.

Особенно характерно для уголовного законодательства Петра I установление обязательного условия для привлечения к уголовной ответственности и наказуемости. Основой для этого была умышленность или неосторожность преступления, а не его греховное начало, имевшее большое значение в прошлом.

Уголовная ответственность, ее мера - наказание зависят от степени вины. По законодательству петровского периода даже умышленные преступления не всегда влекли за собой равную ответственность и наказывались одинаково. Так, в толковании арт. 37 предписывалось: "При сем надлежит судье внимать и осмотреть, что оная тревога из злости ли нарочно, или незапно, или иных ради причин учинена, и в таком случае надобно ... наказание убавить и по рассуждению наказать".

Как правило, умышленные преступления влекут более строгую ответственность, чем совершенные по неосторожности. Так, в арт. 87 указывалось: "Ежели каким небрежением и винностию офицерского или солдатскую пожары в квартирах учинятся, тогда винаватой в том имеет убыток по судейскому рассуждению заплатить, и сверх того по рассмотрению наказан быть". "А ежели, - говорилось в толковании к этой статье, - учинится сие с умыслу, тогда виноватый в том наказан будет, яко зажигальник" (т.е. будет подвергнут смертной казни сожжением).

Артикул 203 гласил: "Ежели кто явно прибитые указы, повеления нарочно или нагло (т.е. умышленно) раздерет, отбросит или вычернит", то посылается на каторгу или наказывается смертной казнью. И тут же "а ежели небрежением каким, то денежным штрафом, тюрьмою, шпицрутеном и прочим по великости преступления, наказан быть имеет".

В толковании к арт. 163 об убийстве отца, матери, ребенка разъяснялось: "Ежели сие убийство учинится ненарочно или не в намерении кого умертвить, якобы кто похотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко побъет, что подлино от того умрет, то правда, что наказание легче бывает, а ежели умышленное убийство будет, тогда убийца имеет мечом наказан быть".

Как отмечал Н.С.Таганцев, Воинский Устав различал обе основные формы виновности - умысел и неосторожность, а затем это различие перешло и в Свод законов. Однако "следы объективного вме-

нения оставались и в нем".[1] По законодательству Петра I уголовная ответственность иногда наступала и независимо от наличия конкретной вины в поведении того или иного лица.[2] Стремясь достичь цели искоренения преступников и водворения "порядка" в государстве, уголовный закон Петра I очень часто привлекал к ответственности не только действительных виновников, но и их жен, детей, родственников, а иногда даже лиц, им совершенно посторонних. Например, по Указу от 1 июля 1699 г. колодники, не подлежащие смертной казни, направлялись в ссылку "в Азов с женами и детьми ... на вечное житье"(ПСЗ, N 1690). Указом от 24 июля того же года предписывалось лиц, уличенных в краже или грабеже во время пожара, ссылать "в ссылку на вечное житье с женами и детьми" (ПСЗ, N 2211).

Жены и дети несли ответственность не только вместе с мужьями, но и за них. Наказание на жен с детьми и свойственников налагалось, несмотря на нарушение принципа индивидуализации ответственности, с целью выполнения таким образом требований, предписанных мужьям и отцам.

Свидетельством тому является, например, Указ 1714 г. В нем было предложено "всякими сыски" отыскивать бежавших матросов, "а буде не сышутся, взять вместо их детей их и братьев, и свойственников и выслать в адмиралтейство годных". Подобная форма ответственности в петровские времена была частым явлением. При этом всегда страдали не столько сами виновные, сколько их семьи.

Нередко угрозы Петра I об ответственности членов семьи доходили до того, что в порыве гнева император предупреждал: за нарушение его указа ответственность распространится не только на самих

---

[1] См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т.1. Часть общая; Лекции. - М., 1994. С. 223.

[2] Об объективном вменении в XVII в. см.: Н.Сергеевский. Наказание в русском праве XVII. - Спб., 1887. С. 35 - 41.

ослушников, но и на их потомков. Так, в Указе от 7 февраля 1722 г. переяславским воеводам повелевалось: "Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегшие указ" (ПСЗ N 3903).

В законодательстве Петра I предусматривались ситуации, когда ответственность в той или иной форме перекладывалась на лиц, совершенно ни в чем неповинных. Так, в конце 1709 г. императорским наказом было предписано в случае бегства рекрутов их поручителей целыми семьями ссылать на работы в новопостроенные города.[1] Указом от 19 марта 1719 г. ответственность за разбой и грабежи под угрозой отбирания вотчины и поместья была возложена на лиц, "на землях коих найдутся виновники", если "искоренять их не станут". Указом от 16 января 1712 г. были установлены штрафы для всех воинских чинов за каждого беглого солдата (в размерах: 1 руб.50 коп. - с полковника; 1 руб. - с поручика, 50 коп. - с прапорщика; 10 коп. - с сержанта и 1 коп. с каждого солдата), независимо от того, кто виноват в побеге (ПСЗ N 2467, п. 1).

В случаях, когда преступления носили массовый характер и было не в интересах государства привлекать к ответственности каждого, карались только некоторые по выбору. Так, в 1705 г. Приказу военных дел было сообщено, что многие солдаты, посланные в города Новгород и Смоленск, "с станции" (при отправке) и "с дороги" сбежали. Петр I издал указ, по которому беглецы подвергались наказанию следующим образом: "с жеребья десятого человека повесить, а достальным чинить наказание, при полку бить кнутом нещадно и быть в полку попрежнему" (ПСЗ N 2068). Аналогичное было предусмотрено в воин-

---

[1] См.: Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформою. - М., 1891. С. 210.

ских артикулах за отступление полка или роты (арт. 97), за сдачу крепости или капитуляцию без указа царя (арт. 117, 119).

Совершение преступления в состоянии опьянения ни в древнем русском праве, ни в последующем никогда не освобождало виновных от ответственности. По "Русской правде" убийство, совершенное "на пиру" (т.е. пьяным человеком), рассматривалось как менее опасное преступление, чем убийство, совершенное "в разбое". Подобная норма содержалась и в Уложении 1649 г., которое приравнивало убийство, совершенное в состоянии опьянения ("пьяным делом в драке"), к преступлению неумышленному и соответственно назначало за него меньшее наказание, чем за умышленное убийство (гл. 21, ст. 69 и 73).

В уголовном праве петровской эпохи не было единообразия в решении вопроса об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

В отдельных случаях пьянство само по себе объявлялось преступлением и за него предусматривалась ответственность. Например, арт. 42 Воинского Устава указывал, что "непрестанное пьянство" влечет за собой отставку офицера. За явку в церковь на молитву в пьяном виде солдата и за явку на службу в пьяном виде священника было установлено жестокое наказание (арт. 11, 12, 15).

Смертной казни подвергался караульный, если "напьется пьян так, что своего караула отправить не может, или прежде смены с караула пойдет, и оставит свое место, хотя б офицер или рядовой был". Наказывался смертной казнью и тот военный, "кто пьян напьется" во взятом в бою городе, прежде чем сражение за него полностью прекратится (арт. 106).

В ряде случаев состояние опьянения не оказывало влияния на ответственность и меру наказания в силу провозглашенного принципа: "пьянство никогда не извиняет, понеже он (преступник) в пьянстве уже непристойное дело учинил". Однако при этом, иногда закон уси-

ливал ответственность: "Когда кто пьян напьется, - гласил Воинский Устав, - и в пьянстве своем что злого учинит, когда тот не токмо, чтоб в том извинением прошение получил, но по вине вящщею жестокостию наказан имеет быть" (арт. 43).

По сравнению с предыдущим законодательством, Воинский Устав сильно ограничивал право необходимой обороны и допускал ее ("нужное оборонение") только для защиты своей жизни и телесной неприкосновенности (арт. 156). Лишь в виде исключения разрешалось безнаказанно убить вора, ворвавшегося ночью в дом, "ежели его без своего опасения преодолеть было невозможно", и то по мотивировке, что "вор не для единой кражи, но чтоб и умертвить в дом ночью врывается" (арт. 185). В арт. 157 приводился ряд требований, выполнение которых позволяло признать необходимую оборону правомерной, что *исключало уголовную ответственность оборонявшегося*. Несоблюдение же этих требований считалось нарушением правил "нужного оборонения", т.е. превышением его пределов, и влекло за собой "по рассуждению судейскому" наказание в виде тюремного заключения, штрафа или шпицрутенов (арт. 157).

Воинский Устав более конкретизировал известный еще Уложению 1649 г. вид обстоятельств крайней необходимости, исключающих уголовную ответственность, связанный со спасением своей жизни за счет чужого имущества. В толковании к арт. 195 Устава указывалось: "Наказание воровства обыкновенно умаляется или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съезтное или питейное, или иное что невеликой цены украдет".

Аналогичная норма о крайней необходимости в связи с голодом содержалась в арт. 123 Воинского Устава. Она гласила: "Причины которых ради комендант, офицеры и солдаты извинены быть могут, когда крепость сдается" (если не было указа "до последнего человека оборонитися"), следующие: 1) крайний голод, когда ничего не будет,

чем человек питатися может, имея наперед всевозможную в пище бережность ..."

Кроме того, воинские артикулы содержали еще более интересное постановление о крайней необходимости. Речь идет об арт. 180, согласно смысла которого лицо освобождалось от ответственности, "если по необходимой нужде (пожар и т.п.) востребуется" и "у подданых дворы, бревна, заборы и прочее сломаны и сожжены или хлеб на поле стравлен, или потрачен будет".

Законы Петра I , вслед за предшествующим законодательством, также включили в свое содержание нормы об ответственности за голый умысел. Так, арт. 19 Воинского Устава гласил: "Кто умышлять будет царское величество полонить или учинить ему какое насильство, того четвертовать". Арт. 127 определял: "Кто какую измену или сему подобное учинить намерится и хотя он сие к действу не произведет, однако же имеет, то по состоянию дела и признанию воинского суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, яко бы за произведенное само действо".

В толковании к арт. 99 указано, что "такожде, когда многие умыслять к неприятелю перебежать, а действительно тот не учинять, оные в некоторых местах живота лишены бывают".

Уголовная ответственность и смертная казнь за голый умысел предусматривались и в случае, "если рядовой грозить будет своего сержанта, фурьера, каптенармуса или капитана бить" (арт. 26).

Уголовное законодательство Петра I закрепляло в отдельных случаях уголовную ответственность и наказуемость приготовления к преступлению.

За приготовительные действия к преступлению устанавливалась такая же ответственность, как и за их совершение. Например, были казнены многие "изменники и бунтовщики", которые умышляли убить царя Петра I и его мать Наталью Кирилловну и к этому "были приго-

товлены" (ПСЗ, N 1349). Арт. 19 Воинского устава гласил: "Если кто подданый войско вооружит ... против его величества", даже при условии, что он больше ничего не сделает, подлежит четвертованию. В арт. 36 указывалось: "Кто из офицеров или рядовых ... в сердцах свою шпагу обнажит, чтоб уязвить", и если он" никакого вреда не учинит", т.е. даже не сделает попытки нанести удар, то подлежит смертной казни аркебузированием (расстрелом).

Законодательство эпохи Петра I отграничивало приготовление к преступлению от покушения на него. В частности, при обнажении шпаги речь шла об ответственности за приготовительные действия. Для ответственности же за покушение требовалось, наличие начала исполнения состава преступления. Иначе говоря, покушение усматривали, если "кто пистолет или шпагу на кого подымет (а не только обнажит - М.А.) в намерении, чтоб кого тем повредить' 144, а также гл. XIX Воинского Устава "Патент о поединках").

Как правило, объемы ответственности и за покушение, и за оконченное преступление были равны. Так, по арт. 161, "ежели тот, которого умертвить хотели, подлинно не убит, однако ж на него нападение было, и оный побит или ранен, то, как подкупщик, так и наемщик мечем казнены и обеих тела на колеса положены будут". Согласно арт. 24 Воинского Устава смертной казни предавался и тот военнослужащий, который " фельдмаршала или генерала дерзнет вооруженною или невооруженною рукою атаковать (т.е. будет на него нападать) ... хотя он тем ружьем повредил или не повредил".

Воинский Устав подвергал меньшей ответственности виновного в покушении на кражу, "ежели вор ворвется в намерении украсть, но и в том пойман или отогнан, или помешал кто, и ничего с собою не унес, онаго також шпицрутеном полегче наказать надлежит" (толкование к арт. 185). При покушении на изнасилование виновный также мог подлежать меньшей ответственности, чем за его соверше-

ние, поскольку "начатое изнасилование женщины, а не оконченное наказуется по рассмотрению".

Воинский Устав различал покушение оконченное и неоконченное. За первый вид покушения ответственность была строже чем за второй. Например, об оконченном покушении, в толковании к артикулу 164 сказано: "Ежели солдат пойман будет в деле, что хотел сам себя убить, и в том ему помешали, и того исполнить не мог ... оного казнить смертию".

Неоконченное покушение, по законам Петра I, подвергалось менее строгой ответственности и меньшему наказанию, чем оконченное. За покушение на дуэль, не оконченную по собственному желанию дуэлянтов, Воинский Устав назначал уплату "жестокого штрафа". За покушение же на дуэль, не оконченную потому, что дуэлянты "разлучены и силой уняты", т.е. им помешали ее довести до конца, назначалась смертная казнь, как и за оконченную дуэль. Такой подход указывает на учет законом добровольного отказа от доведения преступления до конца на стадии покушения как обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность виновного.

Большое внимание в законодательстве Петра I уделялось ответственности за соучастие в преступлении.

В групповой преступности Петр I видел серьезную опасность для государства. Воинским Уставом под страхом смертной казни были запрещены даже "сходбища и собрания" (арт. 133, 134). Законодательство рассматриваемого периода предусматривало суровую ответственность за групповые преступления. Смертна казнь грозила лицам, которые "будут же соединять многолюдством и учинят воровство" (ПСЗ, N 1346).

По законам Петра I общим правилом было одинаковая ответственность всех соучастников преступления, независимо от их роли в содеянном и степени виновности. Например, согласно толкованию арт. 189 Воинского Устава при совместном совершении кражи "всяк так наказан будет, якобы один все воровство учинил". О пособниках

особо подчеркивалось, что они наказываются, "яко самые воры". Так, по Указу от 25 августа 1713 г. подвергались смертной казни главные виновники повреждения "интересов государственных" во время сбора податей, и их пособники (ПСЗ, N 2707). Согласно Указу от 24 декабря 1714 г. равную ответственность несли как получатели взяток, так и те, "которые ему в том служили, и чрез кого делано..." (ПСЗ, N 2871).

Воинский Устав (арт. 155) указывал, что "яко убийца сам, тако и прочие имеют быть наказаны, которые подлино к смертному убийству вспомогали или советом или делом вступались". За попустительство несли ответственность лица, не воспрепятствовавшие совершению преступления, т.е. которые видели драку и убийство, слышали крик "караул", но "не чинили всепоможение". Эти лица наказывались "якоже сами убийцы и злодеи" (ПСЗ, N 3212). Артикул 160 Воинского Устава гласил: "Ежели кто кому прикажет кого смертью убить, оныя також, яко убийца, сам имеет казнен быть смертью, а именно голову ему отсечь".

За укрывательство и недоносительство также устанавливалась суровая ответственность, обычно равная с возлагаемой на главных виновных.

Жестокому истязанию подлежали "нижние чины" служилых людей, виновные в укрывательстве от воинской службы "недорослей". "Надлежащим образом" наказывался (согласно толкованию к арт. 95 Воинского Устава) тот, кто укрывал дезертира во время его "отбытности" от службы.

Указ от 30 октября 1719 г. объявлял: "Те люди, которые воров кроют или пристани им держат, или об них также и о тех, у которых они пристают, ведают, а не известят прежде времени, признаются за таких же воров" (ПСЗ, N 3445). В последнем случае речь идет о равной ответственности недоносителей и исполнителей.

Недоносительство по законодательству Петра I часто рассматривалось как самостоятельное преступление. Недонесение о вредных для государства преступлениях каралось жестокими наказаниями (ПСЗ,

N 1670, 2823, 2871, 2915, 3081, 3154, 3223, 3984; 4012; 4533 разд. II; ст. 11 и т.д. Воинский Устав, арт. 5, 19, толкование арт. 129, 136 и т.д.).

Если преступление обнаруживалось, а лица, знавшие о нем, не доносили, они несли одинаковую ответственность, т.е. "равную казнь или наказание" с исполнителями. Так, Указ от 17 марта 1714 г. гласил: "Ежели фискал знает или проведает за кем какое похищение и кражу казны, и прочаго, а на оного не известит, и за то (если подлинно сыщется) учинить над ним то же, чего винный достоин будет" (ПСЗ, N 2786, п. 7, N 2026, 2036, п. 10 и т.д.).

Такую же позицию подтверждал и Воинский Устав. Согласно его арт. 5 тот, "кто услышит богохуление и благовременно извету не подаст", подлежал, "яко причастник богохуления, живота и своих пожитков лишен быть", подвергался наказанию как и богохульник, а именно - смертной казни. По арт. 19 участие в вооруженном восстании, равно как и умысел "учинить его величеству какое насильство", наказывались четвертованием. Далее разъяснялось, что "такое же наказание чинится ... и над оным, который о том сведом был, а не известил".

Вместе с тем, уголовное законодательство петровской эпохи содержало и нормы, предусматривающие различную ответственность соучастников. Так, Указом от 4 июля 1701 г. подстрекатель к лжесвидетельству поп Никитин был подвергнут смертной казни, а исполнитель (лжесвидетель) Ивашка Акинфиев "бит кнутом нещадно и послан с женою в Азов на вечное житье" (ПСЗ, N 1860). По Указу от 12 февраля 1715 г. беглым драгунам, солдатам, рекрутам, матросам грозила смертная казнь, а их укрывателям только "лишение своего чина и всего имения" (ПСЗ, N 2883).

В толковании к арт. 149 Воинского Устава судам разрешалось "иногда ... по рассмотрению обстоятельств" дела применять к пособникам наказание меньшее, чем в отношении главных виновников. Менее строгая ответственность предусматривалась ст. 109 Морского Ус-

тава в части недоносителей по делам об убийстве. Разная ответственность "зачинщиков" и "достальных" участников подозрительных сходбищ и собраний устанавливалась арт. 133 Воинского Устава.

Изложенное позволяет сделать вывод: законодательство Петра I характеризовалось усилением уголовной репрессии. Смертная казнь по Воинскому Уставу предусматривалась более чем в 100 случаях, в то время как по Соборному Уложению 1649 г. - только в 35. Вместе с тем оно носило и прогрессивный характер. В нем уже лишь изредка использовался теологический подход к определению понятия преступления. При обосновании ответственности и наказуемости за совершение общественно опасных деяний выдвигались требования признания их умышленными. Петр I, возлагая на компетентные органы обязанность привлекать к уголовной ответственности и наказывать только виновных, собственноручно начертал приписываемый ему афоризм: "Лучше есть десять винных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить".

Важную роль в развитии отечественного уголовного права сыграло обращение Петра I к законодательству западно-европейских стран, стоявших на ступень выше по своему развитию, чем Россия. "Воинский артикул, - писал Н.С.Таганцев, - заимствован из иностранных источников, а именно, в основу его положены шведские артикулы Густава Адольфа в их позднейшей обработке 1683 г. (при Карле XI), но со значительным отступлением как в системе наказаний, более суровых, так и в определительной части. Кроме того, в артикуле прибавлены толкования на каждую статью. Все эти изменения и дополнения давались по разнообразным европейским уголовным законам, включая сюда и имперские немецкие законы, и уставы датский и голландский, и ордонансы Людовика XIV".[1]

---

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право ... . Т. 1 С. 101.

Петр I искал в иностранных источниках образцы установления права, суда, которые "он подгонял к существующим русским учреждениям".[1] Поэтому "эпоха петровского преобразования России не только не устранила судебную практику от участия в реформе нашего права, но напротив, побудила ее к новой деятельности, и преимущественно в области уголовного права".[2]

Указом от 24 декабря 1714 г. судьям по уголовным делам предписывалось признавать преступлением не только деяния, предусмотренные в законе, но и все те, которые что "вред и убыток государству приключить могут". Это предписание, кроме реакционной, имело и прогрессивную сторону. Оно открывало широкие возможности для развития положений уголовного права в практической деятельности, для их последующего законодательного усовершенствования.

При всей прогрессивности, особенно в части приведения к более передовому пониманию отдельных категорий, терминов и институтов уголовного права, установление ответственности и назначение наказания по законодательству петровской эпохи продолжали зависеть от классовой (сословной) принадлежности преступника. По-разному карались за одно и то же преступление офицеры и солдаты. Особенно ярко проявлялось это неравенство в отношении политических преступников.

Для суда принадлежность обвиняемого к низшим социальным слоям являлась фактором, усиливающим степень его виновности, а следовательно, и меру ответственности и наказания. Принадлежность же к высшим, привилегированным социальным группам была обстоятельством, способствующим смягчению вины и меры наказания. Так, по приговору Петра I (в 1700 г.) стольник Яков Полтев за слова "разорили-де нас корабли в конце и в конец нам от кораблей

---

[1] Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Спб., 1995. С. 690.

[2] Барщев Я. Указ. раб. С. 73.

погибнуть" был сослан на каторгу на три года. Крестьянин же Смакин за подобные разговоры был бит кнутом, "запятнан иглами", подвергнут вырезанию ноздрей и сослан на каторгу пожизненно.[1]

После смерти Петра I непомерные по своей строгости и жестокости наказания применялись лишь короткое время. Начиналась постепенная гуманизация уголовных санкций. Так, 10 июля 1727 г. была отменена смертная казнь в Петербурге и вообще в городах (ПСЗ, N 5118). Указом от 11 марта 1741 г. принятие христианства было взято за основание освобождения виновного от смертной казни , т.е. смягчения ответственности за преступление (ПСЗ, N 8349). С 7 мая 1741 г. устанавливалось, что каждое наказание смертной казнью должно быть подтверждено специальным указом Сената (ПСЗ, N 8944). Наконец, 9 июня 1746 г. предписывалось заменять смертную казнь телесным наказанием, клеймением и ссылкою (ПСЗ, N 9293).

Затем с 29 марта 1753 г. применение смертной казни ограничивалось редкими случаями. Вместо нее вводилась ссылка в Сибирь на каторжные работы, соединенная с потерею всех прав состояния и с публичным телесным наказанием для неизъятых от него (ПСЗ, N 10089). "Таким образом, - отмечал Э.К.Тобин, - продолжающийся между криминалистами спор о том, должна ли быть допускаема смертная казнь, решен в России 93 года тому назад (ныне - 245 лет - А.М.). Древнее начало, отвергающее смертную казнь, получило снова значение в Русском Уголовном праве и самому преступнику дарована возможность, без дальнейшей опасности для его сограждан, раскаиваться в своей вине посреди трудов и молитвы".[2]

---

[1] См.: Голиков Н.Б. Политические процессы при Петре I. - М., 1957. С. 52.

[2] Тобин Э.К. Взгляд на основные начала русского уголовного законодательства с древнейших времен до Уложения о наказаниях 1845 г. - Спб, 1847. С. 23 - 24.

Основным инициатором смягчения прежней суровости уголовных законов была судебная практика, на которую "преимущественно это дело было возложено самым законодателем". Большая часть указов того периода востребована практикой. Так, они как правило, состояли из трех частей: изложения дела или случая, подавшего повод к изданию закона; рассуждений, относящихся к составлению закона; самого его текста и содержания. В свою очередь, законы, составленные в "духе правоты и человеколюбия, в намерении уничтожить всякую жестокость и несоразмерность наказания с требованиями правды", дали "судебным местам при определении меры наказания (а значит и меры ответственности - А.М.) в руководство два главных начала: 1) не налагать наказания паче меры содеянного преступления; 2) оказывать себя более милостливым, нежели жестоким, помятуя, что и судья человек есть (Свод Законов. Т. XV. Ст. 120. Изд. 1842 г.)".[1]

Приведенные воззрения явились результатом развития уголовного права в период царствования Екатерины II. Идеи, содержащиеся в составленном ею Наказе комиссии, разрабатывающей новое российское законодательство, имеют к ним прямое отношение.

Наказ Екатерины II "открыл новую эру в истории русского уголовного права". Он представлял собой довольно эклектическую компеляцию, составленную, с одной стороны, по произведениям выдающихся просветителей XVIII в., прежде всего Монтескье ("О духе законов"), а также Чезаре Беккарио ("О преступлениях и наказаниях"), с другой стороны - по сочинениям теоретиков полицейского права: Бельфельда ("Наставления политические"), Юсти ("Основания силы и благосостояние царств"), Зонненфельса.[2]

---

[1] Барщев Я. Указ. раб. С. 73.

[2] См. Куприц Н.Я. Государственно-правовые идеи "просвещенного" абсолютизма в "Наказе" Екатерины II. - Л., 1979. С. 72 - 73.

Екатерина II высказывалась за гуманизацию ответственности в уголовном праве, прекращение жестоких наказаний и пыток, против расширения понятия политического преступления. Она требовала равенства ответственности, соответствия наказания совершенному преступлению и ограничения применения смертной казни.[1]

Наказ был дан Екатериной II комиссии для составления Уложения, но ее намерение таким образом установить в России новые законы полностью не осуществилось. Однако Наказ повлиял на отечественное законодательство, хотя его воздействие "было слишком невелико, в сравнении с объемом мысли, в нем содержащимся".[2]

Вместе с тем, не без влияния идей Наказа при Екатерине II начался процесс постепенного ограничения применения телесных наказаний. От них на основании жалованных грамот дворянам и городам были освобождены дворяне, купцы 1-й и 2-й гильдии и именитые граждане. Про духовенство Екатерина здесь забыла. Освободил лиц духовного звания от телесных наказаний Император Александр I.

На дальнейшее развитие уголовного законодательства Наказ оказал несомненное влияние. Многие из его положений послужили основой последующих "преобразований эпохи Екатерины II и Александра I, а некоторые даже буквально повторены в Своде законов, именно в законах основных".[3]

Развивая и преобразовывая уголовное законодательство, Екатерина II Указом от 26 июня 1765 г. исключила уголовную ответственность детей до 10-летнего возраста. Таких малолетних Указ "признавал абсолютно невменяемыми и отдавал виновных без придания суду и без на-

---

[1] См. Кистяковский А. Изложение начал уголовного права по Наказу императрицы Екатерины II // Унив. известия. - Киев, 1864. Октябрь, N 10. С. 1 - 21.

[2] Городиский А. (Кистяковский). Влияние Беккарии на русское уголовное право // Журнал Мин-ва юстиции. 1864. Сентябрь. С. 464.

[3] Таганцев Н.С. Указ. раб. Т. 1. С. 102.

казания на исправление родителям, родственникам или опекунам". Ответственность несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет допускалось смягчать. Об обвиняемых в преступлениях, влекущих смертную казнь или кнут, велено было представлять информацию в Сенат, "где с ними поступлено имеет быть по благорассмотрению и по мере их вины". При смягчении ответственности за прочие преступления различались малолетние от 10 до 15 и от 10 до 17 лет.[1]

Важную роль в развитии института уголовной ответственности сыграли кодификационные работы, проводившиеся в течение почти двух веков в российской истории, начиная со времен Уложения 1649 г. Одним из плодов этих работ явилось издание в 1813 г. проекта Уголовного Уложения Российской империи. В нем впервые в нашем уголовном законодательстве предусматривался отдельный раздел, посвященный общей части, т.е. общим положениям уголовного права.

Первая редакция проекта 1813 г. раскрывала лишь отдельные вопросы Общей части, причем параграфы в нем не были пронумерованы. Вторая редакция того же проекта содержала полностью разработанную Общую часть, все параграфы пронумерованы, текст разделен на главы и статьи, которые за исключением одной главы ("Различие наказаний уголовных от полицейских") имели номера. Третья редакция проекта состояла из трех частей: часть 1 - Основания уголовной ответственности; часть 2 - Государственные и общественные преступления; часть 3 - О частных преступлениях. Всего в проекте этой редакции было 581 параграф, из них 111 общих положений. (В первоначальном проекте 1812 г. было 998 параграфов, из них по Общей части - 245).[2]

---

[1] Там же. С. 159.

[2] См.: Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права. - Л., 1961. С. 5 - 39.

Общая часть проекта имела важное значение для позднейшего законодательства. Так, при издании в 1832 г. Свода законов Российской империи его раздел, посвященный уголовному законодательству, был составлен на основе проекта 1813 г.

Свод законов Российской империи, задуманный в рамках систематизации действовавшего законодательства, фактически явился началом кодификационных работ. Его издание во многом облегчило изучение и практическое применение института уголовной ответственности. Законоположения о ней, благодаря кодификации, обрели большую определенность и упорядоченность. Однако недостатки Свода в целом и некоторые, присущие его 15 тому (целиком посвященному уголовному законодательству), вызвали потребность продолжить кодификационные работы.[1]

Том 15 Свода был существенно переработан, исправлен и издан в 1845 г. в новой редакции под названием "Уложение о наказаниях уголовных и исправительных".[2] Оно полностью переиздавалось в 1866 г. и 1885 г., но концептуально не изменялось вплоть до 1917 г.

В Общей части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (раздел 1 - "О преступлениях и наказаниях вообще"), по сравнению с такой же частью т. 15 Свода законов, давались более четкие формулировки. Первый раздел, в отличие от остальных разделов Уложения, был юридически наиболее совершенным для своей эпохи. Он содержал понятия таких категорий уголовного права, как "преступление" и "проступок". Уголовная ответственность определялась как налагаемая за противозаконное действие, а также и за неисполнение того, что предписывалось под страхом наказания (ст. 4).

---

[1] Подробнее см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. - Спб., 1902. Т. 1. С. 103, 213 - 217.; Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. - Одесса, 1917. С. 44.

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.- Спб., 1845.

Таким образом, Закон указывал на противоправность как на важнейший элемент понятия преступления, значимость которого при определении основания уголовной ответственности не переоценима. Этот же принцип формулировался в ст. 96, требующей определения ответственности и наказания за преступления и проступки в точном соответствии с постановлением закона. Понятие преступления в Уложении о наказаниях, по сравнению со Сводом законов (ст. 1, 2 т. 15), было сформулировано юридически более четко.

Уложение о наказаниях, как и Свод законов, знало два понятия деяния, преследуемого по уголовному законодательству: преступление и проступок. В отличие от Свода, отграничивающего преступлением от проступка по тяжести наказания, Уложение различало их по объекту посягательства (ст. 1, 2). Исследователи Уложения 1845 г. отмечали, что в его Особенной части это различие провести не удалось. Так, Н.С. Таганцев указывал на крайнюю нечеткость применения терминов "преступление" и "проступок". [1] Поэтому ожидаемый эффект относительно индивидуализации ответственности и обеспечения справедливости наказания с учетом степени и характера преступного деяния, не был достигнут.

В первом разделе Уложения определены виновность как необходимое основание наступления ответственности и формы вины (ст. 5, 7). Преступления и проступки делились на умышленные и неумышленные. Последние еще и на случайные и неосторожные (ст. 7). За случайные к уголовной ответственности не привлекали.

Для практического решения вопроса об объеме ответственности лица, закон требовал установить, совершено ли преступление с заранее обдуманным намерением или с внезапно возникшим умыслом (ст. 6).

---

[1] См.: Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Спб., 1887. Вып. 1. С. 77.

Кроме того, Уложение внесло дополнительные элементы в понятие уголовной ответственности, обязуя судью при выборе меры наказания руководствоваться важностью вины и сопровождавшими содеянное обстоятельствами.

Сохранялась, как и в предшествующем законодательстве, уголовная ответственность за "голый" умысел (обнаружение умысла). Уложение 1845 г. решало этот вопрос по-разному. В ст. 8 и 9 признаки умысла рассматривались как "изъявление на словах или письменно, или иным каким-либо действием намерения учинить преступление". В ст. 97 говорилось просто об умысле на преступление и его наказуемости (в случае указания на это в законе).

Новое было и в том, что Уложение конкретизировало ответственность за соучастие. Выделялось два его вида: совершение преступления несколькими лицами по предварительному согласию и без него (ст. 13). В первом случае закон различал следующие категории соучастников: зачинщики, сообщники, подстрекатели, пособники. При этом определялась конкретная роль того или иного соучастника (ст. 15). Во втором случае выделялись лишь главные виновные и соучастники. При этом участие могло быть как непосредственным, так и выражаться лишь в доставке средств для совершения преступления или в устранении препятствий к его осуществлению (ст. 14).

Совместно с институтом соучастия рассматривались и различные случаи прикосновенности (отношения) лиц к преступлению: попустительство; недонесение; заранее не обещанное укрывательство (ст. 16, 17). Другой вид укрывательства - заранее обещанное - был отнесен к пособничеству.

Ответственность за недонесение наступала лишь в тех случаях, в которых закон обязывал довести до сведения органов власти о готовящемся или совершившемся преступлении.

Таким образом, по сравнению с предшествовавшим законодательством, Уложение более точно и юридически совершенно определило виды соучастия. В зависимости от его вида Особенной частью Уложения устанавливались различный объем ответственности и соответствующие ему виды наказания (с учетом степени участия и меры вины).

В Уложение был включен важный принцип буржуазного уголовного права, - наказание должно быть определено не иначе как на точном основании закона (ст. 96). Однако от данного принципа Уложение 1845 г., к сожалению, делало много отступлений, допускавших возможность широкого административного и судебного произвола. Так, наличие предусмотренной законом аналогии (например, примечанием к ст. 61), давало возможность применения к виновным в уголовно наказуемых деяниях административных мер воздействия. Это противоречило принципу, содержащемуся в ст. 96, и предопределяло его нарушения.

Были сформулированы и другие важнейшие принципы буржуазного уголовного законодательства: необходимость доказанности преступного деяния и наличие виновности как оснований наступления уголовной ответственности. Предшествовавшим Уложению 1845 г. законодательством, в том числе и Сводом законов (ст. 109 - 111), было разрешено оставлять подсудимого "в подозрении" и применять к нему в этом случае определенные меры наказания - отдачу в военную службу, ссылку на поселение и др.

Впервые в уголовном законодательстве России в ст. 98 Уложения приводился перечень всех обстоятельств, исключавших наступление уголовной ответственности. Таковыми являлись:

"1) совершенная невиновность того деяния, коего случайным и непредвидимым последствием было сделанное зло;

2) малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния;

3) безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоизступление или совершенное безпамятство;

4) ошибка случайная или вследствие обмана;

5) принуждение от превосходящей физической силы;

6) необходимость обороны".

Освобождение от уголовной ответственности за случайное деяние предусматривалось еще Соборным Уложением 1649 г. и Воинским Уставом Петра I. Их нормы четко отличали случай от неосторожности. Статья 6 Свода законов (т. 15) различала деяния умышленные, неосторожные и случайные. Однако формулировка Уложения о наказаниях была более юридически четкой и обоснованной, поскольку в ней прямо указывалось на отсутствие при случайном деянии вины - необходимого основания возникновения уголовной ответственности.

Определяя малолетство как обстоятельство, устраняющее наступление ответственности, Уложение в ст. 100 устанавливало возраст лица, с которого она наступала, - с 7 лет. До Уложения данный вопрос достаточно четко не решался. По мнению многих юристов, и Уложение 1845 г., несмотря на наличие ст. 100, не давало на него ясного ответа. Так, Н.С. Таганцев и А. Лохвицкий, сопоставляя содержание этой статьи и ст. 143 (о возрасте от 7 до 10 лет как обстоятельстве, уменьшающем вину и строгость наказания), пришли к выводу, что практически Уложение вводило уголовную ответственность с 10- летнего возраста.[1]

Говоря о состоянии умалишенном или болезненном, связанном с полным беспамятством, Уложение развивало известное еще Воинскому Уставу понятие "умалишенное состояние". В Своде законов оно

---

[1] См.: Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Спб., 1888. Вып. 2. С. 442; Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Спб., 1867. С. 96.

определялось как "безумие" и "сумасшествие" обстоятельства, устранявшие уголовную ответственность.

Уложение 1845 г. впервые в уголовном законодательстве России достаточно четко сформулировало понятие невменяемости. Специальное приложение к Уложению определяло порядок освидетельствования безумных и сумасшедших. Закон предусматривал возможность применения к умалишенному принудительного помещения в дом умалишенных, а к больным, страдающим припадками умоисступления, - помещение в больницу. Определялась (с существенными оговорками) невменяемость глухих от рождения или лиц, лишившихся слуха и языка в детском возрасте.

Кроме освобождения от уголовной ответственности в связи с "ошибкой случайной", "вследствие обмана" (ранее не были известны российскому уголовному законодательству), с "принуждением от превосходящей физической силы", а также ввиду "необходимой обороны", Уложение предусматривало здесь и другие обстоятельства.

Освобождение от уголовной ответственности по Уложению должно было наступать и при так называемых уголовно-частных деликтах: "при менее важных телесных повреждениях, при посягательстве на женскую честь и при клевете" в случае примирения сторон (п. 2 ст. 160). Исключение составляли отдельные той же категории деяния, при совершении которых примирение сторон не влекло за собой освобождения от ответственности.

Уголовное преследование прекращалось по Уложению также и за давностью совершения преступления (п. 3 ст. 160). Сроки давности уголовного преследования зависели от максимального наказания, предусмотренного законом за данное преступление. Например, они составляли 10 лет, если за деяние назначалось суровое уголовное наказание; 8 лет - если предполагалось исправительное арестантское отделение и т.д. (Ст. 163, 164, 165, 166, 167, 168 Уложения).

Давность не применялась по некоторым составам государственных преступлений (предусмотренных ст. 263, 266, 271, 275 Уложения), а также преступлениям лиц, перешедших из православной церкви в другую христианскую или иную веру; вступивших в заведомо незаконный брак; незаконно присвоивших сословные права, должности, чины, ордена, почетные титулы или имена.

Гражданские (имущественные) взыскания за причиненные преступлением вред или убытки не погашались давностью, установленной Уложением. На них распространялось положение т. 10 Свода законов в части "Законов гражданских и межевых". В ст. 390 этих законов определялся 10-летний срок обращения с иском. Право на иск о возмещении убытков не утрачивалось и в случае амнистии (ст. 172).

Помилование, согласно Уложению, исходило от верховной власти царя и выражалось в устранении для лица карательных последствий за совершенное им преступление по усмотрению самодержца (ст. 170, 171). Помилование могло проявляться в формах:

- отмены, изменения или замены наказания, определенного приговором суда отдельному подсудимому, причем только в сторону смягчения наказания. Было также возможно и восстановление виновного в правах;

- устранения возможного или прекращения уже возникшего уголовного преследования (уголовной ответственности в современном понимании - А.М.);[1]

- амнистии, т.е. прощения или смягчения наказания, либо неприменения уголовного преследования, или прекращения уже возникшего преследования в отношении большого числа осужденных или обвиняемых в определенных преступлениях. (В этих случаях, наряду

---

[1] О вопросах прекращения уголовной ответственности см.: Магомедов А.А. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности. - Саратов, 1994. С. 33 - 51.

с освобождением от наказания, также могло быть и прекращение уголовной ответственности - А.М.).

Однако согласно Уложению прекращение уголовной ответственности по акту помилования или амнистии не означало устранения всех последствий, возникавших для лица в связи с совершенным им преступлением. В частности, такое последствие, как церковное покаяние преступника, его помилованием или амнистией не устранялось. Оно прекращалось или продолжалось по усмотрению духовного руководства в вероисповедании данного лица. Кроме того, для него при освобождении от уголовной ответственности по акту помилования или амнистии могло иметь место и другое, указанное в законе неуголовно-правовое последствие (ст. 172).

Уложение предусматривало обстоятельства, называемые в нем "погашающие наказания". К их числу оно относило смерть преступника, примирение сторон, давность деяния и помилование (ст. 160 - 170). Если наказание "погашалось" в связи со смертью преступника, то Уложение предписывало взыскание с его близких денежной пени или его имущества в возмещение ущерба, причиненного преступлением (ст. 162).

Содержало Уложение и раздел "Об обстоятельствах, увеличивающих вину и наказание" (ст. 140 - 150) нормы которого позволяли индивидуализировать уголовную ответственность и наказание. Их Н.С.Таганцев называл обстоятельствами, влияющими на меру ответственности. Впервые они были систематизированы в проекте 1813 г., затем вошли в Свод законов, а оттуда и в Уложение 1845 г. Основу соответствующих законодательных установлений составила "немецкая система Фейербаха, т.е. в них были не только подробно исчислены обстоятельства, при наличии которых суд мог изменять

определенную в законе ответственность, но и был точно установлен размер влияния этих обстоятельств".[1]

В ст. 135 Уложения указывались следующие группы отягчающих ответственность обстоятельств:

- характеризующие личность виновного. Здесь учитывалась его высокая материальная состоятельность, престижное звание и образованность, использованные им в отношении к месту, в котором преступление учинено, или к лицам, против которых оно было предпринято;

- большая выраженность умысла и обдуманности, безнравственности и жестокости в противоправных действиях виновного, в его усилиях для устранения представлявшихся ему в том препятствий;

- важность вреда, причиненного преступлением, высокая опасность, которой оно угрожало какому-либо частному лицу или всему обществу и государству, а также привлечение виновным к участию в преступлении других лиц;

- неискренность поведения виновного при следствии и на суде, его упорство в отрицании своей очевидной вины, стремление возбуждать подозрение на невинных или даже прямо их оклеветать.

При наличии одного или нескольких из перечисленных обстоятельств, суд мог "не ограничиваясь увеличением меры наказания, возвысить оное одною или несколькими степенями или даже приговорить виновного к другому наказанию, более строгому, означенному именно в особых о каждом преступлении постановлениях" (ст. 36 Уложения).

Статья 137 Уложения относила к числу обстоятельств, увеличивающих вину и наказание "и повторение того же преступления или учинение другого после суда и наказания за первое, и внедрение в новое преступление, когда прежнее, не менее важное, было прощено винов-

---

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 2. - М., 1994. С. 291, 294, 335.

ному вследствие общего милостивого манифеста или по особому монаршему снисхождению". Такой формулировкой Уложение проводило четкое разграничение между повторностью и рецидивом преступлений. В том и другом случае суд обязан был назначать "самую высшую меру наказания" (ст. 138). По мнению юристов, требование столь строгой ответственности, установленное законом, приводило к неоправданно тяжким приговорам, к несоответствию наказания тяжести содеянного.[1]

Уложение 1845 г. определяло и обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность. Наличие некоторых из них позволяло даже вовсе освободить от уголовной ответственности. Согласно ст. 140 Уложения такими обстоятельствами являлись:

1) добровольная явка виновного до падения на него подозрения в суд или же к местному или другому начальству, где он с вполне чистосердечным раскаянием сознался в учиненном преступлении, либо полностью признался в его совершении после возбуждения дела на одном из первых допросов "без замедления, благовременно, с полной откровенностью, и также указал всех участников в преступлении";

2) совершение виновным преступления по легкомыслию или же слабоумию, глупости и крайнему невежеству, которыми воспользовались другие для вовлечения его в преступление; вследствие сильного раздражения, вызванного нанесенными ему обидами, оскорблениями или иными поступками лица, "коему он сделал или покусился сделать зло", либо виновный был вовлечен в совершение преступления убеждениями, приказаниями или дурным примером людей, имевших над ним "по природе или по закону высшую сильную власть";

3) совершение преступления в силу крайности и отсутствия у виновного каких-либо средств к пропитанию и работе или если он по-

---

[1] См.:Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. - Спб., 1892. Вып. 4. С. 1735, 1736.

чувствовал в процессе совершения преступления раскаяние или сожаление к жертвам деяния "и по сему побуждению не совершил всего преднамеренного им зла, в особенности же, когда он удержал от такого и своих сообщников", либо виновный по совершении преступления старался отвратить хотя бы некоторые вредные последствия им содеянного и возместить причиненные его действиями убытки.

Дополнительно к перечисленным в Уложении (изд. 1845 и 1857 гг.) содержался еще один пункт, согласно которому обстоятельством, смягчающим вину и ответственность, признавалось принятие нехристианином во время следствия и суда православия. Однако этот пункт впоследствии был отменен как несогласующийся с достоинством православной церкви.

Смягчение или усиление ответственности и наказания "по различным обстоятельствам, сопровождающим преступление, совершается двояким образом: или 1) закон определяет нормальное наказание, а потом в особых дополнительных постановлениях указывает обстоятельства, изменяющие ответственность с определением и самого размера изменений, или 2) налагает за одно преступление несколько одно другое заменяющих наказаний, предоставляя суду выбор, и при том: или а) без указаний в законе каких-либо оснований для выбора, или б) с указанием некоторых оснований, или в) с исчислением всех оснований такого выбора".[1] Наличие смягчающих вину обстоятельств позволяло суду "уменьшать меру следующего виновному наказания в пределах назначенной законом степени или понижать оное одною или двумя степенями" (ст. 141).

Уложением предусматривалось освобождение от ответственности и наказания за начатую лицом преступную деятельность, но не

---

[1] Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд-е 12-ое. - Спб., 1904. С. 121.

доведенную им до конца по его доброй воле, в том числе и при приготовлении к преступлению или покушении на него. Уголовная ответственность наступала лишь в том случае, если совершенные приготовление или покушение уже сами по себе содержали преступное деяние. Добровольный отказ от совершения преступления был известен российскому законодательству и ранее, но в Уложении он получил четкую юридическую регламентацию.

В случае, если преступление не было доведено до конца не по собственной воле виновного, а по независящим от него обстоятельствам, были возможны два варианта ответственности. Если подсудимый выполнил все, что он считал нужным для приведения своего намерения в исполнение, то он должен был быть наказан как за совершенное преступление; если нет, то суд мог уменьшить меру наказания на одну или две ступени.

Уложению о наказаниях уголовных и исправительных, как и для Свода законов, было характерно отсутствие достаточно четкого разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности. И это закономерно, так как в России в первой половине XIX в. суд не был отделен от администрации; широкие полномочия имели органы полиции и политического сыска. Многие составы преступлений, указанные в Уложении о наказаниях, в Своде законов были включены в Полицейский устав о предупреждении и пресечении преступлений (т. 14 Свода).

Уложение 1845 г., несмотря на имевшиеся в нем недостатки, сыграло большую роль в дальнейшем развитии уголовного законодательства России и уголовно-правовых теорий, в подготовке и проведении в последующем судебной реформы. Оно стало основой для принятия в 1846 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.[1]

---

[1] Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. // Свод законов уголовных с предметным указателем. Изд. 2-е. - Спб., 1915. С. 537 - 620.

Названный Устав действовал как кодекс параллельно с Уложением 1845 г., но, как кодекс, по сравнению с ним, делал "значительный шаг вперед, особенно в разработке диспозитивной части, т.е. определений о составе преступных деяний".[1] Устав вторично издавался в 1883 г. в составе Судебных уставов Императора Александра II. До октября 1917 г. действовало его 3-е издание 1885 г. с составленным к нему в 1902 г. Сводным Продолжением.

Из Уложения 1845 г. в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, вошли все статьи о маловажных преступлениях и проступках, подведомственных судебно-полицейскому рассмотрению. Устав был дополнен также статьями, определявшими наказание, превышавшее предполагавшуюся компетенцию мирового судьи, но относительно которых допускалось смягчение ответственности.

В Общей части Устава было признано необходимым "для краткости его и для легчайшего руководства мировых судей, означать не все встречавшиеся до сих пор отдельные случаи,а, напротив, по возможности, соединять их и подводить под общие правила, содержащие в себе взыскания за проступки однородные".[2]

Среди общих положений уголовного законодательства Устав приводил перечень наказаний за проступки: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания не свыше трехсот рублей; арест не свыше трех месяцев; заключение в тюрьме не свыше одного года и шести месяцев (ст. 1). Кроме того, определялись правила замены наказаний, освобождения от них, порядок их назначения с учетом обстоятельств, отягчающих или смягчающих вину и ответственность при совокупности преступлений или в условиях соучастия (ст. 6, 7, 8, 9,

---

[1] Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. Пособие к лекциям. - Спб., 1911. С. 27.

[2] Сергеевский Н.Д. Указ. раб. С. 27.

10, 12, 13, 14, 15, 16, 17). Уголовная ответственность несовершеннолетних устанавливалась, начиная с 10-летнего возраста.

В Уложении и Уставе нашел отражение происходивший в России процесс становления буржуазного государства, способствовавший внедрению в законодательство принципов буржуазного права. Однако отечественное уголовное право этого периода продолжало оставаться феодальным, и его институт ответственности был направлен прежде всего на укрепление феодализма, часто тормозя развитие других отношений, в частности - буржуазных.

Российское уголовное законодательство XIX века может быть в целом охарактеризовано как внутренне противоречивое. С одной стороны, в нем присутствовало и развивалось прогрессивное начало, просматриваемое преимущественно в становлении его Общей части, в определении оснований уголовной ответственности, в конкретизировании возраста начала ее несения. Прогрессивный подход проявлялся и в определении обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность и наказание, в установлении оснований освобождения от ответственности и наказания, в регламентации общих правил назначения наказания.

С другой стороны, российское уголовное законодательство даже в условиях реформирования оставалось консервативным. Это прежде всего подтверждается наличием в нем норм, учитывавших сословную принадлежность лиц, совершивших преступления и проступки, а также статей, устанавливавших виды наказаний, допускавших меры физического воздействия на преступника и каторжные работы без срока, наконец, уравниванием по общественной опасности и правовым последствиям преступлений государственных и против веры.

Дальнейшее развитие института уголовной ответственности шло в России в условиях интенсивного процесса становления и упрочения капиталистических общественных отношений. Этот процесс приводил

к обострению классовых противоречий, углублению кризиса самодержавия и активизации политической жизни различных слоев общества.

В 1903 г. было подготовлено Уголовное Уложение, представленное в Государственный Совет на рассмотрение с последующим утверждением царя.[1] Следует отметить, что оно отразило достаточно высокий уровень правовой культуры и законодательной техники. Этому способствовали успехи в науке уголовного права того времени, в том числе фундаментальная разработка вопросов уголовного права. Прогрессивно настроенные ученые юристы того периода Н.Д.Сергеевский, Н.С.Таганцев, Н.А.Неклюдов, И.Я.Фойницкий своими трудами и участием в подготовке проекта Уголовного Уложения внесли большой вклад в решение важнейших вопросов института уголовной ответственности. Благодаря им, в двух отделениях Уложения - четвертом и пятом - регламентировалось виновное вменение преступных деяний.

В Отделении четвертом "Об условиях вменения и преступности деяний" в ст. 39 формулировалось понятие невменяемости, хотя сам этот термин в статье не употреблялся. В ней давалась характеристика всех признаков невменяемости (конкретные критерии - медицинский и юридический), существенные даже с точки зрения современной теории и ныне действующего законодательства. Статья гласила: "Не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое во время его учинения не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности или бессознательного состояния, или же умственного неразвития, происшедшего от телесного недостатка и болезни".

Статья 41 Уголовного Уложения исключала привлечение несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет к уголовной ответственности за

---

[1] Уголовное Уложение. Спб., 1903.

некоторые деяния в связи с неспособностью понимать ими свойства и значения совершаемого или руководить своими поступками.

Особого внимания заслуживают ст. 42 и 43, содержавшие общие условия виновного вменения деяния психически здоровому человеку и пределы вменения ("интеллектуальный момент" виновности), от которых зависело решение вопроса об уголовной ответственности. Она дифференцировалась следующим образом:

статья 42: "Не вменяется в вину преступное деяние, коего учинивший не мог предвидеть или предотвратить" (ответственность исключается, казус - А.М.).

статья 43: "Неведение обстоятельства, коим обусловливается преступность деяния или которое усиливает ответственность, устраняет вменение в вину самого деяния или усиливающего ответственность обстоятельства.

При неосторожных деяниях правило сие не применяется, если самое неведение было последствием небрежности виновного".

Уголовная ответственность за проступки устанавливалась при наличии не только умышленной вины, но и неосторожной, за исключением особо указанных в законе случаев.

Содержание ст. 48 Уголовного Уложения охватывала все виды умысла и неосторожности, признаваемые и современным правом. При этом понятия форм вины были сформулированы логично, в удобной для практики форме, без связи определений основных форм виновности исключительно с отношением к последствиям деяния, т.е. не ограничивая их строгой применимости только с материальными составами. Очевидное несовершенство определений ст. 48 заключается в отсутствии в них указаний на психическое отношение виновного к социальной сущности преступного деяния, к его общественной опасности. В остальном же положения закона в части определения умысла и неосторожности представляются весьма удачными.

Уголовное Уложение устанавливало деление всех преступных деяний на три категории: тяжкие преступления, преступления и проступки (ст. 3). С учетом этого обстоятельства теоретически важным и практически удобным для правоприменения являлось правило, содержавшееся в ст. 48 и определявшее возможность ответственности за умысел или неосторожность в зависимости от тяжести деяния и конструкции статьи Особенной части. Установление сходного правила в ныне действующем уголовном законодательстве было бы весьма полезным.

В Уложении были четко сформулированы положения закона о смягчении и замене наказаний (ст. 33 - 59); о возрастных границах уголовной ответственности (ст. 41). Был приведен перечень обстоятельств, позволяющих в определенных случаях освободить лицо от уголовной ответственности (ст. 44, 45, 46, 47); определены давность и другие обстоятельства, устраняющие ответственность и наказуемость (ст. 68 - 72).

Прогрессивный смысл новых идей, привнесенных по ве. ению времени в уголовное законодательство, видимо, напугал царя, так как Уголовное Уложение 1903 г. полностью не было введено в действие.

Пришедшее в ходе февральской революции 1917 г. к власти Временное правительство не создало своего, а сохранило в силе уголовное право царской России.

§ 4. Ответственность за преступление по уголовному законодательству РСФСР (СССР) и Российской Федерации после октября 1917 г.

С победой Октябрьской революции в России устанавливается новая власть - диктатура коммунистической партии, официально объявленная как диктатура пролетариата.

У новой власти не возникало никаких сомнений в том, что дореволюционная правовая система подлежит отмене (слому, упраздне-

нию, уничтожению). Поэтому ей несложно было объявить об отказе от старого буржуазного законодательства, изданного "свергнутыми правительствами" (царским самодержавием, а затем Временным правительством). Однако возникал вопрос: чем его заменить? Новых законов было мало. В данный период в качестве заменителя прежних законов выступали "революционное правосознание" или "правосознание трудящихся классов", "революционная совесть".

Декрет о Суде N 1 (1917 г.) разрешал руководствоваться в борьбе с преступностью старыми законами в тех пределах, в которых они не отменены революцией. В процессе рассмотрения дел (т.е. и при решении вопроса об ответственности за преступление - А.М.) декрет предписывал руководствоваться революционной совестью и революционным правосознанием (ст. 5) и не использовать законы, противоречащие декретам и другим нормативным и партийным документам пролетарского государства.[1]

Позднее было установлено, что в случае такого противоречия "должны быть указаны мотивы отмены судом устарелых или буржуазных законов".[2] Однако вскоре в это правильное и довольно либеральное положение были внесены существенные изменения. Все делалось для того, чтобы практически отбросить прежнее дореволюционное уголовное законодательство.

Декрет о Суде N 2 (1918 г.) предлагал судам применять только декреты Советской власти, а в случае неполноты или отсутствия соответствующего декрета руководствоваться социалистическим правосознанием. Судьи получали право по своему убеждению решать вопрос не только о факте совершения преступления и мере наказания, но и об

---

[1] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР: 1917 - 1925 гг. / Под ред. Н.Т.Голякова. - М., 1953. С. 15 - 16.

[2] СУ РСФСР 1918. N 26. Ст. 8

уменьшении положенного по закону наказания "вплоть до условного или полного освобождения от всякого наказания" (ч. 2 ст. 29).[1]

Этим декретом отменялись суд и тюремное заключение в отношении несовершеннолетних. Дела же их о правонарушениях требовалось рассматривать в "комиссиях о несовершеннолетних" в составе представителей ведомств юстиции, народного просвещения и общественного презрения (ст. 17).[2]

Изложенные идеи получили дальнейшее развитие в Положении о народном суде, утвержденном Декретом ВЦИК 30 ноября 1918 г. Статья 23 Положения устанавливала, что "народный суд имеет право по своему убеждению определить меру наказания, а также постановить приговор об условном или полном освобождении обвиняемого от всякого наказания".[3] Эта норма носила общий характер. Вместе с тем она имела важное значение как для практики замены уголовной ответственности и наказания за менее опасные преступления мерами общественного воспитательного воздействия, так и для избрания форм ее осуществления (передача дел в "комиссию о несовершеннолетних", товарищеские суды и др.).

Первоначально, при отсутствии в стране развитого уголовного законодательства, право признания деяний общественно опасными и преступными в большинстве случаев было предоставлено, наряду с судами, правотворчеству народных масс. Однако уже в 1919 г. были изданы Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. В них на основе обобщения опыта борьбы с преступностью в стране и правотворчества масс, накопленного в предшествовавшие два года после

---

[1] Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 22.

[2]. СУ РСФСР. 1918. N 26. Ст. 420.

[3] СУ РСФСР. 1918. N 85. Ст. 889.

революции, были сформулированы основные положения об уголовной ответственности в социалистическом уголовном праве.

Руководящие начала законодательно утвердили возможность освобождения от ответственности в связи с изменившейся обстановкой. При этом для освобождаемого не возникало никаких правовых последствий (ст. 16).[1] Однако ни УК РСФСР 1922 г., ни Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. подобной нормы уже не содержали.

В феврале 1925 г. в УПК 1925 г. была введена ст. 4-а, согласно которой прокурор и суд получали право "отказать в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица, хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного уголовным кодексом, но не может признаваться общественно опасным (ст. 6 УК РСФСР) вследствии своей незначительности, маловажности и ничтожности последствий, а равно, когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство по делу представляется нецелесообразным".

Таким образом, эта норма УПК исключала уголовную ответственность за малозначительные деяния или в связи с изменившейся обстановкой ко дню рассмотрения дела, если исчез общественно опасный характер деяния и лица, его совершившего.[1] При этом для освобожденного не предусматривалось каких-либо негативных правовых последствий.

Хотя рассмотренное положение и было включено в УПК, оно по существу являлось нормой уголовного права, поскольку содержало

---

[1] Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 58 - 59.

материальные признаки деяния, которое предусматривалось уголовным законом, но не было общественно опасным. В 1926 г. ст. 4-а была исключена из УПК РСФСР, а ее содержание более полно раскрывалось в примечании к ст. 6 и ст. 8 УК РСФСР 1926 г.

В примечании к ст. 6 УК РСФСР указывалось, что главным материальным признаком деяния, за совершение которого устанавливается уголовная ответственность, признается общественная опасность. При этом пояснялось: "Не является преступлением действие, которое хотя формально подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего кодекса, но ввиду малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного". Таким образом, кодекс ограничивал круг деяний, которые формально подпадали под признаки состава какого-либо преступления, но по существу *не были общественно опасными вследствие малозначительности* и отсутствия вредных последствий. Лица, виновные в совершении таких деяний, уголовной ответственности не подлежали.

Статья 8 УК РСФСР исключала применение наказания к лицу, совершившему преступление, при условии, если к моменту расследования либо рассмотрения дела в суде деяние утрачивало характер общественно опасного в силу изменения социально-политической обстановки или если само это лицо, по мнению суда, не могло быть признано общественно опасным.

Таким образом, по нашему мнению, было положено начало формированию в советском уголовном законодательстве института освобождения от уголовной ответственности, поскольку лица, виновные в совершении преступления, в силу указанных в законе обстоятельств могли быть освобождены от уголовной ответственности и в отношении

---

[1] См., например: Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Часть Общая и Особенная. - Одесса, 1926. С. 59; Уголовное право. Общая часть. - М., 1938. С. 232.

них не возникало в связи с содеянным никаких правовых последствий. Достижение целей уголовного закона в указанных случаях стало возможным без привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности или без применения к нему наказания.

Несмотря на объявленную большевиками ликвидацию старого права, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК РСФСР 1922 и 1926 гг. воплотили немало идей и понятий, выработанных буржуазной юриспруденцией до октября 1917 г. Из их числа, имеющими прямое отношение к институту уголовной ответственности, можно выделить понятия умысла (прямой и косвенный) и неосторожности (легкомысленное деяние, небрежность) и другие, особенно четко сформулированные еще в Уголовном уложении 1903 г. При отсутствии в УК РСФСР 1922 г. термина "невменяемость" кодекс фактически исходил из принципа непривлечения к уголовной ответственности невменяемых и неприменения к ним наказания, что полностью соответствовало ст. 39 Уложения 1845 г.

В Руководящих началах и уголовных кодексах советской республики не употреблялся также термин "вина" (виновность), объявленный большевиками предрассудком. Вместе с тем исследователи отмечали: "Противополагая наказание мерами социальной защиты в тесном смысле, уголовные кодексы советской республики, несомненно, тем самым поддерживали взгляд, что им не совершенно чуждо понятие вины". Однако согласно господствующей тогда в праве доктрине: "Вина в уголовном праве слишком уже срослась с представлением о классической школе, с представлением о справедливом возмездии, о нравственной оценке деяния, с представлением, наконец, о сухой абстрактной "формальной" вине, за которой упускалась из виду личность преступника - его "опасное состояние".[1]

---

[1] Исаев М.М. Понятие социальной опасности в Основных началах уголовного законодательства Союза и союзных республик // Советское право. - М.-Л., 1925. N 4 (16). С. 55 - 56.

Однако отказ от "вины" фактически был невозможен, что подтверждало содержание Уголовно-процессуального кодекса, в котором употреблено множество, производных от коренного слова "вина" терминов: "обвинение", "обвиняемый", "виновный" и др. (ст. 91, 105, 202, 204 и др. УПК РСФСР 1923 г.).

При игнорировании отдельных идей "классической школы" уголовного права, авторы УК РСФСР 1922 г. некритически восприняли некоторые идеи его другой - "социологической школы". О том свидетельствует признание в кодексе реакционной теории "опасного состояния". Ее сторонники полагали, что основу применения наказания (привлечения к уголовной ответственности - А.М.) должна составлять социальная опасность преступника, а не тяжесть совершенного им преступления.[1]

Статья 7 УК РСФСР 1922 г. указывала, что "опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному порядку". В соответствии с этим статьи 5 и 49 УК определяли: "Лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет".

Из такого подхода вытекали выгодные для большевистского руководства в его борьбе за укрепление своей власти принципы объективного вменения, т.е. возложения уголовной ответственности без вины или даже за состояние человека. Это позволяло осуждать членов семей "изменников родины", отправлять в лагеря "кулаков" с их семьями, крымских татар, немцев и других неугодных власти лиц, закреплять в законе соответствующие статьи. Так, согласно введенной

---

[1] Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. - М., 1981. С. 30.

в 1934 г. в УК РСФСР ст. 58-1 совершеннолетние члены семьи военнослужащего, совершившего побег за границу, подлежали уголовной ответственности даже если ничего не знали о подготовке побега. Тем самым законодательно устанавливался институт заложников, широко применявшийся большевиками с самых первых дней революции.

Наряду с "опасным состоянием" и "мерами социальной защиты" важную роль в первых уголовных кодексах советской республики играл институт аналогии (ст. 10 УК РСФСР 1922 г.).

Аналогия позволяла властям, когда это было им необходимо, привлекать за любые действия к уголовной ответственности на формальной основе схожести признаков совершенного деяния с тем или иным составом преступления, предусмотренным УК РСФСР. Существование института аналогии в советском уголовном законодательстве, представители власти объясняли необходимостью ликвидации эксплуататорских классов в нашей стране.

Наличие в советском уголовном законодательстве категорий "опасное состояние" и "меры социальной защиты", как и допущение аналогии при решении вопроса об уголовной ответственности за деяние, имели место с первого же советского УК до тех пор, пока большевики не утвердились у власти. Вместе с тем, безотносительно к политическим вкусам и настроениям, основные идеи уголовного законодательства и уголовно-правовой теории новой эпохи явились продолжением нормотворчества и научных исследований предыдущих столетий. Это подтверждает анализ юридической литературы и законодательства с позиций исторического метода.

Принципиальное значение в развитии института уголовной ответственности в рассматриваемый период имела "идея о классовом характере уголовного права и классовости преступного", ставшая централь-

ной в уголовной политике советского государства.[1] В сфере применения уголовного законодательства эта идея предопределила длительное существование "классового" или "пролетарско-классового" подхода.

Законодательные и ведомственные циркулярные предписания 20 - 30 - х годов требовали при рассмотрении конкретных дел сообразовывать меру ответственности и тяжесть назначаемого наказания прежде всего с "классовой принадлежностью" и "классовым происхождением" виновного. Сама по себе принадлежность преступника в прошлом к "эксплуататсрскому классу" являлась обстоятельством, отягчающим его ответственность и назначаемое ему наказание. Принадлежность же к классу трудящихся выступала смягчающим обстоятельствам. В литературе той эпохи нередки упоминания о приговорах, в которых, после констатации факта совершения лицом тяжкого преступления, шли слова "... но, *учитывая пролетарское происхождение*" и *т.п. Уже только на этом* основании лицу назначалось либо выносилось сравнительно мягкое наказание, либо оно вовсе освобождалось от ответственности.

Верховный трибунал ВЦИК требовал проводить "суровую и ударную борьбу с лицами буржуазного происхождения", причисляя к ним бывших торговцев и офицеров, членов враждебной Советской власти партии, интеллигентов.[2] Репрессиям подвергались и выходцы из трудящихся. Таким образом большевики претворяли в жизнь идею о том, что построить социализм (коммунизм) можно путем военно-коммунистических методов, командно-административных мер, в том числе и при помощи насилия. В 1920 г. Н.И.Бухарин, будучи одним из лидеров большевиков, писал , что пролетарское принуждение во всех

---

[1] См.: Шишов О.Ф. Классовая природа социалистического уголовного права и развитие материального понятия преступления // / Уголовное право. История юридической науки. - М., 1978. С. 19.

[2] См.: Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК за время ! января по 1 октября 1922 г. - М., 1922. С. 36.

его формах, "начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи".[1]

Сразу после революции советский уголовный закон непродолжительное время отчасти шел по пути некоторой преемственности в развитии института уголовной ответственности (в частности, в соблюдении хотя бы видимости признания принципа виновного вменения и т.д.).[2] По мере становления в России коммунистического тоталитаризма характер законотворческой деятельности резко изменяется. Так, при принятии уголовных законов приоритетное значение все больше стали придавать насильственным (в том числе уголовно-правовым) мерам. Репрессии 30-х годов были лишь логическим продолжением террора периода революции, гражданской войны. С начала 20-х годов стала использоваться такая практика: власть придержащие обходили законы, если они мешали "задачам дня". Это проявлялось по-разному: то в грубом попрании принципов права, то в "уточнениях и допущениях", то в прямом издании норм, искажающих данные принципы. Например, вследствие прямого вмешательства Сталина и его окружения в законотворческие процессы 8 июня 1934 г. ЦИК СССР принял уголовный закон об измене Родине, которым вводилось чуждое уголовному праву цивилизованных государств объективное вменение.

После смерти Сталина в короткий период развития советского государства (с 1953 по 1964 гг.), известный как "оттепель", право освобождается от мертвящей печати сталинизма. В развитии института уголовной ответственности становятся определяющими две основные тен-

---

[1] Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. - М., 1989. С. 168.

[2] См.: Никулин С.И. Нравственные начала уголовного права. - М., 1992. С. 31 - 32.

денции. С одной стороны, происходит сужение сферы уголовно-правового принуждения путем гуманизации системы мер уголовного наказания и иных мер воздействия на лиц, совершивших преступления. С другой стороны отмечается усиление (ужесточение) уголовной ответственности за особо тяжкие и тяжкие преступления в отношении рецидивистов и особо опасных рецидивистов, расширение круга общественно опасных деяний, признаваемых преступными и уголовно наказуемыми.

Принятые в 1958 г. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик впервые ввели статью об основаниях уголовной ответственности. В ней указывалось, что "уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние" (ч. 1 ст. 3 Основ).

Основы также впервые ввели в закон термин "освобождение от уголовной ответственности" (ст. 43). Часть 1 ст. 43 Основ, являющаяся наиболее близкой по содержанию к ст. 8 УК РСФСР 1926 г., гласит: "Лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного, или это лицо перестало быть общественно опасным". Часть 3 ст. 10 Основ восстановила в уголовном законе возможность освобождения судом от уголовной ответственности несовершеннолетнего, с применением к нему принудительных мер воспитательного характера.

До принятия в 1960 г. Уголовного кодекса РСФСР в связи с решениями состоявшегося в этот период XXI съезда КПСС по вопросам роли общественности в борьбе с преступностью, эти положения Основ имели важное значение. На местах возродилась и стала широко применяться передача дел о менее опасных преступлениях на рассмотрение обще-

ственности.[1] Появились разнообразные формы воздействия, к которым обращались общественные организации и трудовые коллективы в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности. Наиболее эффективные получили отражение в принятом кодексе.

Так, УК РСФСР 1960 г. предусмотрел дополнительно к регламентируемым ч. 3 ст. 10 и ч. 1 ст. 43 Основ видам освобождения от уголовной ответственности: передачу дела в товарищеский суд для рассмотрения вопроса об ответственности виновного (ст. 51); передачу виновного на поруки (ст. 52). Таким образом, уголовное законодательство определило не только основание для привлечения лица к уголовной ответственности, но и указало на правовые последствия, соответствующие различным формам ее реализации. К ним закон отнес наказание, условное осуждение, замену уголовной ответственности другими видами ответственности, освобождение от уголовной ответственности.

Рассматривая историю формирования института уголовной ответственности как социальной, юридической, научной и нормативной проблемы, надо отметить, что она, как и само право, детерминирована прежде всего внешними по отношению к ней объективными обстоятельствами. Ответственность обусловлена экономическими, идеологическими и психологическими общественными потребностями и интересами.

Так, "до середины 30-х годов при решении вопроса о привлечении лица, виновного в совершении преступления к уголовной ответственности, основное внимание уделялось опасности этого лица. С середины 30-х годов центр внимания законодателя переместился на деяние. С конца 50-х годов при решении вопроса о привлечении лица, виновного в совершении преступления, к ответственности за основу

---

[1] Это имело и отрицательные последствия, так как компанейский характер указанных мер приводил иногда к освобождению от уголовной ответственности и опасных преступников.

берутся оба критерия: единство личности и деяния. Такова эволюция и законодательства, и теории".[1]

На протяжении всего периода существования общества изменяется содержание многих общественных отношений, в том числе и тех, которые находятся в сфере уголовно-правового регулирования и охраны. Например, под воздействием социально-экономических факторов, степени общественной опасности того или иного социально значимого деяния изменяется и характер реагирования на его совершение. В результате либо устанавливается уголовная ответственность за то или иное деяние с усилением или смягчением санкции конкретной нормы, либо принимаются новые или изменяются действующие нормы Общей части уголовного законодательства, регламентирующие дифференциацию и индивидуализацию ответственности.

В этой связи характерен, в частности, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г.[2] В нем была зафиксирована общая норма об освобождении лица, виновного в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление возможно без применения уголовного наказания. В этом случае в соответствии с общесоюзным законодательством для освобождаемого от уголовной ответственности могли наступать следующие правовые последствия:

- привлечение к административной ответственности;

- передача материалов дела на рассмотрение товарищеских судов или в комиссию по делам несовершеннолетних;

- передача лица на поруки общественной организации или коллективу трудящихся.

---

[1] Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы общей части (1917 - 1936 гг.). - М., 1981. С. 35 - 36.

[2] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. N 7. Ст. 116.

Таким образом, Указ от 8 февраля 1977 расширил перечень правовых последствий совершения преступления, добавив в него указание о возможности замены уголовной ответственности административной.

Приведенный пример показывает, что уголовное законодательство совершенствуется с учетом изменений, происходящих в обществе. Как известно, закон есть отражение общих "вытекающих из данного способа производства интересов и потребностей".[1]

Необходимость в разработке нового уголовного законодательства, обосновании применения уголовной ответственности согласно социальным условиям, настоящему состоянию нашего общества, особенно ярко проявилась в последние годы.

Происходящие в России процессы, связанные с начавшейся с 1991 г. сменой общественно-экономического строя, способа производства, предопределили интенсивное изменение и дополнение норм действовавшего УК РСФСР 1960 г. Например, эти процессы привели к полному исключению общественной опасности ряда деяний (небрежное хранение или использование сельскохозяйственной техники, ведение паразитического образа жизни, незаконное обучение каратэ и т.д.). Более того, в условиях новых методов хозяйствования ряд таких деяний стал общественно полезным (например, частно предпринимательская деятельность и коммерческое посредничество).

Декриминализация указанных деяний Законом РФ от 5 декабря 1991 г. свидетельствует о том, что законодатель точно уловил объективную тенденцию, устранив ряд правовых норм, ставших тормозом на пути общественного развития.

Продолжением данной тенденции выступает содержание принятого в 1996 г., ныне действующего Уголовного кодекса Российской

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 259.

Федерации. По подтверждению отечественной и зарубежной экспертиз он представляет собой весьма значительное правовое явление.[1]

В УК РФ 1996 г. последовательно реализованы ценности Конституции РФ 1993 г., международно признанные положения уголовного права. Нормы кодекса обеспечивают суверенитет России в ряде сложных ситуаций, связанных, например, с выдачей преступников. Он "основан на совершенно новых исходных началах, на отказе от старой идеологии и признании новой идеологии приоритета общечеловеческих ценностей относительно всех других, в том числе классовых и национальных". Кодекс стал результатом "решительного поворота к проблеме уголовно-правовой охраны прав и свобод человека как основополагающей идее уголовного законодательства, соответствию уголовно-правовых запретов условиям нарождающейся рыночной экономики".[2]

Наряду с задачей охраны прав и свобод человека и гражданина, поставленной в УК РФ 1996 г. на первое место, основными задачами в нем признаются охрана собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя России от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (ст. 2).

Объекты уголовно-правовой охраны в УК расположены в порядке убывания их важности (ценности). Новый кодекс, в отличие от УК РСФСР 1960 г., где на первое место ставились задачи охраны государства, социалистической (государственной) собственности, отдает предпочтение охране личности, ее жизни, здоровья, прав и свобод.

---

[1] См.: Миньковский Г., Ревин В., Магомедов А. Уголовный кодекс Российской Федерации принят, но ...// Юридическая газета, 1996. N 5. С. 3 - 4.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. - М., 1996. С. 23.

При этом законодатель исходил из положения о том, что все остальные объекты в конечном итоге служат человеку.

В целях лучшего обеспечения охраны перечисленных объектов впервые в текст кодекса введены принципы уголовного права, выражающие основные тенденции уголовной политики.

В статьях 3 - 7 УК 1996 г. сформулированы следующие принципы: законность, равенство граждан перед законом, вина, справедливость, гуманизм. К сожалению, в нем не нашли закрепление принципы неотвратимости ответственности и демократизма, обязательные для демократического правового государства. Вместе с тем эти принципы закреплены в Модельном кодексе для СНГ.

УК РФ 1996 г. в связи с отказом от принципа демократизма не предусмотрел нормы об освобождении от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, в комиссию по делам несовершеннолетних для правонарушителей до 18 лет, с передачей на поруки. Исключено участие общественных организаций, комиссий и трудовых коллективов в наблюдении за поведением освобожденных от уголовной ответственности, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. В статьях Особенной части УК более не упоминается об уголовно-правовой охране жизни здоровья, чести и достоинства дружинников и представителей общественности, выполняющих функции по охране общественного порядка.

В соответствии с принципом законности УК четко отделил границы преступного и уголовной ответственности, согласно которых основанием последней является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. В ст. 3 УК РСФСР 1960 г. понятие "состав преступления" не употреблялось, но оно, как известно, широко использовалось и используется поныне в теории и практике.

Таким образом, в новом УК отдается предпочтение в качестве основания уголовной ответственности совершению деяния. Следовательно, не получила поддержки точка зрения, в соответствии с которой основанием уголовной ответственности является состав преступления (совокупность признаков преступления, закрепленных в законе).[1] И это правильно, поскольку совершение деяния - объективное основание уголовной ответственности, а состав преступления - законодательное его описание. Модель же, юридическая абстракция не могут быть основанием уголовной ответственности.

Принятием УК РФ 1996 г., наряду с криминализацией новых для уголовного законодательства общественно опасных действий, произведена декриминализация деяний, ранее признававшихся преступными. Так, была исключена уголовная ответственность за приготовление к нетяжким преступлениям (ч. 2 ст. 30), поскольку общественная опасность таких действий не достигает уровня, на борьбу с которым целесообразно затрачивать потенциал уголовной репрессии.

Отменена уголовная ответственность за недонесение о преступлениях и заранее не обещанное укрывательство ряда преступлений, за исключением тяжких. При этом законодатель, видимо, исходил из соображения, что признание последних двух деяний преступными противоречит общечеловеческим нравственным представлениям. Декриминализирован также ряд деяний, посягающих на трудовые и иные права граждан, на права и интересы потребителей и др.[2]

---

[1] Уголовный кодекс. Опыт теоретического моделирования. - М., 1987. С. 40.

[2] Подробнее см.: сопоставительный анализ УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г.; Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Вступительная статья / Уголовный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. - М., 1996.

Развитию института уголовной ответственности, приданию ему все большего самостоятельного характера содействует выделение в УК РФ 1996 г. норм, регламентирующих уголовную правосубъектность лица. Речь идет о нормах, содержащихся в главе 4: "Лица, подлежащие уголовной ответственности". Эти нормы призваны решить один из принципиальнейших вопросов уголовного права - о пределах возможности возложения обязанности соблюдать уголовно-правовой запрет с учетом возраста и психического здоровья индивида.

Согласно установлениям УК уголовной ответственности не может подлежать лицо, не достигшее возраста, определенного уголовным законом или являющееся невменяемым (ст. 19). Следовательно, основанием, исключающим уголовную ответственность этих лиц, является то обстоятельство, что ее возложение на них законом не предусмотрено изначально.

Не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетний, достигший возраста ее несения, если он в полной мере не мог сознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний либо не мог руководить ими (ч. 3 ст. 20).

Регламентируя решение проблемы, связанной с невменяемостью действий лица, законодатель учитывает возможность отклонений в состоянии его психики. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, должно приниматься во внимание судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 22). Вместе с тем, вменяемое лицо, которое во время совершения преступления не могло в силу психического расстройства в полной мере осознавать характер и опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности (ч. 1 ст. 22).

Исходя из объективных потребностей в приведении правовых норм в соответствие с современными реалиями, законодатель установил уголовную ответственность за новые виды общественно опасных деяний. Сделано это посредством включения в Особенную часть УК РФ 1996 г. новых составов преступлений.

Необходимость защиты частной и иных форм собственности, рыночных отношений и свободы экономической (предпринимательской) деятельности обусловила включение в УК двух новых глав:

1. "Преступления в сфере экономической деятельности" (гл. 22). Здесь из 32 предусмотренных составов преступлений половина - новые: лжепредпринимательство; незаконная банковская деятельность; легализация ("отмывание") денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем; монополистические действия и ограничение конкуренции и др.

2. "Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях" (гл. 23). Глава содержит всего 4 состава преступлений и все они новые: злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации; злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами; превышение полномочий служащими охранных и детективных служб; коммерческий подкуп.

Установлена уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (ст. 210), оставление места дорожного происшествия (ст. 265), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300), фальсификацию доказательств (ст. 303), провокацию взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 298), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137) и за ряд других деяний.

Многие законодательные изменения, имеющие прямое отношение к институту уголовной ответственности, касаются круга подлежащих ей лиц.

В соответствии со ст. 20 УК РФ 1996 г. несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет не рассматриваются как субъекты ряда преступлений, за которые они по УК РСФСР 1960 г. несли ответственность. Данными деяниями являются: умышленное убийство, а также нанесение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенные при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта; причинение смерти по неосторожности; умышленное причинение легкого вреда здоровью; мошенничество; хищение предметов, имеющих особую ценность, и некоторые другие преступления.

Согласно ст. 134 УК РФ 1996 г. повышен до 18 лет возраст уголовной ответственности за половое сношение с лицом, не достигшим 16-ти летнего возраста (ст. 13 УК РФ). Вместе с тем, по сравнению с УК РСФСР 1960 г., законодатель понизил возраст уголовной ответственности до 14 лет за захват заложника (ст. 206 УК РФ), мужеложство (ст. 132 УК РФ) и вандализм (ст. 214 УК РФ).

Расширен круг субъектов должностных преступлений за счет признания должностными лицами работников органов местного самоуправления и муниципальных учреждений (примеч. 1 к ст. 285 УК РФ).

Внесение перечисленных и других новшеств в уголовное законодательство России явилось существенным вкладом в дело ее становления как правового государства.

Глава 2

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

§ 1. Понятие уголовной ответственности: исторический аспект

В результате многовекового формирования содержание уголовного законодательства разделилось на две тесно взаимосвязанные и составляющие вместе единство части: Общую и Особенную. Отечественное право впервые пошло по этому пути в середине XIX в. в 15 томе Свода законов Российской империи.

Общая часть уголовного законодательства стала включать в себя основные, единые и принципиальные для всей данной отрасли права положения, выработавшиеся в процессе ее длительного развития. В статьях Общей части, касающихся института уголовной ответственности, можно отметить постепенное обретение им все большей значимости. Идеей повышения роли уголовной ответственности проникнуты в процессе своего развития и правовые институты вменения, множественности преступлений, наказания и начал его назначения.

Выделение Общей части в законодательстве активизировало исследование таких основных для уголовного права понятий и терминов, как "преступление", "наказание", "стадии совершения преступления", "множественность преступлений", "соучастие," "прикосновенность" и др.

Безусловно, проблема наказания еще на заре науки уголовного права занимала центральное место в исследованиях юристов. "Обоснование "права наказания", - отмечал А.Н. Трайнин, - была своего рода дань, которую охотно и щедро платили криминалисты, приступая к разработке уголовного права ... Постановка вопроса о праве наказания означала внесение в уголовную науку нравственной про-

блемы".[1] По существу речь здесь шла о научном обосновании морального права государства наказывать.

Первая по времени формирования на рубеже XVIII - XIX вв. уголовно-правовая школа - "классическая" в вопросе понимания природы уголовной ответственности основывалась под влиянием метафизической философии Канта и Гегеля на идее возмездия.[2] Согласно ее концепции лицо, по собственной воле, свободно избирая свой преступный путь, само создает право государства на привлечение его к ответу и применение к нему наказания.

"Социологическая школа" уголовного права, отвергая эту идею и "не считаясь с этическими нуждами уголовного правосудия", подчиняла "человеческие действия общим законам причинности", т.е. "воля человека не свободна; лицо, совершившее преступление, не могло его не совершить". Отсюда следовал вывод о необходимости ответственности виновного перед государством за содеянное и обязанность последнего применить к нему наказание.

"Тогда, - отмечал А.Н.Трайнин, - сторонники нравственного обоснования наказания стали искать другой выход из ими самими созданного логического тупика", выражающегося в посылке - "ответственность немыслима без свободы воли и есть аксиома нашего сознания". Выход из сложившейся ситуации они видели в том, что "представление о свободе есть причина того, что человек делается ответственным перед государством". Тем самым сторонники этой точки зрения пытались использовать "для сохранения нравственной ответственности присущую человеку иллюзию о свободной воле". Кро-

---

[1] Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. - М., 1929. С. 173.

[2] См.: Немировский Э.Я. Учебник уголовного права. Общая часть. - Одесса, 1919. С. 9.

ме приведенных, были и другие, близкие к ним воззрения на данную проблему.[1]

В правовой литературе второй половины XIX и начала XX веков было уделено немалое внимание рассмотрению отдельных проблем уголовной ответственности. Так, исследовались вопросы о вменении (субъективном и объективном), вменяемости и невменяемости, вине и виновности, обстоятельствах, исключающих ответственность и наказание (необходимая оборона, крайняя необходимость и др.), повторности и рецидива, ответственности несовершеннолетних и соучастников преступления и т.п.[2] При этом понятия "ответственность" и "наказание" трактовались как тождественные и взаимозаменяющие в смысловом значении.

Сразу после октябрьского (1917 г.) переворота внимание науки к выяснению сущности, определению понятия уголовной ответственности снизилось, поскольку эта категория рассматривалась как пережиток буржуазной уголовно-правовой теории.[3] В законодательных и иных нормативных актах того периода термин "уголовная ответственность" почти не употреблялся. Однако уже после первых же кодификаций уголовного законодательства РСФСР (1922, 1926 гг.) возникла необходимость теоретического осмысления института уголовной ответственности.

---

[1] См.: Трайнин А.Н. Указ. раб. С. 172 - 180.

[2] См., например: Таганцев Н.С. О повторении преступлений. - Спб, 1867; его же. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и Проект законоположений об этом вопросе. Спб, 1871; его же. Курс русского уголовного права. Часть Общая. - Спб. Кн. 1. Вып. 1. 1874, Кн. 1 Вып. 2, 1878.Кн. 1. Вып. 3, 1880; Его же. Русское уголовное право. Часть Общая: Лекции. - Спб., 1902. Т. 1 и 2; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Часть Общая: Пособие к лекциям. - Спб., 1887; Немировский Э.Я. Указ. раб.

[3] См.: Шишов О.Ф. Проблемы уголовной ответственности в истории советского уголовного права. - М., 1982. С. 21 - 22.

Одним из первых к этой проблеме обратился А.А.Пионтковский, который коснулся ее в связи с рассмотрением вопроса о субъекте преступления. При этом он давал с позиций марксистско-ленинского учения о свободе воли философское обоснование необходимости ответственности лица перед обществом и государством за совершенное им преступление. Таких лиц он называл "уголовно-ответственными", относя к ним всех физических вменяемых и не вменяемых лиц, совершивших антиобщественные деяния. По его мнению, "состояние невменяемости не устраняет уголовную ответственность вообще, а устраняет лишь в тесном смысле слова. Оно является основанием для применения специальных мер защиты". Уголовной ответственности "в тесном смысле слова" подлежали, с его точки зрения только вменяемые лица, и выражалась она "в особой форме - в форме мер социальной защиты судебно-исправительного характера".[1]

В этот же период другой известный ученый-криминалист А.Н. Трайнин обосновал необходимость уголовной ответственности для борьбы общества и государства с преступностью. Он придавал ей роль инструмента в руках общества и господствующего в нем класса, в связи с чем и называл ее "уголовной реакцией". "Общество и класс, - отмечал он, - не могут быть пассивными созерцателями совершающихся социальных процессов. Защита общества от опасных и вредных последствий есть прямая функция стоящего у власти класса". Отсюда следовало и определение им "уголовной реакции" как принуждения, осуществляемого государством в отношении социально опасной личности".[2]

На ход дальнейшего осмысления понятия уголовной ответственности большое влияние оказало развитие в науке уголовного права

---

[1] См.: Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Т. 1. Общая часть. - М., 1928. С. 185; его же. Советское уголовное право. Т. 1. Общая часть. - М., 1929. С. 231.

[2] Трайнин А.Н. Указ. раб. С. 193.

исследований по проблеме вины и виновности. Наибольший интерес в этой связи представляет мнение А.Я.Эстрина. Он утверждал, что "вина в советском уголовном праве есть не что иное, как ответственность определенного лица за действие (или бездействие), представляющее опасность с точки зрения классовых интересов пролетариата, строющего социалистическое общество".

Далее, подчеркивая неразделимость вины и уголовной ответственности, А.Я.Эстрин раскрывал существенные признаки, характеризующие рассматриваемое понятие. Они проявляются, по его мнению, при привлечении к ответственности. "Когда, вынося в отношении действий определенного лица моральную, политическую, уголовно-правовую оценку, - писал он, - мы констатируем вину этого лица, то мы тем самым выражаем отрицательную оценку, осуждение рассматриваемых действий и того лица, которое их совершило".

Однако, несмотря на такую, казалось бы, глубину анализа, А.Я.Эстрин также не давал конкретного определения понятию уголовной ответственности. Он лишь указывал на ее отличие от других видов ответственности, которое состоит в применении к лицам, совершившим преступление, "мер государственного принуждения в виде уголовных наказаний".[1]

С позиций марксистско-ленинского учения о детерминизме подходил к проблеме уголовной ответственности А.А.Герцензон. Раскрывая механизм человеческого поведения, мотивацию его поступков и их зависимость от действия разного рода объективно-субъективных законов, он обосновал необходимость ответственности человека за свои поступки перед обществом, которое обязано и вправе спросить с него за содеянное. Именно поэтому, по его мнению, "ответственность,

---

[1] См.: Эстрин А.Я. О зине и уголовной ответственности // Советское государство и право, 1935. N 1 - 2. С. 111 - 113.

с точки зрения уголовного права, предполагает таким образом возможность вменения совершенного деяния с целью применения наказания к лицу, обладающему нормальной волей, сознательно действующему и понимающему связь явлений внешнего мира".[1]

В дальнейшем, в 1950 г., Б.С.Утевский, исследуя с позиций марксистско-ленинского учения проблематику вины, показал возможность и необходимость общественной оценки поведения и ответственности человека за свои поступки. При этом он один из первых обратил внимание на то, что уголовная ответственность основана на обязанности не нарушать под страхом наказания правил поведения, "установленных государственной властью и направленных на охрану наиболее важных интересов социалистического государства и граждан СССР".

Развивая далее свои взгляды, Б.С.Утевский дал более полную характеристику уголовной ответственности. Он писал: "Уголовная ответственность - это наиболее тяжкая из всех форм ответственности, установленных социалистическим правом. Она связана с применением к совершившим преступление таких тяжких для них и влекущих столь серьезные лишения и ограничения мер наказания как ссылка, высылка, поражение гражданских и политических прав, лишение свободы на срок до 10, а в некоторых случаях до 20 или 25 лет. Даже после отбытия наказания виновный, как правило, в течение определенного длительного времени несет последствия в виде признания его судившимся".

При этом Б.С.Утевский делал вывод, что эти "тяжкие для виновного юридические последствия уголовной ответственности неразрывно сочетаются в советском обществе с моральным осуждением". Утевский, как и Эстрин, выдвигал конструктивную идею о том, что уголовной ответственности свойственна отрицательная общественная, морально-

---

[1] См.: Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. Учебное пособие. - М., 1946. С. 159; его же. Уголовное право. Часть Общая: Учебное пособие. - М., 1948. С. 328.

политическая оценка законом и судом от имени социалистического государства общественно опасного деяния и лица, его совершившего.[1]

Однако, несмотря на такую содержательную характеристику уголовной ответственности, Б.С.Утевский в своих исследованиях конкретного ее понятия также не давал. Это он сделал позже, в 1956 г. в Большой Советской Энциклопедии. "Уголовная ответственность, - писал Б.С.Утевский, - выражается в определении судом, от имени государства, преступного деяния и лица, виновного в его совершении и в применении к виновному установленной меры наказания".[2]

На такую позицию автора данного определения, видимо, повлияло содержание, вкладываемое законодателем в понятия "уголовная ответственность" и "наказание". Так, ст. 8 УК РСФСР 1926 г. (наиболее близкая по смыслу ст. 50 УК РСФСР 1960 г.), предусматривавшая освобождение от уголовного наказания, даже не упоминала о возможности освобождения от уголовной ответственности. Отсюда как бы и следовало, что уголовная ответственность и наказание - различные стороны одного и того же явления, представляющего единое целое.

Тот же смысл в понятие уголовной ответственности вкладывали впоследствии и некоторые другие авторы. Так, по мнению О.Э.Лейста, ответственность есть осуществление права на наказание или применение и реализацию санкции.[3] М.Д.Шаргородский одно время придерживался аналогичных взглядов, полагая, что уголовная ответственность - "это мера государственного принуждения, заключающаяся в лишениях личного или имущественного характера". Позднее он изменил свои взгляды и стал рассматривать ответствен-

---

[1] См.: Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. - М., 1950. С. 28; Советское социалистическое уголовное право. Часть Общая (для обсуждения) / Под ред. Б.С.Утевского. - М.,1950. С. 57, 58, 74, 76 - 77.

[2] Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд. Т 43. - М., 1956. С. 619.

[3] См.: Лейст О.Э. Санкции в советском праве. - М., 1962. С. 27, 88.

ность как "взятые в динамике правовые отношения между правонарушителем и государством".[1]

Вместе с тем, приведенные точки зрения на понятие уголовной ответственности являлись широко распространенными, но не единственными.[2] Были и другие мнения. Так, в 1950 г. М.А.Шнейдер выдвинул концепцию, согласно которой уголовная ответственность характеризуется как "обязанность лица дать отчет перед Советским Судом в своих общественно опасных действиях и понести заслуженное осуждение и наказание в случае виновного причинения вреда".[3]

Понимание ответственности как обязанности М.А.Шнейдером и его последователями обусловливалась стремлением отделить уголовную ответственность от наказания и придать ей самостоятельное, независимое уголовно-правовое значение. В частности, Я.М.Брайнин утверждал, что уголовно-правовое отношение, из которого, по его мнению, берет начало уголовная ответственность, есть "основанная на нормах советского уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона".[4] А.А. Пионтковский позднее придерживался аналогичной точки зрения, определяя уголовную ответственность как "обязанность нести за совершенное преступление определенный личный или имущественный ущерб, указанный в санкции определенной статьи уголовного закона".[5]

---

[1] Цит.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). - М., 1981. С. 170.

[2] Обзор литературы по этой точке зрения см.: Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. - Красноярск, 1986. С. 38.

[3] Шнейдер М.А. Учебно-методическое письмо по советскому уголовному праву для студентов ВЮЗИ. - М., 1950. С. 37.

[4] Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. - М., 1963. С. 25.

[5] Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. N 12. С. 40.

Такой взгляд на уголовную ответственность поддержали многие ученые-криминалисты: В.И.Курляндский, М.И.Ковалев, Б.В.Волженкин, Н.С.Лейкина, А.П.Чугаев, Г.Б.Виттенберг, Г.И.Курбатова, А.С.Молодцов, Л.Н.Кривоченко и др.

Дальнейшее развитие научной мысли шло по пути обоснования того, что с любыми обязанностями лица, совершившего преступление, соединены и его права, которым противостоят соответствующие права и обязанности государства в лице выступающего от его имени органа - суда. Исходной в этой позиции является теория уголовного правоотношения, но здесь она трактуется уже не как начало, формирующее ответственность, а как само ее содержание. Отсюда уголовная ответственность, по мнению сторонников этой концепции, должна определяться как конкретное охранительное правоотношение, содержание которого составляют взаимные права и обязанности противостоящих в нем сторон.[1]

Другой вариант этой концепции состоит в утверждении, согласно которому уголовная ответственность есть необходимый элемент уголовно-правового отношения, возникающего в момент совершения преступления. Однако здесь уголовная ответственность выступает не как его содержание, а как объект, по поводу которого возникло это отношение.[2]

Фактической разновидностью изложенной точки зрения является позиция тех ученых-криминалистов, которые видят в уголовной ответ-

---

[1] См.: Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений // Сов. государство и право. 1963. N 11. С. 85; Мельникова Ю.Б. О понятии и сущности уголовно-правовых отношений // Сов. государство и право. 1970. N 6. С. 93; Базылев Б.П. Юрид. ответственность как охранительное правоотношение // Сов. государство и право. 1980. N 8. С. 122.

[2] См.: Божьев В.П., Фролов В.А. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения // Сов. государство и право. 1974. N 1. С. 89; Сигалов Л.Е. Этапы и процессуальные формы развития уголовно-правовых отношений, ответственности, наказания и судимости // Процессуальные вопросы развития уголовной ответственности. - Свердловск, 1979. С. 19.

ственности не только правоотношение, но и совокупность уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений, опосредующих и выражающих государственно-принудительное воздействие на лицо, совершившее преступление. По мнению сторонников такого подхода под уголовной ответственностью следует понимать любое воздействие на лицо, совершившее преступление, после того, как ему было предъявлено обвинение.[1] По существу ту же мысль высказывают авторы, которые определяют уголовную ответственность как бремя принудительно-воспитательных мер: процессуального пресечения, наказания, публичного изобличения и осуждения, фактически возлагаемых на лицо, совершившее преступление.[2]

В 60-е годы в уголовно-правовой науке появилась еще одна точка зрения, согласно которой под уголовной ответственностью понимается осуждение, порицание лица от имени государства его компетентным органом за совершение общественно опасного деяния. Такому определению, надо полагать, способствовало стремление по-новому осмыслить происходящие в законе изменения, направленные на расширение сферы применения освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также назначения наказаний, не связанных с лишением свободы и других видов ответственности.

---

[1] См.: Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы исправительно-трудового права. - М., 1967. С. 9; Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. - Омск, 1973. С. 23; Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. - М., 1976. С. 225 - 226; Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. - Саратов, 1978. С.48.

[2] См.: Лившиц Ю.М. Материальное содержание основания уголовной ответственности // Правоведение, 1963. N 3. С. 156; Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. - Рязань, 1976. С. 177; Наумов А.В. Реализация уголовного права. - Волгоград, 1983. С. 10 - 11 и др.

Указанные изменения обусловили более частое использование уголовным законом термина "уголовная ответственность". Как представляется, это и стимулировало научный поиск самостоятельного содержания понятия уголовной ответственности. Отсюда особую актуальность приобрел и подход к ее исследованию с позиции учения о вине и виновности.

В новых условиях И.С.Ной приходит к выводу, что уголовная ответственность имеет связь с осуждением. Развивая и конкретизируя такую идею, он утверждает, что уголовная ответственность связана с государственным осуждением в форме обвинительного приговора, вынесенного судом.[1] Вслед за ним К.Ф.Тихонов, основываясь на той же позиции, приходит к тем же суждениям, которые ранее высказали А.Я.Эстрин и Б.С.Утевский "вина - ответственность", "вина - осуждение, отрицательная морально-политическая оценка". К.Ф.Тихонов также полагает, что уголовную ответственность составляют: осуждение, отрицательная морально-политическая оценка общественно опасного деяния и лица, его совершившего.[2]

К такому пониманию уголовной ответственности склонились и другие ученые, подразумевающие под уголовной ответственностью также осуждение, порицание виновного судом от имени государства за совершенное преступление с назначением наказания либо без него.[3]

Понимание уголовной ответственности как последствия за уже совершенное лицом преступление, т.е. как ретроспективной (негатив-

---

[1] См.: Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. - Саратов, 1962. С. 121 - 122.

[2] См.: Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления. - Саратов, 1967. С. 39 - 41.

[3] См.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. - М., 1978. С. 30; Криволапов Г.Г. Уголовная ответственность как правовое последствие совершения преступления // - Труды МВШМ МВД СССР. - М., Вып. 2. 1978. С. 73; Бойцов А.И. Понятие уголовной ответственности // Вестник ЛГУ, 1981. N 17. С. 122; Санталов А.И. Теоретические основы уголовной ответственности. - Л., 1984. С. 128, 134 и др.

ной, пассивной), долгие годы было господствующим в теории. Однако с начала 60-х годов, в связи с активизацией исследований проблемы социальной ответственности в философии уголовная ответственность стала трактоваться и как категория активная, связанная в перспективном (обращенном в будущее), позитивном аспекте с соблюдением требований закона.

Впервые в уголовно-правовой литературе идею о позитивной ответственности выдвинул В.Г.Смирнов. Он утверждал, что ответственность "реально существует и при совершении дозволенных, а тем более прямо вытекающих из закона деяний", т.е. в позитивном и ретроспективном аспектах.[1] Б.С.Волков, давая определение уголовной ответственности, также выделяет в ней оба этих аспекта. Он полагает, что уголовная ответственность есть "выраженная в уголовном законе мера требований, предъявляемых к человеку как к члену коллектива, общества, государства, несоблюдение которых влечет определенные правовые последствия, предусмотренные в санкции закона".[2]

З.А.Астемиров в исследовании уголовной ответственности идет дальше, определяя понятие уголовной ответственности в объективном и субъективном смысле, различая в каждом из них позитивный и негативный аспекты. "Уголовная ответственность в объективном смысле, - по его мнению, - представляет собой возложение на правосубъектных лиц, сопряженной с определенными санкциями обязанности не совершать деяния, признаваемые уголовным законом как преступные (позитивный аспект), а в случае нарушения ими этой обязанности - привлечение их к ответу перед органами правосудия посредством вменения в вину совершенного преступления и применения соответствующих санкций (негативный аспект). А в субъективном смыс-

---

[1] Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. С. 78.

[2] Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. - Казань, 1974. С. 68.

ле она предполагает усвоение правосубъектными лицами указанной обязанности, отражение ее в их сознании и сообразование ими своего поведения и поступков с требованиями уголовного закона (позитивный аспект), а в случаях нарушения этих требований и совершения преступления - осознанную обязанность и вынужденность отвечать за содеянное перед органами правосудия и понести заслуженное наказание (негативный аспект)".

Приводя такое широкое определение понятия уголовной ответственности, автор полагает, что "правильное определение понятия уголовной ответственности, раскрытие ее сущности требуют выхода из узких юридических рамок и преодоления устоявшихся схем, рассмотрения ее в более широких социально-психологических и криминологических аспектах".[1]

С данным воззрением З.А.Астемирова необходимо согласиться, поскольку исследование уголовной ответственности в перечисленных аспектах позволяет раскрыть все ее связи и опосредования, все ее диалектически переплетающиеся стороны.

Близко к точке зрения З.А.Астемирова определяют уголовную ответственность в позитивном аспекте и другие авторы. Так, В.А.Елеонский рассматривает ответственность как содержащиеся в уголовном законе требования, предъявляемые к индивиду. П.С.Дагель и В.А.Номоконов полагают, что содержание позитивной ответственности состоит в обязанности лица исполнить действия, предусмотренные и поощряемые уголовным законом.[2]

---

[1] Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних (теоретическое введение в изучение спецкурса). - М., 1970. С. 17.

[2] См.: Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. - Рязань, 1979. С. 29; Дагель П.С., Номоконов В.А. Уголовная политика и проблема позитивной ответственности // Проблемы советской уголовной политики. - Владивосток, 1985. С. 72.

Против такого подхода выступает А.Н.Тарбагаев. Он полагает, что требования и предписания закона образуют не содержание ответственности, а ее нормативно-правовое основание. Согласно его мнения, содержанием позитивной ответственности в уголовной праве является реальное поведение личности в соответствии с общественными потребностями, т.е. фактическое соблюдение уголовно-правовых запретов.[1]

С момента возникновения идеи выделения двух аспектов юридической ответственности (в том числе и уголовной), ее поддержали многие исследователи (Б.Т.Базылев, Т.Д.Зражевская, В.В.Клочков, В.Н.Кудрявцев, П.П.Осипов, В.В.Похмелкин, М.С.Строгович и др.). Вместе с тем появились и ее противники (И.Я.Казаченко, Н.С.Лейкина, Н.С.Малеин, Ю.Б.Мельникова, И.С.Самощенко, С.Н.Сабанин, М.Х.Фарукшин и др.). Не повторяя всех аргументов за или против, приводимых в литературе в течение многолетней дискуссии, следует отметить, что направленность исследований уголовной ответственности в ее позитивном аспекте весьма перспективна. Как отмечает А.В.Наумов, этот аспект "по-своему отражает присущие сложному феномену уголовной ответственности особенности ее содержания".[2]

Некоторые ученые стали различать уголовную ответственностьи в материальном и в процессуальном отношениях (Г.Н.Ветрова, М.И.Карпушин, Л.И.Карнеева, Э.Ф.Коврига, В.М.Корнуков, В.И.Курляндский, Я.О.Мотовиловкер, Н.А.Чечина, П.С.Элькина и др.). Вряд ли, на наш взгляд, можно полностью согласиться с таким подходом. Процессуальной ответственности как одного из видов юридической ответственности не существует. Безусловно, прав Н.А. Стручков, подчеркивая, что "разграничивать уголовную ответственность в процессуальном и материальном смысле, разумеется можно, но такое раз-

---

[1] См.: Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. - Красноярск, 1986. С. 23.

[2] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. - М., 1996. С. 244.

граничение свидетельствует лишь о существовании видов и этапов единой уголовной ответственности".[1]

Таким образом, широкий диапазон научных взглядов на рассматриваемую проблему, разносторонность ее исследования свидетельствуют о высокой теоретической и практической значимости решаемых при этом вопросов.

§ 2. Понятие уголовной ответственности в современном праве

Давно известно, что жить в обществе и быть свободным от него невозможно. В любых условиях человек должен соотносить свои поступки с нормами и ценностями, функционирующими в обществе, с интересами других его членов. Действуя в соответствии с ними, человек поступает ответственно. Вместе с тем общество (государство, коллектив, окружающие лица) постоянно контролируют деятельность субъекта, адекватно реагируя на различные варианты его поведения, т.е. поощряя, одобряя ответственное поведение и при необходимости, наказывая нарушителя.

Ответственность является обязательным условием упорядоченности общественных отношений. Она отражает объективную необходимость согласования, координирования, поведения людей как участников социального общения и обеспечивает соотносимость частного интереса с общим.

Как уже отмечалось, поведение человека может быть и социально полезным и социально вредным. Отсюда и ответственность в философской литературе рассматривается в позитивном (перспективном) и негативном (ретроспективном) аспектах.

Позитивный аспект означает осознание личностью ее обязанностей, собственного долга перед обществом, другими людьми, т.е. своей ответственности за будущее.

---

[1] Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. - Саратов, 1977. С. 28.

Негативный аспект предопределяет ответственность за прошлое, за уже совершенные действия, противоречащие социально одобряемым нормам. Эта ответственность связана не только с ее осознанием личностью, но и с внешним воздействием со стороны общества, государства, уполномоченных ими лиц.

Ее реализация влечет неблагоприятные последствия для нарушителей социальных правил поведения. Главным в социальной ответственности во всех случаях выступает ее позитивный смысл.[1] Она, "конкретизируясь в понятии ответственности юридической (а затем уголовной), продолжает сохранять свои сущностные характеристики, два аспекта существования".[2]

Правовая ответственность отличается от всех других видов социальной ответственности (общественной, моральной и т.д.) лишь тем, что она основана на нормативных требованиях, обеспечиваемых в необходимых случаях государственным принуждением. Ей также присуще единство позитивных и ретроспективных аспектов. "Юридическая ответственность в этом смысле универсальна: она выступает и как стимул, и как ограничения социально полезного поведения индивида" [3] Поэтому "сущность юридической ответственности - в связанности субъекта права требованиями правовых норм, выражающих соответственно поощрение или осуждение правомерного или противоправного его поведения".[4]

---

[1] См.: Волков Б.С. Детерминистская природа преступного поведения. - Казань, 1975. С. 66.

[2] Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. - Красноярск, 1986. С. 10.

[3] Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. - Саратов, 1996. С. 213.

[4] Намоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. - Владивосток, 1989. С. 119.

Являясь единой в своей исходной социально-ценностной и нравственно-правовой предпосылке, юридическая ответственность разнообразна по своим видовым особенностям, по органам, ее реализующим, по характеру санкций, по содержанию и юридической природе тех или иных правонарушений ее порождающих, по функциям и т.д. Наибольшее распространение получило деление видов ответственности по отраслевому признаку. При этом каждый из ее видов имеет свое специфическое основание (вид правонарушения), особый порядок реализации, специфические меры принуждения. Разнообразие видов отражает качественно различные социальные системы, регулируемые в силу этого различными отраслями права.

Уголовная ответственность является разновидностью юридической ответственности и предусмотрена системой норм уголовного права. Ей присущи те же свойства и признаки, которые характеризуют правовую ответственность вообще. Вместе с тем уголовная ответственность имеет и свои особенности, складывающиеся вследствие конкретизации общетеоретических положений применительно к специфике уголовно-правовых отношений. Уголовная ответственность, будучи правовым феноменом, базируется на уголовно-правовых отношениях.

Долгие годы в теории права распространенной была точка зрения, что уголовное право не регулирует, а лишь охраняет общественные отношения, будучи своеобразным средством их обеспечения.[1] При этом обоснованно утверждалось, что эти отношения регулируют другие отрасли права (конституционное, административное, гражданское и т.п.).

Однако давно известно, что право устанавливает общеобязательные правила и является регулятором поведения людей в обще-

---

[1] См.: Лейст О.Э. Санкции в советском праве. - М., 1962. С. 105 - 106; Смирнов В.Г. Правоотношения в уголовном праве // Правоведение. 1961. N 3. С. 89; Курс советского уголовного права. Т. 1. - М., 1970. С. 12; Теория государства и права. - Л., 1987.

стве. Уголовное право не составляет здесь исключения. "Поэтому, - отмечает А.В.Наумов, - неверно представлять дело таким образом. что нормы уголовного права лишь охраняют общественные отношения, регулируемые иными отраслями права; в действительности нормы каждой отрасли права обычно сами охраняют собственные предписания. Уголовно-правовая санкция в принципе не может применяться за нарушение административно-правового запрета, касающегося специфических общественных отношений, такое правоприменение означало бы грубейшее нарушение законности".[1]

Изучение проблемы правоотношений вообще и уголовных, в частности, показывает, что наиболее конкретными и приемлемыми являются правовые отношения, определяемые как связь прав и обязанностей его сторон. Такие правоотношения представляют интерес в трех аспектах. В первом случае они могут быть истолкованы как охранительные, возникающие в связи с совершением преступления, уголовно-правовые отношения, т.е. традиционные для уголовного права. Во втором - как общественные отношения, вытекающие из уголовно-правового запрета по поводу воздержания лиц от совершения преступлений. Их наличие подтверждается и сформулированной в ст. 2 УК РФ важнейшей задачей уголовного закона - предупреждение преступлений. Здесь речь идет об общепредупредительных уголовно-правовых отношениях.

В-третьих, эти общественные отношения, можно рассматривать как складывающиеся на основе управомачивающих (регулятивных) норм, призванных урегулировать правовое поведение лица, являющееся социально полезным. Это нормы, которые наделяют граждан правами на причинение вреда при защите от общественно опасных

---

[1] Наумов А.В. Механизм уголовно-правового регулирования // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. - М., 1996. С. 6.

посягательств (необходимая оборона), при задержании преступника, при крайней необходимости и др. (см. гл. 8 УК РФ). Данный вид отношений относят к регулятивным уголовно-правовым отношениям.[1]

С учетом изложенного представляется целесообразным позитивную уголовную ответственность рассматривать с двух сторон. Первая - умеренная, существующая в рамках общепредупредительных уголовно-правовых отношений и проявляющаяся через нормальное правовое поведение (исполнительство). Вторая, выражающаяся через социально-активную деятельность (образцовую, примерную), базирующуюся на управомачивающих нормах и являющуюся объектом регулятивных уголовно-правовых отношений.

Отнесение выделяемых двух сторон позитивной ответственности к области различных уголовных правоотношений соответствует существенному различию их правового опосредования. На практике это связано с тем, что динамичной частью позитивной ответственности, ее движущим началом является только активная сторона этой ответственности.

Такой подход не противоречит содержащимся в литературе различным определениям позитивной уголовной ответственности, основанным на положении о том, что юридическая ответственность "реально существует и при совершении дозволенных, а тем более прямо вытекающих из закона деяний".[2] В связи с этим "позитивное проявление ответственности обращено в будущее и носит перспективный характер в том смысле, что способствует закреплению личностного стереотипа в виде привычки поступать ответственно во всех подобных случаях".[3]

---

[1] См.: Наумов А.В. Указ. раб. С. 5 - 17.

[2] Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. - Л., 1965. С. 78.

[3] Астемиров З.А. Понятие юридической ответственности // Сов. государство и право. 1979. N 6. С. 59.

"Динамическая, - пишет А.Н.Тарбагаев, - реальная взаимосвязь предусмотренных уголовным законом прав и обязанностей государства и граждан, воплощающая в жизнь модели поведения, предусмотренные юридической нормой, и представляют собой уголовную ответственность в позитивном аспекте, ответственность за совпадение фактического поведения лица с требованиями уголовного закона".[1]

Действительно, правовые средства, в том числе и уголовно-правовые, не в состоянии обеспечить образцовое поведение только под страхом принуждения или наказания. Напротив, такая угроза чаще всего выступает тормозом социальной активности личности. Творческая, созидательная деятельность лица вряд ли возможна лишь под угрозой санкций уже по той причине, что страх наказания неизбежно ее сковывает.[2]

Роль позитивной ответственности и заключается именно в том, чтобы стимулировать активную социально полезную жизненную позицию личности путем предоставление ей широкого круга прав. В целом стимулами, как и ограничениями, в "социальной системе могут выступать соответствующие меры одобрения, поощрения, льготы, позволения, меры осуждения, наказания, запреты, обязанности, принуждения".[3]

До сих пор речь шла о позитивной уголовной ответственности, сущность которой заключается в нормальном или активном выполнении требований уголовно-правовых норм. Очевидно, что невыполнение обязанностей, определенных в уголовном законе есть акт безответственного поведения. Естественно, нарушение порядка урегулированных правом общественных отношений должно быть устранено, а правопорядок восстановлен. Поскольку совершено преступление, возникает необхо-

---

[1] Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. С. 23.

[2] См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). - М., 1981. С. 230.

[3] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. - Саратов, 1994. С. 22.

димость применения к его субъекту, ретроспективной (негативной) ответственности. Учеными-юристами она трактуется неоднозначно.

В теории уголовного права относительно понятия ретроспективной уголовной ответственности сложилось на сегодня пять основных точек зрения в раскрытии ее содержания. Она определяется как "реализация санкции уголовно-правовой нормы"; "обязанность претерпеть неблагоприятные последствия совершения преступления, предусмотренные в уголовном законе"; "охранительное уголовное правоотношение"; "совокупность уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений"; "осуждение, порицание виновного судом за совершение преступления с назначением наказания".

Диссертантом проанализированы истоки этих концепций с учетом их законодательной, методологической и научной основ.[1] Можно утверждать, что каждая из них отражает отдельную сторону, реально существующий элемент ретроспективной уголовной ответственности. Бесспорно, уголовная ответственность связана и с применением наказания, и с уголовно-правовым отношением, и с осуждением (порицанием), и с оценкой судом от имени государства содеянного виновным.

Однако решать вопрос о понятии ретроспективной уголовной ответственности за счет выделения любого из составляющих ее элементов (признаков) в качестве единственно формирующего ее содержание, будет неправомерным. Это не способствует полному раскрытию понятия ретроспективной уголовной ответственности. "Содержание понятия - это система признаков, на основе которых осуществлено обобщение и выделение предметов в понятии".[2] Поэтому содержание понятия ретроспективной уголовной ответственности не может быть сведено к какому-то только одному из ее элементов (признаков), отмечаемых в ней разными авторами.

---

[1] См.: Магомедов А.А. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности. - Саратов, 1994. С. 6 - 14.

[2] Ивлев Ю.В. Логика. - М., 1992. С. 140.

Будучи элементами (свойствами) одного и того же понятия, признаки (обязанность, осуждение, наказание и судимость) не противостоят друг другу. Будучи взаимосвязанными, они, однако, одновременно себя не проявляют. Каждый из этих элементов (признаков) выходит на передний план на той или иной стадии производства по уголовному делу.

Изложенное позволяет определить ретроспективную уголовную ответственность как реализацию в форме охранительного уголовного правоотношения уголовно-правовой нормы (диспозиции и санкции), при которой один из субъектов этого отношения становится лицом, обязанным претерпеть меры осуждения, порицания, государственного принуждения (наказания), определяемые в приговоре суда, а другой - в лице специального органа государства (суда) - истребовать объяснения у лица, совершившего преступление, и применить к нему меры осуждения, порицания, государственного принуждения (наказания).

По своей сущности ретроспективный аспект уголовной ответственности есть правовая форма разрешения конфликта между государством (в лице его компетентных органов) и лицом, совершившим преступление (субъектом), по поводу прав и обязанностей, закрепленных в нормах уголовного права. В связи с этим уголовная ответственность выступает как следствие правоотношения, возникшего между данными субъектами.

Началом фактического несения уголовной ответственности является момент реализации прав и обязанностей субъектов уголовных правоотношений при вынесении обвинительного приговора, концом - момент погашения или снятия судимости, если, конечно, до этого уголовные правоотношения не были прерваны (прекращены).

Рассмотрение института уголовной ответственности в позитивном и ретроспективном аспектах соответствует разделению поведения с точки зрения права на три вида: правомерное, противоправное и безразличное для права. Последнее лежит вне сферы ответственности.

Правомерное поведение есть "последнее звено в системе звеньев, где первое - норма, содержащая правовое требование (дозволение), а второе - ее адресат, т.е. субъект, сознание которого способно воспринимать требование нормы и направлять его деятельность. Позитивный аспект правовой ответственности и есть нормативный срез позитивной деятельности. Противоправное поведение вызывает необходимость реакции государства на акт безответственного поведения, во-первых, потому, что такова общественная необходимость и, во-вторых, потому, что этого требует кроме того и природа самого права: право бы утратило свою нормативность, если бы лишилось способности принуждать к выполнению своих требований".[1]

Ретроспективный аспект ответственности, и в том числе уголовной, - правовой "срез" состояния (в конечном счете также заключающегося в действиях) принуждения к выполнению как позитивного (и нарушенного) требования, так и несения бремени тех последствий правонарушения, которые норма возлагает на правонарушителя. "Ретроспективная правовая ответственность без позитивной бессмысленна, так как лишается своего естественного основания; позитивная правовая ответственность без ретроспективной беззащитна, так как лишается своего обеспечения".[2] Данное положение относится и к уголовной ответственности.

§ 3. Реализация уголовной ответственности: понятие и формы

Определение понятия уголовной ответственности в позитивном и ретроспективном аспектах предопределяет ее реализацию в двух формах: добровольной (позитивный аспект) и государственно-принудительной (ретроспективный, негативный аспект).

---

[1] Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / Под ред. Н.А.Беляева, В.К.Глистина, В.В.Орехова. - Спб., 1992. С. 88.

[2] Там же.

Механизмом реализации уголовной ответственности в обеих формах выступает уголовно-правовое отношение, поскольку его содержание включает в себя права и обязанности и поведение субъектов.[1]

Позитивная уголовная ответственность, как уже отмечалось, существует в рамках общепредупредительных уголовно-правовых отношений и реализуется посредством сознательного, добровольного соблюдения лицом уголовно-правовых запретов и предписаний (не совершать преступлений). Эта ответственность, выражается в социально активной и полезной деятельности и базируется на управомачивающих нормах. Будучи объектом регулятивных уголовных правоотношений, она реализуется при исполнении лицом предоставленных ему уголовным законом прав на необходимую оборону, крайнюю необходимость, задержание лица, совершившего преступление и др. (ст. 37 - 42 УК РФ).

Ретроспективная (негативная) уголовная ответственность реализуется в рамках охранительного уголовно-правового отношения в государственно-принудительной форме. При этом для виновного может наступить любое из следующих разновидностей последствий привлечения к уголовной ответственности: а) назначение наказания и его реальное исполнение; б) назначение наказания, но без его реального исполнения (ст. 73, 82 УК РФ); в) признание лица виновным, его осуждение без назначения наказания (ст. 92 УК РФ).

Как правило, результатом ретроспективной уголовной ответственности лица за совершенное им преступление является применение в отношении него судом того или иного вида воздействия, составляющего государственно-принудительную форму ее реализации. Вместе с тем завершающим звеном в механизме реализации уголовной ответственности может быть и освобождение от уголовной ответ-

---

[1] См.: Ковалев М.И. Советское уголовное право: Курс лекций. - Свердловск, 1971. С. 108.

ственности и наказания без применения к виновному каких-либо мер воздействия (ст. 75, 76, 77, 78 УК РФ). Такая предоставляемая законом возможность призвана обеспечить максимальную и последовательную дифференциацию и индивидуализацию ответственности лиц, совершивших преступление.

В уголовном праве исследованию различных форм реализации уголовной ответственности всегда уделялось значительное внимание. Однако в литературе по уголовно-правовой проблематике мало публикаций, специально посвященных рассмотрению понятия реализации уголовной ответственности. Сложилось два направления в его определении. Одни авторы, раскрывая содержание данного понятия, основной упор делают на отражении ее внутренней (сущностной) стороны реализации уголовной ответственности. Так, А.И.Санталов полагает, что в данном процессе, "совершается предметно-практическая деятельность по борьбе с преступностью". Л.В. Багрий-Шахматов под реализацией уголовной ответственности понимает "конкретные действия сторон в правоотношениях по осуществлению их взаимных прав и обязанностей".[1]

И.С.Ретюнских определяет две формы реализации уголовной ответственности: материальную и процессуальную. Материальной формой он считает "применение к виновному уголовно-правовой нормы (одной или нескольких), в результате чего осуществляются права и обязанности государства и лица, действительно совершившего преступление", а процессуальной - вступивший в силу обвинительный приговор.[2]

Г.Г.Криволапов полагает, что реализация уголовной ответственности - сложный и динамичный процесс, в котором "работают" особые уго-

---

[1] См.: Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. - Л., 1982. С. 58; Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. - Минск, 1976. С. 73.

[2] См.: Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация. - Воронеж, 1983. С. 23, 24.

ловно-правовые средства, из которых и складываются особые элементы данного процесса уголовной ответственности. "Так,- по его мнению, - сначала для решения тех или иных задач издаются и вступают в действие уголовно-правовые нормы, регламентирующие определенные общественные отношения и поведение их участников. Затем на основе норм и при наличии предусмотренных ими юридических фактов у конкретных субъектов возникают права и обязанности, т.е. уголовно-правовые отношения. И, наконец, права и обязанности реализуются - наступает результат, который имел в виду законодатель".[1]

Той же ориентации и мнение А.А.Тер-Акопова, согласно которому "реализация уголовной ответственности означает, что лицо, совершившее общественно опасное, предусмотренное уголовным законом деяние, признается виновным в совершении преступления и к нему применяются при необходимости соответствующие меры уголовно-правового воздействия".[2]

Другим направлением в определении исследуемого понятия является стремление авторов при раскрытии его содержания делать акцент на освещении внешней (практической) стороны реализации уголовной ответственности. Достаточно точно такую позицию выразил З.А.Астемиров, утверждая, что "реализация уголовной ответственности - это должное реагирование на совершенное преступление и принятие к виновному лицу предусмотренных уголовным законом мер воздействия, т. е. это правоприменительные действия компетентных органов по отношению к виновному в преступлении."[3]

---

[1] Криволапов Г.Г. Понятие, механизм и формы реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел. - М., 1987. С. 16.

[2] Тер-Акопов А.А. Правовые основания уголовной ответственности военнослужащих. - М., 1981. С. 16.

[3] Астемиров З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. - Махачкала, 1987. С. 65.

Еще конкретнее высказался А.С.Сенцов. С его точки зрения реализация уголовной ответственности является практическим применением компетентными органами государства к лицу, совершившему преступление, предусмотренных законом мер, воздействие которых изменяет его правовой статус и способствует претерпеванию им неблагоприятных последствий своего поведения.[1]

Учет, сопоставление и анализ соответствующих точек зрения, позволяет сформулировать понятие реализации ретроспективной уголовной ответственности, в содержании которого сочетались бы признаки, характеризующие его и с внутренней, и с внешней стороны.

Основываясь на таком анализе, реализацию уголовной ответственности можно кратко определить как правоприменительную деятельность компетентных органов государства (суда, прокуратуры, следствия и дознания), направленную на должное, согласно закона, реагирование на совершенное преступление и применение к лицу, его совершившему, предусмотренных нормами УК мер уголовно-правового воздействия.

§ 4. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности за преступления занимают в уголовном праве одно из центральных мест и справедливо считаются юристами важнейшими принципами уголовной политики.[2]

---

[1] См.: Сенцов А.С. Уголовная ответственность и ее роль в реализации уголовной политики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1985. С. 18.

[2] См.: Основания уголовно-правового запрета. - М., 1982. С. 112, 114; Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. - Владивосток, 1987. С. 39 - 40; Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. - Красноярск, 1989. С. 27 - 40, 105.

Реализация уголовной ответственности (ретроспективной) через ее дифференциацию и индивидуализацию по общему признанию ученых и практиков позволяет достичь наибольшей эффективности уголовно-правового воздействия не при помощи ужесточения уголовной репрессии, а, наоборот, за счет ее минимального применения в меру совершенного деяния. В частности, это отмечалось на международном коллоквиуме, посвященном дифференциации уголовной ответственности (Прага, октябрь 1981 г.).[1]

По своей сущности дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности тесно связаны между собой. Отсюда их частое совместное, в едином смысловом значении употребление в науке и на практике. Однако данные понятия не тождественны. Для выяснения различия между ними следует проанализировать их раздельно.

Дифференциация, будучи объективным началом уголовной политики нашего государства, является основой для индивидуализации уголовной ответственности. Анализ содержания УК РФ 1996 г. показывает, как уже отмечалось, два основных направления дифференциации ответственности. Первое - установление в законе суровых мер ответственности за тяжкие преступления, а также в отношении неоднократности, совокупности и рецидива преступлений, организованных форм преступной деятельности. Второе - смягчение уголовной ответственности вплоть до освобождения от нее за преступления небольшой тяжести, совершенные впервые.

При этом законодатель прежде всего классифицирует преступления, что позволяет в зависимости от их характера и степени общественной опасности определять равноценную форму и объем ответственности. Так, ч. 5 ст. 15 УК РФ выделяет категорию (вид) особо

---

[1] См.: Дифференциация уголовной ответственности // Социалистическая законность. 1982. N 1.С. 69.

тяжких преступлений, за совершение которых виновным может быть назначено лишение свободы на срок свыше десяти лет или даже более строгое наказание.

В ч. 4 ст. 15 УК РФ выделена категория тяжких преступлений, к которой относятся умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых виновным может быть назначено наказание, не превышающее десяти лет лишения свободы.

Далее уголовное законодательство выделяет категорию преступлений средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ), при совершении которых максимальное наказание, применяемое к виновному, не может превышать пяти лет лишения свободы.

Часть 2 ст. 15 УК РФ выделяет категорию преступлений наименьшей по своему характеру степени общественной опасности, т.е. небольшой тяжести. Согласно закону, лицо, виновное в совершении преступления, относящегося к данной категории, может быть освобождено от уголовной ответственности: а) если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления (ч. 1 ст. 75 УК РФ); б) если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред (ст. 76 УК РФ).

Освобождение от уголовной ответственности может применяться и в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными (ст. 77 УК РФ).

Надо также отметить, что деятельное раскаяние при совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких может повлечь освобождение от уголовной ответственности только в том слу-

чае, если это прямо предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК.

Дифференциация уголовной ответственности предполагает наличие в уголовном законе таких мер уголовно-правового воздействия, которые значительно различались бы между собой по степени карательного и предупредительного воздействия. Это обеспечивает дифференциацию назначаемых виновным наказаний.

В УК РСФСР 1960 г. система наказаний представляла собой "лестницу", по которой происходил постепенный переход санкций от лишения свободы к общественному порицанию. В УК РФ 1996 г. перечень видов наказаний начинается со штрафа и заканчивается смертной казнью. Тем самым законодатель стремится подчеркнуть гуманизм нашего права и сориентировать суды на назначение минимального наказания, отвечающего представлениям о справедливости и достаточного для исправления виновного. Лишение свободы может быть применено к лицу, совершившему преступление лишь при условии, что цели этого наказания не могут быть достигнуты иным менее строгим видом наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ).

Из старого УК в ныне действующую систему наказаний не вошли: общественное порицание, увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред. Это явилось результатом того, что одни из этих видов наказания показали свою неэффективность, другие мало чем отличаются от гражданско- и административно-правовых мер воздействия.

Как альтернативы лишению свободы в систему введены новые наказания - ограничение свободы и арест, а также ограничение по военной службе и обязательные работы.

В УК РФ сохранена смертная казнь как исключительная мера наказания. После недавнего вступления России в Совет Европы в нашей стране введен президентским указом мораторий на приведение смертной

казни в исполнение, т.е. соответствующие приговоры выносятся, но не реализуются. Как показывает практика последних лет, смертная казнь виновным заменяется пожизненным лишением свободы.

В УК РСФСР 1960 г. смертная казнь в мирное время предусматривалась за совершение 16 видов преступлений и за столько же видов воинских преступлений, совершенных в военное время или в боевой обстановке. УК РФ 1996 г. допускает применение смертной казни за пять особо тяжких преступлений против личности: убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317); геноцид (ст. 357).

В УК РФ уголовная ответственность и наказания дифференцированы в зависимости:

1) от пола виновного. Женщины не могут отбывать наказание в виде лишения свободы в колонии особого режима; к ним не применяются смертная казнь и пожизненное лишение свободы; беременность является обстоятельством, смягчающим наказание; беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей не назначаются обязательные работы, ограничение свободы, арест; к ним может быть применена отсрочка отбывания наказания;

2) от возраста виновного. Несовершеннолетние могут быть освобождены от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия; для них установлены меньшие сроки и размеры наказаний, чем взрослым. Женщинам, достигшим 55-летнего возраста и мужчинам, достигшим 65-летнего возраста, а также военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, не назначаются обязательные работы, ограничение свободы.

Мужчинам 65-летнего возраста не назначаются смертная казнь и пожизненное лишение свободы;

3) от состояния здоровья виновного. Инвалидам первой или второй группы не назначаются обязательные работы, ограничение свободы;

4) от стадий осуществления преступного намерения. Срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного статьей Особенной части УК за оконченное преступление, а срок и размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление; смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление и покушение на преступление не назначаются (ст. 66 УК);

5) от множественности совершенных преступлений. Закон предусмотрел три вида их множественности: рецидив, совокупность и неоднократность. Согласно ч. 2 ст. 68 УК срок наказания при рецидиве преступлений не может быть ниже половины, при опасном рецидиве - не менее двух третей, а при особо опасном рецидиве - не менее трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. В случае совокупности преступлений (средней тяжести, тяжких или особо тяжких) окончательное наказание назначается путем их сложения. При этом в виде лишения свободы оно может быть назначено на срок до 25 лет включительно;

6) от формы соучастия. Совершение преступления группой лиц, по предварительному сговору, организованной группой являются квалифицирующими признаками многих составов преступлений. Лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит ответственности за все совершенные организованной группой или преступным сообществом пре-

ступления, а также за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК.

Кроме того, закон дифференцирует уголовную ответственность и в зависимости от других особенностей, присущих субъектам преступления. Это относится к лицам, в возрасте от 18 до 20 лет; к лицам, с психическим расстройством, не исключающим вменяемости; лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство. На данной основе законом регулируются объем налагаемой на виновное лицо ответственности, форма и вид ее реализации.

В Особенной части УК дифференциация уголовной ответственности выражается в ее нормах, определяющих конкретные составы преступлений. Дифференцируется ответственность посредством формирования признаков составов преступлений и с учетом ее смягчающих и отягчающих обстоятельств. В зависимости от содержания последних могут изменяться тяжесть совершенного преступления, наступивших вредных последствий и степень общественной опасности преступника. Учитывая это, законодатель предусматривает в зависимости от квалифицирующих обстоятельств (их свыше 60-ти) градацию мер воздействия в санкциях статей Особенной части УК.

Особенная часть УК содержит составы преступлений с квалифицирующими обстоятельствами с одним - 32%; с двумя - 14%; тремя - 10%; четырьмя - 3,5%; остальные - с пятью-семью и даже с тринадцатью (ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Дифференциация уголовной ответственности осуществляется только законодателем и лишь в уголовном законе. Непосредственно она заключается в классификации преступлений по их характеру и степени общественной опасности, в формировании признаков отдельных составов преступлений, установлении системы наказаний и конструировании санкций уголовно-правовых норм, а также в опреде-

лении оснований и условий, при наличии которых допускается освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Отсюда следует и утвердившееся в науке уголовного права понимание дифференциации ответственности лиц, совершивших преступления, как установления государством в уголовном законе различного ее объема, основанного на учете характера и степени общественной опасности деяния и виновного.[1]

Реализация принципа дифференциации уголовной ответственности в практике борьбы с преступностью способствует эффективному применению уголовного закона, правильной квалификации преступлений и избранию наиболее объективной меры наказания виновных. Этот принцип находит свое логическое продолжение в принципе индивидуализации уголовной ответственности, направленном на обеспечение справедливости по каждому конкретному уголовному делу.

Идея индивидуализации уголовной ответственности также исходит от законодателя, который устанавливает общие критерии и требования по применению предусмотренных данной нормой форм ответственности. Эти критерии, требования и являются основами ее индивидуализации. В сущности законодатель обеспечивает таким образом дальнейшую дифференциацию уголовной ответственности, "но уже в плоскости приведения данного законом принципиального решения в соответствие с конкретными особенностями конкретного случая".[2] При этом осуществляется переход от общих указаний закона, в которых уголовная ответственность индивидуализирована в основном по составу преступления, характеру и степени тяжести мер принуждения, к выяснению личности того, кто совершил конкретное преступление.[3]

---

[1] См., например: Ненов И. Дифференциация уголовной ответственности // Правовые исследования. - Тбилиси, 1977. С. 130.

[2] Ненов И. Указ. раб. С. 130.

[3] См.: Чугаев А.П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних. - Краснодар, 1979. С. 20; Мельникова Ю.Б. Указ. раб. 1989. С. 39 - 40.

В науке уголовного права проблеме индивидуализации уголовной ответственности, определению ее понятия всегда уделялось значительное внимание. Особенно ярко это проявилось в 60-е годы. Так, И.И.Карпец, рассматривая в своей монографии вопрос об индивидуализации наказания, пришел к выводу, что данное понятие является частью более широкого понятия - индивидуализации уголовной ответственности. Последнее он определил как "установление того, в какой степени должен отвечать субъект перед государством и обществом за совершенные им противоправные, виновные и наказуемые действия".[1]

П.С.Дагель рассматривал индивидуализацию уголовной ответственности как один из важнейших принципов уголовного права. Он понимал под индивидуализацией не только определение степени ответственности лица за содеянное, выраженное в назначении справедливой по отношению к нему и им содеянному меры уголовно-правового воздействия, но и установление того обстоятельства, может ли быть данное лицо освобождено от уголовной ответственности.

Для решения вопроса о степени ответственности главную роль, по мнению П.С.Дагеля, играют основания и условия, в зависимости от которых к субъекту преступления должно применяться за содеянное им либо наказание, либо условное осуждение или освобождение от уголовной ответственности. Эти основания и условия он называл обстоятельствами, которые раскрывают характер и степень общественной опасности личности преступника и в типизированном виде закреплены законодателем в уголовно-правовых нормах.[2]

---

[1] Карпец И.И. Индивидуализация наказания. - М., 1961. С. 10, 11, 28, 44.

[2] См.: Дагель П.С. Рецензия на монографию И.И.Карпеца "Индивидуализация наказания. // Сов. юстиция. 1962. N19. С. 28; его же. Учение о личности преступника в Советском уголовном праве. - Владивосток, 1970. С. 116.

Важный вклад в исследование понятия индивидуализации уголовной ответственности был сделан В.И.Курляндским, который указал на существование следующих ее аспектов: уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминологического, пенитенциарного и медико-педагогического. Как и П.С.Дагель, он обратил внимание на значимость индивидуализации уголовной ответственности лица, совершившего преступление, в ситуациях, когда возникает необходимость в принятии решения относительно возможности освобождения виновного от уголовной ответственности или неприменении к нему уголовного наказания.[1]

Однако по вопросу о том, осуществляется ли индивидуализация уголовной ответственности в процессе освобождения от нее есть и другое мнение. В частности, В.Д. Филимонов, рассматривает уголовную ответственность как обязанностью виновного подвергнуться государственному принуждению. Он утверждает, что при освобождении от уголовной ответственности такая обязанность отсутствует и речи об ее индивидуализации быть не может.[2]

Мы не можем разделить эту позицию. Освобождение от уголовной ответственности применяется вместо наказания к лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести, к тем, которые добровольно явились с повинной, способствовали раскрытию преступлений, возместили причиненный ущерб или иным образом загладили вред, причиненный их деянием. В данном случае закон прямо указывает направление в определении категории преступления, за которое данная мера применяется, и категории лиц, к которым она применяется, а это уже - индивидуализация ответственности.

---

[1] См.: Курляндский В.И. Уголовная ответственность, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. - М., 1975. С. 89, 90.

[2] Филимонов В.Д. Личность преступника и проблема основания уголовной ответственности // Вопросы предупреждения преступности. - Томск, 1967. С. 12.

В науке также нет единства и в подходе к определению ее понятия. Одни авторы считают индивидуализацию уголовной ответственности чисто правоприменительным термином, который отражает выбор правоприменительными органами для виновного лица, возможного объема указанных в законе неблагоприятных уголовно-правовых последствий совершенного им деяния.[1]

Другие исследователи (в частности, П.С.Дагель, С.Г.Келина, А.И.Коробеев, В.Н.Кудрявцев, Ю.Б.Мельникова, В.Д.Филимонов) подходят к определению понятия индивидуализации уголовной ответственности как к исходящему из уголовного закона принципу, на основании которого правоприменительные органы осуществляют функции по применению и реализации уголовной ответственности. По их утверждению, при индивидуализации уголовной ответственности, как и при ее дифференциации, "законодатель сохранил первенствующее место за своей оценкой, определяя содержание и характер этого требования, устанавливая обстоятельства, из которых должны исходить соответствующие государственные органы, и правомочия, которыми они располагают при ее осуществлении".[2]

По нашему мнению, эта позиция является наиболее приемлемой. Установление в нормах уголовного закона запрета того или иного общественно опасного посягательства, сопровождается и указанием в тех же нормах и различия в ответственности. Закон требует от правоприменительных органов учитывать наряду с объективно существующими признаками, характеризующими совершенное деяние (последствия, способ совершения и др.), и субъективные признаки,

---

[1] Кругликов Л.П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. - Ярославль, 1977. Ч. 1. С. 35; Судакова Р.Н. Индивидуализация ответственности и наказания // Вестник АН Казахской ССР, 1981. С. 74.

[2] Мельникова Ю.Б. Указ. раб. С. 39.

характеризующие лицо, совершившее данное деяние (вина, возраст, душевное состояние и др.). В данном случае имеется в виду, что как преступные деяния, так и лица, их совершившие, всегда конкретно индивидуальны. Это и должно быть учтено при привлечении к уголовной ответственности.

Такая постановка законодателем вопроса об индивидуализации уголовной ответственности еще раз свидетельствует о самостоятельном значении данной проблемы - наряду с проблемой индивидуализации наказания. Последняя имеет более ограниченное содержание и органически входит в качестве одной из составляющей в первую.

Следует иметь в виду, что уголовная ответственность не осуществляется одномоментно - во время вынесения приговора и назначения наказания. Ее реализация представляет собой длительный процесс, проходящий ряд последовательных стадий (этапов). Они различаются и по характеру применения к лицу, совершившему преступление, правоограничений, изменяющих его правовое положение, и по объему прав и обязанностей субъектов возникших правовых отношений, регулируемых уголовно-правовыми нормами.

С учетом изложенного, индивидуализацию уголовной ответственности лица, совершившего конкретное общественно опасное деяние, можно определить как выбор правоприменительными органами формы и объема его ответственности, согласно указанным в законе обстоятельствам и правомочиям, соответствующим категории данного преступления и характеристике личности его субъекта.

Таким образом, индивидуализация уголовной ответственности выступает дальнейшим логическим развитием ее дифференциации. Эти процессы направлены на решение единой задачи - с максимальной эффективностью способствовать реализации принципа справедливости при назначении наказания, а также специальной и общей превенции преступности при минимуме принуждения.

РАЗДЕЛ II

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава 1

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ

§ 1. Освобождение от уголовной ответственности: исторический аспект

В разделе I настоящей диссертации нами были освещены отдельные виды как освобождения от уголовной ответственности и наказания, так и ее прекращения, упоминаемые в различных нормативно-правовых актах прошлого. Поэтому изложение их вновь не представляется необходимым.

Развитию института освобождения от уголовной ответственности и альтернативных уголовному наказанию мер правового воздействия на преступника во многом способствовала общая тенденция гуманизации нравов в обществе, имевшая место на рубеже XVIII - XIX веков. Она соответствующим образом повлияла на карательную политику государства в сфере борьбы с преступностью. Не последнюю роль в гуманизации этой политики сыграло и постепенное признание и возрастание в законодательстве значения дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Обретение институтом освобождения от уголовной ответственности своего места среди различных мер борьбы с преступностью было свидетельством прогресса в области карательной политики государства. "И какие бы на пути его движения не встречались обстоятельства, которые задерживают ход его развития и даже поворачивают временно этот путь назад, - писал А.А.Жижиленко, - ничто не может остановить этого прогресса, так как он связан с общим прогрессом человечества, переходящего постепенно к все более и более со-

вершенным формам своего существования и отбрасывающего все то, что стоит на этом пути".[1]

Одним из результатов такого прогресса стало появление в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. понятия содержания и самого термина "освобождение от уголовной ответственности", вынесенного в заголовок и используемого в тексте части 1 ст. 43 - "Освобождение от уголовной ответственности и наказания".

В дальнейшем УК РСФСР 1960 г. расширил рамки этого института, назвав его видами: освобождение вследствие изменения обстановки (ч. 1 ст. 50); освобождение несовершеннолетних с передачей дела в комиссию по делам несовершеннолетних (ч. 4 ст. 10), либо с применением к ним судом принудительных мер воспитательного характера (ч. 3 ст. 10); освобождение с передачей дела в товарищеский суд (ст. 51) или с передачей виновного на поруки (ст. 52); освобождение ввиду истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 48).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. УК РСФСР 1960 г. был дополнен новым видом рассматриваемого правового института - освобождением от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (ст. 50 - 1).

Закон в ч. 3 ст. 50 УК РСФСР устанавливал, что освобождение от уголовной ответственности основывается на оценке степени общественной опасности совершенного деяния и личности виновного. При этом определялось, что освобождение может быть применено только в случае, если преступление не представляет большой общественной

---

[1] Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказании. - Петроград, 1923. С. 63.

опасности, а лицо, его совершившее, может быть исправлено без применения уголовного наказания.

В качестве типовых оснований освобождения от уголовной ответственности с применением взамен нее мер общественного воздействия или административного взыскания (ст. 51, 52, 50-1) выступали: а) невысокая степень общественной опасности преступления; б) относительно невысокая степень опасности личности виновного.

Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности также предполагало применение взамен нее иных мер неуголовно-правового воздействия. В данном случае, это принудительные меры воспитательного характера (ч. 3 ст. 10). Здесь к приведенным типовым основаниям добавляется еще одно основание - возраст виновного до 18 лет (ч. 4 ст. 10).

Такие виды освобождения от уголовной ответственности, как вследствие истечения сроков давности (ст. 48), изменения обстановки (ч. 1 ст. 50), не предусматривают применения к лицу, совершившему преступление, каких-либо принудительных мер государственного или общественного воздействия.

Различные виды освобождения от уголовной ответственности не имели единого и общего для них основания. Вместе с тем, внимательный анализ соответствующих положений УК РСФСР, позволяло определить такое основание. Это именно невысокая степень общественной опасности преступления в совокупности с относительно невысокой степенью опасности личности виновного, выступающие типовыми основаниями для освобождения от уголовной ответственности. При этом, естественно, каждый конкретный вид освобождения с точки зрения оснований имел свою специфику (например, освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего - ч. 3, 4 ст. 10).

Четыре вида освобождения от уголовной ответственности предусматривались Особенной частью УК РСФСР. Это относилось к лицам:

1) гражданам СССР, завербованным иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если они во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершали и добровольно заявили органам власти о своей связи с иностранной разведкой (п. "б" ст. 64);

2) давшим взятку, если в отношении их имело место вымогательство взятки или они после дачи взятки добровольно заявили о случившемся (примеч. к ст. 174);

3) добровольно сдавшим огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у них без соответствующего разрешения (примеч. к ч. 1 ст. 218);

4) добровольно сдавшим наркотические средства (они освобождались от уголовной ответственности за приобретение, хранение, перевозку, *пересылку наркотических веществ*), *а также добровольно* обратившимся в медицинское учреждение за оказанием врачебной помощи в связи с употреблением наркотических средств в немедицинских целях (они освобождались от уголовной ответственности за потребление наркотических средств без назначения врача, а также за незаконное приобретение, хранение, пересылку потребленных наркотических средств (примеч. к ст. 224).

Основанием освобождения в перечисленных случаях, как правило, выступало положительное послепреступное поведение виновного, его деятельное раскаяние.

Согласно УК РСФСР 1960 г., прекратить уголовно-правовое преследование был вправе суд, прокурор, орган дознания или следствия (с согласия прокурора) с возложением на виновного обязанности понести ответственность за содеянное. В отношении одной категории преступников такое решение связывалось с частичным отбытием ими наказания (ст. 53); в отношении другой это могло быть выражено в их освобождении от отбывания наказания (например, ч. 2 ст. 50); в отношении треть-

ей - в освобождении от уголовной ответственности (например, ст. 51). Не исключалось и условное освобождение от нее субъекта при сохранении возможности возобновления уголовно-правового преследования в случае невыполнения данным лицом требований уголовной-правовой нормы, регламентирующей этот вид освобождения (ст. 52).

Все виды освобождения от уголовной ответственности, за исключением освобождения с передачей на поруки (ст. 52), являются безусловными. Иными словами виновному лицу при прекращении уголовного дела не предъявляются какие-либо требования, относящиеся к его последующему поведению, и нарушение которых влечет за собой отмену освобождения.

Конечно, введение института освобождения от уголовной ответственности в советском уголовном праве было, помимо прочего, и последствием постсталинского реформирования коммунистической административно-командной системы в период хрущевской "оттепели". Оно преподносилось КПСС как результат отведения советской общественности, в ходе "развернутого строительства развитого социализма" особой роли в борьбе с преступностью, путем ее широкого вовлечения в процесс исправления и перевоспитания преступников[1].

Социальный смысл института освобождения от уголовной ответственности партийным органам виделся прежде всего в том, что процесс исправления и перевоспитания правонарушителей должен осуществляться не просто с помощью, а самой общественностью вне рамок уголовно-правовых отношений. Считалось, что использование данного правового института является этапом на пути осуществления ленинского положения о необходимости постепенной замены наказаний мерами воспитательного характера, своего рода школой коммунистического самоуправления в борьбе с преступностью.

---

[1] По терминологии Основ 1985 г. И УК РСФСР 1961 г.

Замена системы наказаний иными, не уголовно-правовыми мерами воздействия, предполагала использование в деле исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, не представляющих большой общественной опасности, норм морали, правил, воспитания, а также санкций других отраслей права (ст. 50-1 УК РСФСР). Такой подход предопределяет сближение и даже взаимную интеграцию норм нравственности, воспитания и права. Это позволяет существенно расширить арсенал мер воздействия на правонарушителей.

Сам факт предоставления уголовным законом возможности применения различных видов освобождения от уголовной ответственности обусловливался стремлением законодателя к достижению цели исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, путем не только реализации потенциала государственного института уголовно-правового принуждения, но и с помощью использования государственно-общественного либо только общественного воздействия. Поэтому представленные в УК РСФСР 1960 г. виды освобождения указанной категории лиц от уголовной ответственности можно классифицировать следующим образом:

1) освобождение без применения каких-либо мер общественного или государственного принуждения;

2) с применением не уголовно-правовых мер государственного принуждения;

3) с применением мер государственно-общественного принуждения;

4) с применением мер общественного воздействия.

К первому из перечисленных видов освобождения относились случаи: а) когда вследствие изменения обстановки совершенное деяние утратило характер общественно опасного или личность виновного перестала представлять общественную опасность (ч. 1 ст. 50 УК РСФСР); б) наличия позитивного постпреступного поведения освобожденного (п. "б" ст. 64, примечания к ст. 174, к ч. 1 ст. 218, к ст. 224 УК РСФСР).

Второй вид освобождения предполагал ситуации, возникающие при определенных условиях. Так, если лицо, не достигшее 18-летнего возраста, совершило преступление, не представляющее большой общественной опасности, то к нему могут быть применены принудительные меры воспитательного характера (ч. 3 ст. 10, ст. 63 УК РСФСР) или к совершеннолетнему лицу, совершившему аналогичное преступление - меры административного воздействия (п. 1 ч. 3 ст. 50, ст. 50-1 УК РСФСР).

Третий вид осуществлялся в случае, когда подросток, совершивший такое же преступление, освобождался от уголовной ответственности с направлением дела в комиссию по делам несовершеннолетних для решения вопроса о применении к нему конкретных мер воспитательного характера (ч. 4 ст. 10 УК РСФСР).

Четвертый вид освобождения от уголовной ответственности осуществлялся путем направления дела правонарушителя в товарищеский суд (п. 2 ч. 3 ст. 50 УК РСФСР) либо передачей виновного на поруки общественной организации или трудовому коллективу (п. 4 ч. 3 ст. 50, ст. 52 УК РСФСР) для оказания на него общественного воздействия.

В приведенную классификацию нами включены лишь те виды освобождения от уголовной ответственности, при реализации которых правоприменительные органы призваны были руководствоваться своей оценкой целесообразности их использования в том или ином случае. Иначе говоря, здесь они действовали по своему усмотрению, исходя из субъективно-оценочного начала.

Однако УК РСФСР 1960 г. предусматривал и другие случаи, когда решение вопроса о целесообразности освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности зависело не от усмотрения правоприменительных органов и даже не от последующего поведения виновного. "Более того, - отмечает А.В.Наумов, - в этих случаях подобный вывод не входит в компетенцию правоприменительных органов, что и позволяет резко отграничить эти случаи от освобождения

от уголовной ответственности, и выделить самостоятельную форму окончательной реализации уголовной ответственности - ее прекращение".[1] Употребление здесь термина "прекращение" представляется нам условным, поскольку и освобождение от уголовной ответственности также является прекращением ответственности. Различия понятий "прекращение" и "освобождение" от уголовной ответственности, мы, как и А.В.Наумов, видим в порядке ее применения.

Если освобождение от ответственности по УК РСФСР 1960 г. связано с субъективно-оценочным началом, то ее прекращение происходит объективно, вне зависимости от чьего-либо усмотрения. Следует отметить, что даже сугубо материально-правовой (а не процессуальный) смысл понятия (термина) "прекращение", указывает - на невозможность предстоящей или дальнейшей реализации уголовной ответственности.

Прекращение ее может происходить при наступлении для лица, совершившего преступление, последствий, не зависящих ни от его собственной воли, ни от воли другого субъекта уголовно-правовых отношений. В частности, уголовная ответственность прекращается в случаях: смерти такого лица; при его заболевании психическим расстройством, при котором он лишен возможности отдавать себе отчет в совершаемых им действиях или руководить ими; амнистии лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, которым еще не вынесен обвинительный приговор; декриминализации законом деяния, за совершение которого лицо привлечено к уголовной ответственности; истечения сроков давности уголовно-правового преследования.

---

[1] Наумов А.В. Понятие прекращения уголовной ответственности и виды обстоятельств, обусловливающих ее прекращение // Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел: Учебное пособие / Под ред. Н.И.Загородникова. - М., 1987. С. 29.

Во всех перечисленных случаях прекращение уголовной ответственности обусловливается невозможностью ее возложения на совершившее преступление лицо, в связи с наличием в деле специфических юридических фактов.[1]

Исследование нами соответствующих норм УК 1960 г. показало, что освобождение от уголовной ответственности в одном случае не вызывает никаких последствий для освобожденного лица; в другом - они проявляются в виде мер общественного воздействия без каких-либо условий по этому поводу; в третьем - те же последствия наступают, но с определенными условиями, невыполнение которых в течение указанного в законе срока может закончиться для освобожденного лица заменой последствий общественно-правового характера на последствия уголовно-правовые.

Таким образом, уголовным правом до принятия в 1996 году нового УК РФ, предусматривались следующие последствия освобождения от уголовной ответственности:

1) неприменность каких-либо мер правового воздействия (ч. 1 ст. 50, п. "б" ст. 64, примечания к ст. 174, к ч. 1 ст. 218, к ст. 224 УК РСФСР);

2) применение мер общественно-правового характера при:

а) безусловном освобождении (ст. 51 УК РСФСР);

б) условном (ст. 52 УК РСФСР);

3) применение мер государственно-правового характера путем:

а) административного воздействия (ст. 50-1 УК РСФСР);

б) специально указанных в законе (ст. 63 УК РСФСР) принудительных мер воспитательного характера для несовершеннолетних правонарушителей (ч. 3 ст. 10 УК РСФСР);

---

[1] Подробнее, см.: Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел. - М., 1987. С. 27 - 45; Магомедов А.А. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности. - Саратов, 1994. С. 34 - 38.

4) применение мер государственно-общественно-правового характера, указанных в Положении "О комиссиях по делам несовершеннолетних (ч. 4 ст. 10 УК РСФСР).

Путем сравнения степени кары возникающих правовых последствий освобождения от уголовной ответственности их можно систематизировать и представить в определенной последовательности по убывающей ее строгости. Это последствия:

1) общественно-правового характера при условном освобождении (ст. 52);

2) государственно-правового и государственно-общественно-правового характера, возникающие для несовершеннолетних (ч. 3, 4 ст. 10);

3) административно-правового характера (ст. 50-1);

4) общественно-правового характера при безусловном освобождении (ст. 51).

Наличие в УК РСФСР 1960 г. норм, предусматривавших различные последствия применения рассматриваемого правового института, способствовало дифференциации и индивидуализации ответственности лиц, совершивших преступления небольшой опасности. Это свидетельствовало не только о гуманизме уголовной политики и уголовного права, но и о стремлении законодателя добиться максимальной экономии уголовной репрессии в отношении определенной категории правонарушителей.

Таким образом, основу применения мер не уголовно-правового воздействия, согласно ранее действовавшего закона, составляла совокупность объективных данных. Их учет позволяет соответствующему правоприменительному органу прийти к убеждению, что при освобождении конкретного лица от уголовной ответственности с применением к нему взамен наказания иных мер будут достигнуты такие же цели, как и цели наказания. В данном случае речь идет об основаниях

освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ч. 3 ст. 50 УК РСФСР.[1]

В целях нашего исследования рассмотрим правовые последствия безусловного и условного освобождения от уголовной ответственности. Это позволит оценить оправданность отказа от таких правовых институтов в новом уголовном законодательстве (УК РФ 1996 г.), а также использовать опыт их более 30-летнего применения в деле совершенствования действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики.

§ 2. Правовые последствия безусловного освобождения от уголовной ответственности

Согласно нормам УК РСФСР 1960 г. безусловное освобождение от уголовной ответственности предусматривалось:

1) вследствие изменения обстановки (ч. 1 ст. 50 УК РСФСР); 2) с привлечением к административной ответственности (ст. 50-1 УК РСФСР); 3) с передачей дела в товарищеский суд (ст. 51 УК РСФСР); 4) с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера (ч. 3 ст. 10 УК РСФСР); 5) с направлением его в комиссию по делам несовершеннолетних для рассмотрения вопроса о применении к нему принудительных мер воспитательного характера (ч. 4 ст. 10 УК РСФСР). [2]

Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. Согласно ст. 50-1 УК РСФСР к лицу могла быть применена любая из следующих мер административного взыскания:

---

[1] Подробнее см.: Магомедов А.А. Указ. раб. С. 48 - 51.

[2] Виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ч. 1 ст. 50, чч. 3 и 4 ст. 10 УК РСФСР, ввиду наличия возможности применения аналогичного освобождения от уголовной ответственности по УК РФ 1996 г. нами рассматриваются в следующей главе.

- штраф в пределах от одной третьей части до полного размера минимальной оплаты труда за корыстные правонарушения, а также за нарушение законодательства по борьбе с пьянством в пределах от одного до трех минимальных размеров оплаты труда;[1]

- исправительные работы по месту работы от одного до двух месяцев с удержанием до 20% заработка;

- административный арест на срок до 15-ти суток.

Штраф - мера денежного взыскания, наложение которой влекло для лица, освобожденного по ст. 50-1 УК РСФСР, материальные лишения.

Исправительные работы - мера взыскания, воздействовавшая на лицо, освобожденное по ст. 50-1 УК РСФСР, и ущемлявшая его имущественные интересы. Ее содержание заключалось в том, что у лица в течение срока, на который он подвергался этой мере административного взыскания, производилось удержание определенного процента из заработной платы в доход государства. Данная мера исполнялась органами внутренних дел.

Административный арест до 15-ти суток, исполнение которого также осуществлялось органами внутренних дел, состоял в кратковременном лишении свободы лица, освобожденного от уголовной ответственности по ст. 50-1 УК РСФСР, с использованием его на общественно полезных работах без оплаты труда. В отличие от предыдущих мер, административный арест не мог применяться к беременным женщинам, многодетным матерям, имеющим детей до 12-летнего

---

[1] Минимальный размер оплаты труда устанавливается периодически с учетом инфляции Законом РФ "О минимальном размере оплаты труда". Также см.: Закон РФ от 14 июля 1992 г. "О порядке перерасчета размеров штрафов, предусмотренных Кодексом РСФСР об административных правонарушениях // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. N 34. Ст. 1970.

возраста, к лицам, не достигшим возраста 18-ти лет, а также инвалидам первой и второй групп.

Любая из перечисленных мер является по своей юридической природе государственным воздействием принудительного характера. Каждая из них влекла ограничение личных или имущественных прав для освобожденного лица, находящегося в так называемом "состоянии административной наказанности".[1] При этом административно-правовые последствия учитываются при решении вопроса об ответственности такого лица за совершение им в указанный период административного проступка. Таким образом, в отношении лица, освобожденного по ст. 50-1 УК РСФСР, возникали не только государственно-правовые (административные) последствия, но и морально-нравственные.

Содержание анализируемых мер, их принудительный характер были достаточны для исправления лица, совершившего преступление небольшой общественной опасности. Вместе с тем, наличие ст. 50-1 в УК РСФСР являлось нарушением принципов формирования отраслей права и вносило разнобой в практику освобождения от уголовной ответственности.[2] Поэтому совершенно правы авторы УК РФ 1996 г., отказавшись в новом уголовном законодательстве от нормы освобождения от уголовной ответственности с административно-правовыми последствиями.

Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия. В данном случае такие меры предусматривались ст. 51 УК РСФСР. Назначались они товарищеским судом, трудовым коллективом или об-

---

[1] Подробнее о таких последствиях см.: Магомедов А.А. Указ. раб. С. 94 - 95.

[2] См.: Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. - Киев, 1987. С. 81 - 82; Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. - М., 1987. С. 184; Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: новые идеи. - М., 1994. С. 76.

щественной организацией по месту работы или жительства правонарушителя. Содержание этих мер определялось ст. 16 Положения о товарищеских судах.

Меры общественного воздействия могли быть:

1) морально-этического характера - публичное извинение, товарищеское предупреждение, общественное порицание, общественный выговор (пп. 1 - 4 ст. 16 Положения);

2) общественно-правового характера, в том числе:

а) основные меры - штраф до 10 руб., а за мелкое хищение, мелкое хулиганство, правонарушения, связанные с пьянством - до 50 руб.; постановка вопроса о переводе на нижеоплачиваемую работу или низшую должность, об увольнении нарушителя с работы. Конечно, указанные суммы штрафов сегодня выглядят не оправдано маленькими. Однако Положение действовало вплоть до вступления в силу с 1 января 1997 г. нового УК РФ. Там, где в этот период товарищеские суды продолжали функционировать, они руководствовались установлениями Закона РФ от 14 июля 1992 г. "О порядке перерасчета размеров штрафов, предусмотренных Кодексом РСФСР об административных правонарушениях". Согласно закону штраф 10 руб. считался равным одной десятой, а 50 руб. - одной трети минимального месячного размера оплаты труда, установленного законодательством Российской Федерации;

б) дополнительные меры - постановка вопроса о лишении полностью или частично, в соответствии с действующим законодательством, премий, вознаграждений по итогам годовой работы и за выслугу лет, дополнительного отпуска за непрерывный стаж работы, льготной путевки в дом отдыха или санаторий, о переносе очередности на получение жилплощади, а также лишение почетного звания (пп. 5 - 7 ст. 16 Положения).

На лицо, освобожденное от уголовной ответственности в соответствии со ст. 51 УК РСФСР, перечисленные меры воздействия налагались не государственным органом, и не от имени государства, а

общественной организацией - товарищеским судом. В них, как и в мерах уголовного наказания, содержалось моральное осуждение правонарушителя его ближайшим окружением (по месту жительства или работы). По своему содержанию эти меры были принудительно-воспитательными, направленными на исправление лица, совершившего преступление. Воздействуя на него, они причиняли виновному эмоциональные страдания и лишали его определенных благ.

Несмотря на то, что меры общественно-правового характера не содержали черт государственного принуждения, они обладали силой правового акта. Государство давало общественности возможность принимать участие и брать на себя функции, связанные с регулированием отдельных видов общественных отношений.[1]

Правовое значение последствий освобождения от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР состояло в том, что меры воздействия, указанные в Положении, применялись товарищеским судом только за первое совершенное преступление, не представляющее большой общественной опасности. При повторности подобного деяния возможность передачи материалов о нем на рассмотрение товарищеского суда исключалась. Такое правило действовало в течение года со дня применения товарищеским судом мер воздействия. По окончании этого срока данные меры погашались автоматически, если до того времени товарищеский суд, исходя из имевшихся законных оснований, досрочно не снимал с виновного наложенное на него взыскание (товарищеское предупреждение, общественное порицание, общественный выговор).

Представляется, что привлечение к работе по исправлению правонарушителей как можно большего количества различных организа-

---

[1] Подробнее о практике освобождения от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд см.: Магомедов А.А. Указ. раб. С. 100 - 108.

ций общественности наиболее эффективно в делах подобного рода. Особенно важно участие общественности в борьбе с правонарушениями в настоящее время, когда в России идет экономическое и социально-политическое переустройство. Возможностью воздействия силой общественного мнения на лиц, впервые оступившихся и нарушивших уголовный закон, пренебрегать нецелесообразно.

В развитых странах усилия общественности в исправлении совершивших преступления небольшой тяжести субъектов, особенно несовершеннолетних и лиц молодого возраста, весьма эффективны. Правом стран Северной Европы, Англии и ряда других государств предусмотрены меры общественного воздействия на правонарушителя, альтернативные наказанию.

Например, в Швеции, в качестве такой альтернативы используется назначение виновному общественно полезной работы. Это представляет собой самостоятельную санкцию, выполняющую в уголовном праве как и наказание, роль одного из последствий, наступающих за совершение преступления. Применение данной меры судом предполагает согласие обвиняемого и влечет за собой возложение на него обязанности выполнять бесплатно, в течение определенного количества часов, работу на благо общества (в больницах, домах престарелых, детских домах). В результате осужденный лишается определенных благ и одновременно получает возможность в процессе имеющий конкретный смысл деятельности загладить ущерб, нанесенный им обществу.

По примеру Швеции, Дания и Норвегия (после 1982 г.) также ввели у себя в качестве альтернативных наказанию санкции, предусматривающие применение общественно полезных работ Сначала они экспериментально применялись лишь на региональных уровнях, а затем и в масштабе всей территории обеих стран. Отмечая их результативность в исправлении правонарушителей, скандинавский

ученый К. Корнилз отмечает, что закрепление таких мер в уголовном законодательстве целесообразно и с точки зрения незначительности расходов, необходимых для их исполнения.[1]

Аналогичные меры, только называемые иначе, содержат нормы законодательства Англии. В частности, ст. 14 Закона о полномочиях уголовных судов (1973 г). предусматривает такую альтернативную наказанию меру воздействия за совершенное преступление, как предоставление виновным бесплатных услуг обществу, т.е. выполнение им общественно полезных работ. Указанная мера может назначаться судом лицам в возрасте не моложе 16 лет, признанными виновными в преступлении, караемом лишением свободы.

Применяется эта мера в случае согласия данных лиц и после докладов чиновника, в обязанности которого входит наблюдение за условно освобожденными и переданными на пробацию осужденными, работника социальной службы местного органа, в котором содержится информация о преступнике и обстоятельствах, его характеризующих. Срок предоставления услуг обществу составляет от 40 до 120 час. для несовершеннолетних и до 240 час. во всех остальных случаях.

Исполнением этой меры воздействия руководит чиновник пробации, которому осужденный должен сообщать обо всех изменениях своего адреса. Назначенная мера выполняется осужденным во время, свободное от посещения им образовательных учреждений, основного места работы. Если решение суда не отменяется, то оно остается в силе до тех пор, пока лицо не отработает назначенное ему количество часов труда.[2]

---

[1] См.: Корнилз К. Современные тенденции развития уголовной политики в странах Северной Европы // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт. - Красноярск, 1990. С. 107, 108.

[2] См.: Уголовное право буржуазных стран. Общая часть // Сборник законодательных актов. - М., 1990. С. 22.

Авторы УК РФ 1996 г., видимо, не без учета зарубежного опыта, закрепили в ст. 49 новый для российского уголовного закона вид наказания - привлечение к обязательным работам. Его предусматривается устанавливать, как правило, за преступления небольшой тяжести, в частности, против личности (ст. 116 - побои), конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137 УК - нарушение неприкосновенности частной жизни), некоторые преступления в сфере экономики (ч. 1 ст. 158 УК - кража), служебной деятельности (ст. 293 УК-халатность) и т.п.

Содержание наказания в виде выполнения осужденными общественно полезных работ определяется по указанию местных органов власти. Эти работы безвозмездны, их продолжительность - от 60 до 240 час. с дневной нагрузкой не более 4-х час. Осуществляются они осужденным в свободное от его основной работы и учебы время.

При злостном уклонении осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются ограничением свободы или арестом. Время, в течение которого осужденный отбывал обязательные работы, учитывается судом в процессе определения срока ограничения свободы или ареста из расчета один день ограничения свободы или ареста за восемь часов обязательных работ.

Приветствуя такой подход авторов УК, надо отметить, что это - шаг вперед по пути развития системы санкций в уголовном законе, расширения возможности их дифференциации и индивидуализации.

Кроме того, данный вид воздействия может дать импульс дальнейшему развитию института освобождения от уголовной ответственности, особенно после вполне вероятного принятия Закона "О судебной системе Российской Федерации", проект которого публиковался в печати.[1] По нашему мнению, образование института мировых судей,

---

[1] См.: Российская газета, 1995. 22 февр.

потребует дополнения правовой базы их функционирования. Также было бы правильным ввести в УК РФ (с учетом многолетнего опыта применения ст. 51 УК РСФСР) норму об освобождении от уголовной ответственности с привлечением к обязательным (общественным) работам. Основаниями такого решения должны быть: небольшая тяжесть совершенного преступления и возможность исправления его субъекта без применения уголовного наказания исходя из обстоятельств, характеризующих личность виновного.

Органом, применяющим этот вид освобождения (замена денежных взысканий общественными работами) был в России второй половины XIX века институт мировых судей.[1] Если освобожденный от уголовной ответственности не оправдывал оказанного ему доверия, мировой судья мог вернуться к новому рассмотрению дела и назначить виновному наказание. Как мы ранее отмечали, мировые судьи рассматривали уголовные дела о преступлениях, за которые в законе того времени предусматривалось наказание не строже 2-х лет лишения свободы. Вводимый вновь институт мировых судей также предназначен для вынесения решений по делам аналогичного характера.

Весомой аргументацией включения в закон предлагаемого нами новшества является и то обстоятельство, что на практике, за редким исключением, не нашли своей реализации в борьбе с правонарушениями содержавшиеся в УК 1960 г. на протяжении многих лет, ни вид наказания - общественное порицание, ни предоставлявшаяся в некоторых статьях Особенной части УК возможность применения вместо наказания мер общественного воздействия. На наш взгляд, санкция в виде привлечения виновного к обязательным работам будет более эффективна и не останется "мертвой", если четко закрепить данный

---

[1] Такое могло иметь место по преступлениям небольшой тяжести на основании ст. 8 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и ст. 85 Уложения о наказаниях в редакции 1888 г.

вид воздействия в УК еще и в связи с освобождением от уголовной ответственности.

Согласно ст. 130 Конституции РФ и Закона "О местном самоуправлении в Российской Федерации" (1991 г.) органы местного самоуправления есть важнейшие учреждения по самостоятельному решению населением вопросов местного значения. Поэтому с позиций выполняемых ими задач представляется правильным и необходимым их участие в профилактике правонарушений и в исправлении лиц, освобожденных от уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой тяжести.

Будучи ответственными за положение дел на местах, выборные и другие органы местного самоуправления могут и должны учитывать в процессе соответствующей превентивной деятельности традиции, сложившиеся в населенных пунктах своего региона, особенно небольших по территории и населению (поселки, деревни, аулы и т.п.). Здесь люди друг друга знают, и общественный резонанс, осуждающий содеянное виновным, его при этом моральный дискомфорт весьма высоки.

Отмеченное выше имеет важное значение для достижения целей наказания за преступления небольшой тяжести. Тому во многом могло бы содействовать освобождение от уголовной ответственности лиц, не представляющих большой опасности для общества, с передачей соответствующих дел в выборные органы местного самоуправления, в функционирующие при них представительства общественности в виде тех же общественных (сельских) сходов, судов и т.п.

Реализация предлагаемого нами в уголовном законодательстве явилось бы важным шагом по пути углубления демократии в Российской Федерации. Нельзя отрицать того факта, что невключение в УК РФ 1996 г. норм об освобождении от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд и передачей на поруки является, в некоторой мере, отступлением от принципа демократизма.

Возможно авторов Кодекса не устраивала терминология. Безусловно и то обстоятельство, что ст. 51 УК РСФСР в новых условиях требовала существенного пересмотра и переработки, чтобы ее можно было включить в УК с учетом провозглашаемой властями и политиками идеи большего участия населения в делах государства, необходимости углубления демократии и т.п.

К сожалению, наши выводы мы не можем сейчас представить в виде предложений по внесению в УК новых норм. Сегодня в России еще не существует мировых судей и надолго затянулся переход в нижайших территориальных единицах от коммуно-советской к подлинно демократической системе местного самоуправления. Однако в будущем, как представляется, недалеком такие рекомендации могут быть успешно реализованы.

§ 3. Правовые последствия условного освобождения от уголовной ответственности при передаче виновного на поруки

Вид освобождения от уголовной ответственности, предусматривающий передачу виновного на поруки, занимал важное место среди мер борьбы с преступностью на протяжении многих лет до вступления в силу ныне действующего УК РФ. Названный правовой институт нацеливал на выполнение такого важного требования уголовной политики советского государства, как сочетание авторитета общественного мнения и силы закона.

Реализации этого требования при передаче виновного на поруки способствовали: а) сам факт осуждения трудовым коллективом или общественной организацией данного лица и его преступных действий от имени общественности; б) угроза привлечения его к уголовной ответственности на протяжении определенного периода времени, в) контроль государства и общественности за поведением освобожденного; г) проводимая трудовыми коллективами, общественными орга-

низациями работа по исправлению лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния.

Основу передачи на поруки, как последствия освобождения от уголовной ответственности по ст. 52 УК РСФСР, составлял акт доверия к лицу, совершившему преступление, со стороны государственных органов и общественности. Оно возникало после того, как правонарушитель признавал факт совершения им преступления и брал на себя в связи с этим обязательство честным трудом и примерным поведением доказать свое исправление. Именно это его волеизъявление давало основание общественной организации или трудовому коллективу обратиться в суд, прокуратуру, органы следствия или дознания с ходатайством о передаче им конкретного лица на поруки для перевоспитания, а государственному органу - удовлетворить это ходатайство.

Такое ходатайство означало, что коллектив ручается перед государством обеспечить исправление лица, взятого им на поруки. В данном случае ходатайство имело процессуальное значение.[1] Выполняло оно и определенные функции материального уголовного права, выступая предпосылкой освобождения лица от уголовной ответственности в соответствии с ч. 4 ст. 52 УК РСФСР. Эта статья ставила возможность освобождения в прямую зависимость от наличия или отсутствия соответствующего ходатайства.

Наличие ходатайства о передаче на поруки при освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, играло роль юридического факта, порождающего новый вид правоотношений. Во-первых, - между общественной организацией или трудовым коллекти-

---

[1] См.: Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. - М., 1974. С. 172

вом и государством в лице суда, прокуратуры, органа следствия или дознания; во-вторых, - между общественной организацией или трудовым коллективом и членом этой организации или коллектива, освобожденным от уголовной ответственности по ст. 52 УК РСФСР. Содержанием этих отношений являлась деятельность трудовых коллективов или общественных формирований по исправлению лица, совершившего преступление.

Однако будет неверным полагать, что общественная организация или трудовой коллектив именно с этого момента начинали свою работу по исправлению лица, переданного им на поруки. К ней они приступали еще ранее - при обсуждении поведения правонарушителя на общем собрании своего коллектива. Оно посвящалось решению вопроса о целесообразности или нежелательности взятия лица, совершившего преступление, на поруки. Выступающие на собрании всестороннее обсуждали совершенное членом их коллектива преступление, его поведение на работе и в быту, осуждали его противоправные и аморальные поступки, высказывали свое мнение о том, можно ли взять виновного на поруки и есть ли уверенность, что он оправдает оказываемое ему доверие. Уже на собрании закладывался фундамент для предстоящей работы по исправлению лица, совершившего преступление.

Если собранием принималось обоснованное решение ходатайствовать о взятии виновного на поруки, то суд, прокуратура или иной правоохранительный орган обязаны были это ходатайство удовлетворить. Большую пользу приносило участие в таких собраниях представителей соответствующих судебных или следственных органов, которые могли объективно и квалифицированно доложить собравшимся о характере совершенного преступления, степени общественной опасности самого правонарушителя. Это часто позволяло избегать вынесения необоснованного ходатайства о передаче на поруки.

После удовлетворения ходатайства о передаче на поруки общественная организация или трудовой коллектив приобретали полномочия по оказанию общественного воздействия на данного правонарушителя в целях его исправления. Формы такого воздействия были самые разнообразные.

Как верно отмечают А.С.Домахин и В.Г.Степанов, проводимая с правонарушителями воспитательная работа не могла быть сведена этими коллективами к сумме заранее определенных мер, пригодных на все случаи жизни, или к шаблонам в применении одинаковых методов воздействия к различным правонарушителям.[1] Поэтому на практике коллективам, взявшим конкретных лиц на поруки, при определении форм воздействия на них приходилось учитывать индивидуальные качества правонарушителей: характер и возраст, профессию данных лиц, их отношение к труду, общественным обязанностям, к семье и т.д.[2]

Обобщение практики, проведенное различными исследователями в разное время, свидетельствует о высокой эффективности последствий условного освобождения от уголовной ответственности. Рецидив среди лиц, передававшихся на поруки, составлял от 0,8 до 5,1%. Это было в полтора раза ниже, чем число совершения повторных преступлений лицами, приговоренными судом к исправительным работам.[3]

---

[1] См.: Домахин А.С., Степанов В.Г. Общественное поручительство. - М., 1962. С. 69.

[2] Подробнее о правовых последствиях условного освобождения от уголовной ответственности, см.: Магомедов А.А. Указ. раб. С. 123 - 136.

[3] См.: Гальперин И.М. Взаимодействие государственных органов и общественности в борьбе с преступностью. - М., 1972. С. 164 - 169; Горелик И.И., Тишкевич И.С. Вопросы уголовного права (Общая часть) в практике Верховного Суда БССР. - Минск, 1973. С. 28; Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. - Киев, 1987. С. 13, 163.

Несмотря на такую высокую эффективность, рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности в УК РФ 1996 г. отсутствует. Поэтому, на наш взгляд, было бы правильным возвратиться к прежней норме или разработать и принять Положение об общественном поручительстве, предусмотрев в нем необходимые права и обязанности соответствующих коллективов. В литературе такие предложения уже выдвигались.[1]

Возможно и другое решение рассматриваемого вопроса. В памятниках российского права институт поручительства упоминался в процессуальном праве. Так в Судебниках указывалось - "передать на крепкие поруки" Речь здесь шла не об освобождении от ответственности, а о мере, используемой в необходимых случаях как одного из средств при установлении истины по делу. Поэтому, на наш взгляд, вполне допустимо закрепление института поручительства в новом УПК РФ, принятие которого ожидается в ближайшее время.

При этом, исходя из современных социально-экономических реалий нашего общества, в соответствующей норме можно определить условия, внесения залога обеспеченного финансовыми и иными собственными средствами поручителя. Подход, связанный с возможностью внесения залога может быть использован и в случае разработки в уголовном законодательстве новой нормы об освобождении от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки.

Следует отметить, что уголовное законодательство развитых западных государств долгие годы эффективно использует возможности условного освобождения от уголовной ответственности и наказания в

---

[1] См.: Молодцов А.С. Некоторые аспекты применения законодательства о передаче на поруки // Гарантии прав личности и проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. - Ярославль, 1989. С. 27 - 37).

исправлении правонарушителей. К такому виду освобождения можно отнести институт пробации в Англии, США и Франции в случаях, когда выносится приговор, по которому виновному вообще не назначается наказание, а назначается специальное должностное лицо (агент, помощник, уполномоченный и т.п.), осуществляющее контроль за поведением осужденного и выполнением им определенных обязанностей и условий пробации.[1]

Пробация предполагает соблюдение следующих условий: 1) несовершение виновным новых преступлений; 2) выполнение им обязанностей, специально определенных в приговоре, например: пройти соответствующий курс лечения или профессионального обучения, воздерживаться от посещения запрещенных судом мест (увеселительных заведений, казино и пр.), не владеть огнестрельным и другим оружием, возместить причиненный ущерб, сообщать суду о любом изменении места жительства и учебы, являться в суд по вызову агента по пробации и т.д.

Соблюдение перечисленных условий влечет за собой полное освобождение лица, находящегося на пробации, от каких-либо правовых последствий за совершенное им до решения суда о пробации преступление, в том числе и отсутствие у него судимости, т.е. определенных правоограничений, являющихся следствием осуждения за преступление.

Применение пробации к лицам, достигшим 14-летнего возраста, возможно только при согласии виновного. Однако в случае его несогласия к нему могут быть применены более строгие меры.

В США условное освобождение от уголовной ответственности применяется судом в виде условной отсрочки вынесения приговора

---

[1] См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). - М., 1997. С. 171.

лицу, осужденному за совершение преступления, или приговаривания его (вместо назначения ему наказания) к направлению на испытание. Суд присовокупляет к своему приказу разрешенные законом условия, которые он считает необходимыми для ведения данным лицом в будущем законопослушного образа жизни. По содержанию они такие же, как и в уголовном законодательстве Англии.

При этом в Примерном УК США (1962 г.) в ст. 301.1 указывается, что лицо обязано "выполнять любые другие условия, имеющие разумное отношение к социальному восстановлению личности подсудимого и не влекущие за собой неоправданного ограничения его свободы или не являющиеся несовместимыми со свободой его совести". И далее: "Суд исключает любые требования, выполнение которых ложится неразумным бременем на подсудимого" (ч. 2 ст. 301.2).[1]

Продолжительность периода, на который условно отсрочено вынесение приговора или назначено испытание, определяется штатами по-разному. В одних штатах этот вопрос отдан на усмотрение судей; в других - считается, что срок отсрочки или испытания не должен превышать срока тюремного заключения, к которому мог быть приговорен освобожденный; в некоторых штатах максимальный срок установлен в 5 лет и т.д.

Цитируемый УК США определяет испытательные сроки: за совершение фелонии (т.е. тяжкого преступления - убийства, изнасилования, разбоя, похищения людей) минимальный срок от 1 года до 10 лет; максимальный - пожизненное тюремное заключение; за мисдиминор (деяния, наказуемые на срок до 1 года тюремного заключения) или незначительный мисдиминор (деяния, наказуемые на срок до 30 дней тюремного заключения) - 2 года, "если подсудимый приказом су-

---

[1] См.: Примерный Уголовный кодекс (США). Официальный проект Института Американского права. Перевод с англ. А.С.Никифорова и Б.С.Никифорова. - М., 1969.

да не освобождается от ответственности раньше" (п. 1 ст. 301.2). По истечении указанного срока "подсудимый освобождается от каких бы то ни было обязательств, возложенных на него приказом суда, и считается выполнившим условия приговора (при назначении испытания - А.М.), назначенного за совершение преступления" (п. 3 ст. 301.2).

В случае неисполнения подсудимым условий отсрочки вынесения приговора или испытания, либо в случае совершения им нового преступления суд отменяет отсрочку вынесения приговора или направление на испытание и выносит приговор за прежнее преступление. В связи с этим важно отметить, что лицо считается по закону в период отсрочки или испытания подсудимым, а освобожденным от уголовной ответственности признается лишь по истечении соответствующих сроков отсрочки или испытания (ст. 301.3).

Похожим на рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности и наказания является институт отсрочки назначения наказания, по УК Франции (1992 г.).[1] Он подразделяется кодексом на три вида: а) простая отсрочка назначения наказания (ст. 132-60); б) отсрочка назначения наказания с "помещением осужденного в режим испытания" (ст. 132-64); в) отсрочка назначения наказания с предписанием суда (ст. 132-66).

В первом случае суд откладывает объявление наказания, если ему представляется, что "виновный находится на пути к исправлению, причиненный ущерб возмещается и нарушение, явившееся следствием деяния, вскоре прекратится" (ч. 1 ст. 132-60). При этом суд устанавливает в своем решении дату, к которой он вынесет решение о наказании (ч. 2 ст. 132-60). Решение о наказании выносится не позднее, чем через один год после решения об отсрочке (ст. 132-62). "В повторном заседании суд может либо освободить подсудимого от нака-

---

[1] См.: Новый уголовный кодекс Франции. - М., 1993.

зания (не выносит приговора с назначением наказания, а значит освобождает от уголовной ответственности - А.М..), либо назначить наказание, предусмотренное законом, либо снова отложить назначение наказание в условиях и в соответствии с правилами, предусмотренными в статье 132-62" (ст. 132-61).

Во втором случае в условиях, указанных в ст. 132-60, суд может отложить объявление наказания, назначив виновному режим испытания, срок которого не может превышать одного года согласно условий и в соответствии с правилами, объявленными этой же нормой. Решение суда подлежит немедленному исполнению (ст. 132-63).

Режим мер испытания включает в себя следующие обязательные мероприятия: отвечать на вызовы уполномоченного по пробации, предоставлять ему сведения и документы, необходимые для контроля за средствами существования осужденного, предупреждать об изменении места жительства и работы. Помимо этого, в каждом конкретном случае с учетом личности осужденного и обстоятельств совершенного им преступления или проступка судья вправе возложить на него и другие обязанности, которые являются факультативными.

К таковым относятся обязанности: продолжить образование или профессиональное обучение, пройти медицинское обследование или лечение, возместить ущерб даже при отсутствии гражданского иска, воздерживаться от управления некоторыми транспортными средствами, не посещать места продажи спиртных напитков, не посещать других осужденных, в частности, соучастников преступного деяния, не хранить или не носить оружие и пр. (от ст. 132-43 по ст. 132 -45).

Меры содействия осужденному могут выражаться в форме помощи общественного характера, а при необходимости - в материальной помощи с привлечением к ней любых заинтересованных общественных и частных организаций (ст. 132-46).

Отсрочка назначения наказания с "помещением осужденного в режим испытания" может быть назначена при наличии одновременно следующих условий: 1) несовершение данным лицом проступка или нарушения; 2) виновный находится на пути к исправлению, а причиненный ущерб возмещается (ст. 132-63, 132-60).

Порядок принятия решения и его содержание в повторном судебном заседании здесь такие же, что и в первом случае (ст. 132-65).

Третий вид - отсрочка наказания с предписанием суда - в меньшей мере по своему содержанию относительно субъектов, к которым она применяется (юридические лица), соответствует специфике рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности. Поэтому мы не останавливаемся на его подробном рассмотрении (см. от ст. 132-66 до ст. 132-70).

Изложенное свидетельствует об интересном опыте зарубежного уголовного законодательства. Разумное его использование позволило бы существенно улучшить содержание института освобождения от уголовной ответственности в российском законодательстве за счет включения в него возможности наиболее эффективного решения вопросов исправления лиц, совершивших нетяжкие преступления. Конечно, при этом нельзя механически переносить нормы западного уголовного права в наше уголовное законодательство. В каждом конкретном случае зарубежный опыт, нормы его права необходимо соотносить с российским опытом, нормами отечественного законодательства, социальной и экономической спецификой современного этапа развития российского общества и государства. Только тогда выработанные и закрепленные в УК нормы не останутся "мертвыми" и будут эффективно применяться на практике.

Глава 2

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВЫХ НОРМ

§ 1. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних

К последствиям освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности относятся применявшиеся судом на основании ч. 3 ст. 10 УК РСФСР или комиссией по делам несовершеннолетних на основании ч. 4 ст. 10 УК РСФСР принудительные меры воспитательного характера.

Несмотря на воспитательный характер этих мер, они не являлись мерами педагогического воздействия. От последних они отличаются тем, что применялись к особой категории лиц - к подросткам-правонарушителям. Этим мерам присущ специфический принудительный характер, обязывающий несовершеннолетнего к должному поведению.

Принудительные меры воспитательного характера выражаются в убеждении и незначительном принуждении: до сознания подростка доводится отрицательная оценка его поведения в целях достижения его законопослушного поведения. Однако некоторые авторы полагают, что эти меры полностью лишены элемента кары.[1]

Мы не можем согласиться с таким мнением. Указанные меры применялись за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Соответственно их роль не может сводиться к чисто воспитательной функции, оказывающей только дисциплинирующее воздействие на подрастающее поколение.

---

[1] См : Болдырев Е.В. Меры предупреждения преступности несовершеннолетних в СССР. - М., 1964. С. 86; Семернева Н.К. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением мер воспитательного характера: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1969. С. 10; Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. С. 129.

Своей целенаправленностью они вынуждают несовершеннолетнего правонарушителя вести себя иначе, обязывают его соотносить свое поведение с правилами и нормами общежития. Вместе с наличием принуждения главное содержание этих мер составляют элементы воспитания. Не случайно и законодатель называл их принудительными мерами воспитательного характера.

В ряде случаев предусматриваемое данными мерами принуждение, несмотря на его минимальные размеры, содержит и элемент кары, т.е. некоторую долю лишений и ограничений, нежелательных для индивида. Наиболее существенно они проявляются в такой мере, как помещение несовершеннолетнего правонарушителя в специальное учебно-воспитательное учреждение. Однако в целом содержание рассматриваемых мер ограничивается методами убеждения и воспитания, что и отличает их от уголовного наказания. Сущность анализируемых мер определяется исследователями неоднозначно. Одни авторы отмечают, что принудительные меры воспитательного характера, независимо от того, применяет ли их суд или комиссия по делам несовершеннолетних, являются мерами государственного принуждения, поскольку их реализация при необходимости обеспечивается силой государственной власти.[1] Другие придерживаются противоположного взгляда. Они полагают, что принудительные меры воспитательного характера, применяемые комиссией по делам несовершеннолетних, в отличие от аналогичных мер, назначаемых судом,

---

[1] См.: Устинова В. Меры воспитательного характера, применяемые комиссией по делам несовершеннолетних к правонарушителям и их родителям // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 13. - М., 1971. С. 103; Чернышов А.И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней. - Томск, 1975. С. 104 - 105; Пронина В.С., Столбов В.А. Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних: Комментарий. - М., 1988. С. 132 - 133.

являются мерами общественного воздействия.[1] Свою позицию эти авторы обосновывают тем, что "различия в органах, применяющих к несовершеннолетнему принудительные меры воспитательного характера, неизбежно ведут к различиям в правовой сущности самих мер".[2]

Назначая принудительные меры воспитательного характера по ст. 63 УК РСФСР, суд опирался на принудительную силу государства. Комиссия же по делам несовершеннолетних строила свою работу на общественных началах, проводя ее при помощи постоянных комиссий представительных органов власти различных уровней: фабрично-заводских, местных комитетов профсоюзов и т.д.

Следовательно, характерной чертой организации деятельности этих комиссий в период действия УК РСФСР 1960 г. являлось сочетание в ней государственных, правовых и общественных форм воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Отсюда и меры, применявшиеся данными комиссиями к лицам, совершившим преступление будучи в возрасте, до 18 лет носили, на наш взгляд, государственно-общественно-правовой характер. В отличие от этого меры, указанные в ст. 63 УК РСФСР, назначить которые несовершеннолетнему правонарушителю мог только суд, имели государственно-правовой характер.[3]

---

[1] См.: Орлов В.С. Комиссии по делам несовершеннолетних - М., 1963. С. 16; Виттенберг Г.Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Ч. 2. - Иркутск, 1971. С. 188 - 192; Советское уголовное право / Общая часть. - М., 1988. С. 314.

[2] Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. С. 128.

[3] Подробнее о принудительных мерах воспитательного характера, применявшихся к несовершеннолетнему правонарушителю судом по ст. 63 УК РСФСР см.: Сидорова В. Практика применения принудительных мер воспитательного характера // Сов. юстиция. 1981. N 7. С. 9 - 10; Гаверов Г.С. Проблемы совершенствования законодательства судебной практики применения к несовершеннолетним правонарушителям принудительных мер воспитательного характера //Проблемы совершенствования мер борьбы с преступностью. - Иркутск, 1985. С. 52 - 59.

Принудительные меры воспитательного характера, применяемые судом к несовершеннолетнему правонарушителю и выступавшие как последствия освобождения от уголовной ответственности по ч. 3 ст. 10 УК РСФСР, предусматривались уголовным законом (ст. 63 УК РСФСР). Похожие меры, названные в новой редакции как "принудительные меры воспитательного воздействия", предусмотрены и в действующем УК РФ 1996 г.

Будучи по своей юридической природе и характеру мерами государственного принуждения, они тем не менее не являются уголовным наказанием. По карательным свойствам и наступающим за их применением последствиям, рассматриваемые меры многим отличаются от мер государственного принуждения. Их применение направлено в основном на воспитательное воздействие в отношении несовершеннолетнего правонарушителя. Они выражаются в разъяснении ему, какой вред причинил он своим поведением обществу, предостережении, чтобы он с большей ответственностью относился к своим поступкам.

В судебной практике освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности по ч. 3 ст. 10 УК РСФСР встречалось крайней редко. Наше исследование также подтвердило это обстоятельство. При изучении практики применения ч. 3 ст. 10 УК РСФСР в районных народных судах г. Москвы (Таганский и Дзержинский райнарсуды) с 1985 по 1990 гг., г. Саратова (Ленинский и Советский райнарсуды) с 1990 по 1994 гг. не обнаружено ни одного такого дела. Это объясняется широкой практикой в период действия УК 1960 г. освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с направлением их в комиссию по делам несовершеннолетних.[1]

---

[1] См., например: Советское уголовное право. Общая часть. - М., 1988. С. 274.

Принудительные меры воспитательного характера, применяемые комиссиями по делам несовершеннолетних и выступавшие как последствия освобождения от уголовной ответственности по ч. 4 ст. 10 УК РСФСР, регламентированы Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних. По своему содержанию указанные меры можно рассматривать как воздействия: 1) общественно-правового характера, предусматривающие обязанность виновного принести публично или в другой форме извинение потерпевшему; вынесение несовершеннолетнему правонарушителю предупреждения; выговора; строгого выговора; передачу его под надзор родителей, лиц, их заменяющих или общественных воспитателей, а также под наблюдение трудового коллектива или общественной организации; передачу его на поруки таким коллективам по их ходатайству (пп. "а", "б", "в", "е", "ж" ст. 18 Положения),

2) государственно-правового характера предусматривающие обязанность несовершеннолетнего правонарушителя возместить (при наличии у него самостоятельного заработка) или своим трудом устранить причиненный незначительный по сумме материальный ущерб; наложение штрафа в случаях и размерах, не противоречащих соответствующему законодательству Российской Федерации и ее субъектов; направление подростка-правонарушителя в специальное профессионально-техническое училище (лиц в возрасте от 14 до 18 лет), которое может быть применено условно с годичным испытательным сроком; ходатайство перед органом опеки и попечительства об ограничении или лишении несовершеннолетнего правонарушителя в возрасте от 15 до 18 лет права распоряжаться своим заработком или стипендией (пп. "г", "д", "з", "и" ст. 18 Положения)

В современный период многие нормы Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и другие нормативные акты, имеющие прямое отношение к проблемам подростков и молодежи, устарели. Реорганизация в последние годы органов государственной власти и

управления в центре и на местах поставили комиссии по делам несовершеннолетних в сложное положение. Во многих регионах России их активность резко снизилась, хотя законодательно они не упразднены. Наоборот, Президент России своим Указом N 1338 от 6 сентября 1993 г. "О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защите их прав" определил место и роль названных комиссий в данной деятельности. Он поставил задачу адаптировать их усилия к новым условиям, для чего потребовал законодательно внести изменения и дополнения в Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних.[1]

Современная обстановка в обществе, когда уровень безнадзорности и правонарушений среди подростков и молодежи катастрофически растет, от государства требуются серьезные усилия по выправлению сложившегося положения. Названным Указом Президента Российской Федерации поставлена задача реорганизовать органы и учреждения (службы), занимающиеся решением проблем несовершеннолетних, с целью оптимизации их функционирования.

Среди них комиссии по делам несовершеннолетних поставлены в Указе на первое место. Следует отметить, что и проект Закона РФ "О внесении изменений и дополнений в Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 года", среди порученных для разработки правительству законопроектов, также назван первым (§ 1, п. "в" Указа).

К сожалению, известные события 3 - 4 октября 1993 г. и последующие социально-политические изменения, связанные со сменой руководящих лиц в исполнительных структурах, видимо, до сих пор не позволили правительству РФ выполнить Указ Президента N 1338. Од-

---

[1] См.: О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав // Бюллетень текущего законодательства. - М., 1993. Вып. 5. Ч. 1. С. 140).

нако это ни в коей мере не умаляет актуальности постановлений Указа и необходимости его скорейшего исполнения.

Конечно, из названного Положения будут исключены нормы, касающие рассмотрения комиссиями по делам несовершеннолетних, материалов на подростков, освобожденных от уголовной ответственности и переданных им, поскольку такого вида освобождения действующее сегодня уголовное законодательство не предусмотрело. Однако в Положение необходимо будет включить нормы по контролю за поведением несовершеннолетних, освобожденными от уголовной ответственности с применением к ним судом принудительных мер воспитательного воздействия, так как в настоящее время указанные комиссии являются специализированными государственными органами, на которые возложено исполнение этих мер.

УК РФ 1996 г. предусматривает освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия только судом (ч. 1 ст. 90). При этом в ч. 2 ст. 90 перечислены меры воспитательного воздействия, составляющие правовые последствия освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Среди них: а) предупреждение, б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, в) возложение обязанности загладить причиненный вред, г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Названные меры не являются уголовным наказанием, они представляют из себя меры государственного принуждения, применяемые к несовершеннолетним, а в исключительных случаях и к лицам в возрасте от 18 до 20 лет (см. ст. 96 УК РФ). Главное отличие их от наказания заключается в том, что они не влекут за собой судимости. Принудительность этих мер состоит в том, что они применяются судом к несовершен-

нолетнему, совершившему небольшой или средней тяжести преступление, без учета желания данного подростка и его родителей

В отличие от ст. 63 УК РСФСР, УК РФ 1996 г. (ст. 91) существенно ограничивает перечень принудительных мер воспитательного характера, применяемых к несовершеннолетним. В новом законе помещение в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение допускается только при освобождении несовершеннолетних от наказания за преступление средней тяжести (ч. 2 ст. 92 УК). При этом срок пребывания в указанном учреждении не может превышать максимального срока наказания, предусмотренного за данное преступление.

Предупреждение (п. "а" ч. 2 ст. 90, ч. 1 ст. 91 УК) - мера воспитательного воздействия, состоящая в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных в УК РФ. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 90, ему разъясняются и последствия неисполнения им примененных к нему мер воспитания, которые могут быть отменены с привлечением его к уголовной ответственности. Предупреждение должно также содержать порицание действий несовершеннолетнего при совершении им правонарушения, а при необходимости - и его аморального поведения в целом, даже если речь идет о поступках, не запрещенных нормами права.

Передача подростка-правонарушителя под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа (п. "б" ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 91 УК РФ) состоит в возложении на указанных субъектов обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением. Необходимо отметить, что в отношении родителей и лиц, их заменяющих, подобная обязанность существует и на основании брачно-семейного права. При применении данной меры родители лишь ограничиваются в способах ее исполнения.

Так, указанная обязанность родителя конкретизируется, и ему поручается обеспечение контроля за поведением подростка и его свободное время (не позволять несовершеннолетнему покидать дом в ночное время и т.п.). Вместе с тем, взятие на поруки не дает родителям и другим субъектам никаких дополнительных прав в отношении несовершеннолетних, которые бы не были известны брачно-семейному праву. Однако суд в своем решении предупреждает их об ответственности за поведение переданного им лица. Таким образом, суд как бы предупреждает родителей и других лиц о возможности привлечения их ребенка (подопечного) к уголовной ответственности с тем, чтобы побудить их к более активной воспитательной деятельности.

Пункт "б" ч. 2 ст. 90 не требует согласия родителей для применения рассматриваемой принудительной меры воспитательного воздействия, хотя, как нам представляется, применение ее без такого согласия на вряд ли целесообразно.

Передача несовершеннолетнего под надзор специализированного государственного органа предусмотрена в УК впервые. При этом законодатель стремится учесть случаи, когда родители и другие лица не согласны либо не способны должным образом выполнять обязанности по надзору. Естественно, в такой ситуации, перечисленные в законе обязанности лучше возложить на специализированный государственный орган. К данным органам прежде всего следует относить комиссии, а также инспекции по делам несовершеннолетних.

Обязанность загладить причиненный вред (п. "в" ч. 2 ст. 90, ч. 3 ст. 91 УК) возлагается с выяснением, есть ли у несовершеннолетнего самостоятельный заработок, способен ли он заработать материальные блага, достиг ли он 15-летнего возраста. Заглаживание вреда личным трудом - наиболее эффективная среди прочих мера воздействия на подростков. Данная обязанность возлагается на несовершеннолетнего только в тех случаях, когда он имеет возможность ее

выполнить собственными силами или средствами. Последними могут быть не только оплата, получаемая им за выполнение постоянной или временной работы, доход от предпринимательской деятельности, но и стипендия, другие выплаты.

В некоторых случаях способом заглаживания причиненного вреда с согласия потерпевшего, помимо упомянутых в законе, может быть возложение на несовершеннолетнего обязанности принесения публичного извинения потерпевшему (особенно при посягательстве на неприкосновенность или достоинство личности)

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (п "г" ч. 2 ст. 90, ч. 4 ст. 91 УК) являются наиболее серьезными принудительными мерами воспитательного воздействия. Их реализация предполагает создание условий, позволяющих оградить виновного от негативных влияний микросреды, направить его действия в русло нормального, правомерного поведения. Перечень особых требований, предъявляемых к нему, изложен в ч. 4 ст. 91 УК РФ.

Особые требования к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения определенных мест, некоторых форм проведения досуга, в том числе связанных с управлением транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезд в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. В отношении несовершеннолетнего могут быть предъявлены и другие требования.

Безусловно эти требования не должны превращать принудительные меры воспитательного воздействия в меру уголовного наказания. Важно, чтобы они были не жестокими, а целесообразными, не причиняли неоправданный ущерб личности виновного, не ущемляли чести и достоинства подростка. Требования призваны способствовать тому, чтобы несовершеннолетний почувствовал тяжесть ответствен-

ности за причиненный его противоправным деянием вред, осознал свою вину, понял, что его поведение находится под пристальным контролем соответствующих лиц и организаций, задача которых - помочь ему исправиться.

Продолжительность правовых последствий освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных пунктами "б" и "г" ч. 2 ст. 90 УК, устанавливается органом, назначающим эти меры, т.е. согласно логике закона - судом.

Рассмотрение перечисленных принудительных мер воспитательного характера показывает, что их число по сравнению с УК РСФСР 1960 г. (ст. 63) почти в два раза сократилось, а содержание обрело более конкретный и четкий характер. Отныне их применение согласно закона возможно только судом. Комиссии по делам несовершеннолетних, как это было в старом законе, такое право не предоставлено. Последние в настоящее время выступают лишь в виде специализированного органа, на который возложено исполнение принудительных мер воспитательного характера.

В отличие от ч. 3 и 4 ст. 10 УК РСФСР, ст. 90 УК РФ определяет возможность применения названных мер не только к лицам в возрасте до 18 лет, но в исключительных случаях и к лицам, достигшим 20-летнего возраста. При этом закон разрешает назначение несовершеннолетнему одновременно нескольких принудительных мер воспитательного воздействия и определяет категории деяний, в связи с совершением которых они применяются.

Основным отличием УК РФ является то обстоятельство, что предусматриваемые им принудительные меры воспитательного воздействия, имея альтернативный наказанию характер, обладают еще и важным, неизвестным ч. 3 и 4 ст. 10 УК РСФСР качеством, - условностью (ч. 4 ст. 90 УК РФ).

Одно из главных преимуществ условного освобождения от уголовной ответственности состоит в том, что оно, в отличие от безусловного, не является окончательным и позволяет организовать в период своего действия воспитательную работу с виновными. Освобождение от ответственности за преступление под условием оказывает дисциплинирующее воздействие на освобожденных, стимулирует и ориентирует их на должное поведение. Так, несовершеннолетние знают, что в случае невыполнения ими предъявляемых к ним требований наказание станет для них реальным.

В отличие от безусловного, условное освобождение никогда не может породить мнения о всепрощении, безнаказанности, несправедливости подобного акта. Обязанность лица исправиться и подтвердить это своим поведением как необходимое условие окончательного освобождения, вытекает из оставляемой законом за соответствующими органами и судом возможности возврата к привлечению к уголовной ответственности в случаях систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия.

Данное положение является еще одним подтверждением того, что освобождение от уголовной ответственности - не прощение содеянного и преступника, а эффективное средство борьбы с преступностью. При этом постоянный контроль и надзор за поведением условно освобожденных, помимо дисциплинирующего, оказывает и общепредупредительное воздействие. Такой подход законодателя свидетельствует не только о преемственности в развитии рассмотренного вида правовых последствий, но и усилении их исправительного потенциала в отношении несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности.

§ 2. Последствия освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки

Освобождение от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки, как и остальные его виды, осуществляется по нереабилитирующим виновного основаниям. Ранее при освобождении в соответствии с ч. 1 ст. 50 УК РСФСР лица, совершившего преступление, для него возникали негативные (нравственные) последствия. В данном случае правоприменительный орган в постановлении об освобождении от уголовной ответственности (ст. 6 УПК РСФСР) прямо указывал на факт совершения лицом преступления с приведением тому доказательств, как требовал закон (ст. 68 УПК РСФСР).

Признание компетентным органом государства кого-либо виновным в совершении преступления заставляет это лицо испытывать определенные, как правило, неприятные, переживания. У него появляется опасение, что о совершении им преступления станет известно по месту жительства, работы, учебы, что может скомпрометировать его и повлечь за собой нежелательные последствия.

Поэтому такое лицо нередко начинает прилагать усилия, чтобы скрыть от окружающих позорный для него факт, стремится наладить отношения с потерпевшим, добровольно спешит возместить нанесенный им ущерб через суд в гражданском порядке, или дает потерпевшему письменные гарантии (расписку) о сроках возмещения ущерба, желая тем самым как бы искупить свою вину. Например, изучение практики применения ст. 6 УПК РСФСР органами внутренних дел всех шести РОВД г. Саратова за 1992 - 1993 гг. показало, что такое поведение освобожденного от уголовной ответственности лица отмечалось по ряду дел. Освобожденное от уголовной ответственности лицо выполнило дававшуюся им расписку, и в указанный в ней срок, без дополнительных напоминаний, добровольно возместило потерпевшему ущерб.

Анализ следственной практики органов внутренних дел г. Саратова также показал, что доля случаев освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 50 УК РСФСР в их деятельности занимала значи-

тельное место. Так, по изученным нами материалам 266 уголовных дел за 1993 г., в 152 случаях освобождение от уголовной ответственности происходило по основаниям ч. 1 ст. 50 УК РСФСР. При этом в 108 из них "беспоследственное" освобождение применялось из-за изменения обстановки, повлекшей прекращение общественной опасности лица, совершившего преступление. В остальных 44 случаях изменение обстановки повлекло утрату общественной опасности совершенного деяния.

Решение вопроса об освобождении по ч. 1 ст. 50 УК РСФСР в этих случаях фактически не соотносилось правоприменительными органами с оценкой характера и степени общественной опасности преступления. В частности, по изученным нами уголовным делам в 4-х из 152 случаев освобождение по данной статье применялось к лицам, совершившим деяния, относившиеся к категории тяжких или менее тяжких (в современной трактовке средней тяжести) преступлений (ст. 86, ч. 2 и ч. 3 ст. 92, ст. 93-1, ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 144, ч. 2 ст. 145, ч. 3 ст. 147, ч. 2 ст. 156-3, ч. 2 ст. 191-1, ч. 2 ст. 206 УК РСФСР).

Очень часто рассматриваемый вид освобождения применялся к лицам, ранее привлекавшимся к уголовной ответственности. По нашим данным, это имело место в 36 из 152 случаев освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 50 УК РСФСР. Такое положение нельзя признать целесообразным, поскольку констатация утраты лицом общественной опасности возможна только при учете характера и степени общественной опасности совершенного им деяния. Высказываются даже предложения исключить из уголовного закона освобождение от уголовной ответственности вследствие утраты общественной опасности лица.[1]

На эту же мысль наводит и общественный резонанс на практику применения к лицам, совершившим преступление, "беспоследственного" ос-

---

[1] См.: Сабанин С.Н. О целесообразности сохранения института освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки // Вопросы совершенствования социального и правового регулирования. - Свердловск, 1981. С. 137; Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел. - М., 1987. С. 56.

вобождения от уголовной ответственности. Наличие такого вида освобождения от нее в уголовном законе воспринимается как неоправданное и социально несправедливое.[1] Другое решение этого вопроса предлогалось Основами уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г.[2] Основы исключали из числа оснований "беспоследственного" освобождения обстоятельство, связанное с утратой деянием характера общественно опасного вследствие изменения обстановки ко времени расследования или рассмотрения дела в суде. Вместе с тем, ч. 3 ст. 48 Основ указывала на возможность "беспоследственного" освобождения от уголовной ответственности, если ко времени рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки лицо, совершившее преступление, перестало быть общественно опасным. Такой подход авторов Основ к решению данного вопроса, представляется неверным, поскольку не соответствует современному состоянию нашего общества.

Оценка обществом условия, при которых и деяния, и лица, их совершившие, перестают быть общественно опасными в связи с изменившейся обстановкой, стала существенно пересматриваться с началом социально-экономического реформирования сначала советского, ныне российского государственного устройства. Изменились взгляды и подходы граждан к решению хозяйственных, политических и иных задач. В такой обстановке наличие законов, положений и инструкций, тормозящих производственную, политическую, общественную и другую деятельность, чревато возникновением для активных и инициативных лиц отрицательных последствий.

Нередко в периодической печати сообщается о фактах привлечения к уголовной ответственности лиц, нарушивших своими дейст-

---

[1] См., например: Мальгин В.А. Судья остается жалобщиком // Извест.ия, 1989. 19 февр.; Суд без суда: юридические диалоги // Известия, 1989. 6 марта.

[2] См.: Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик // Ведомости Съезда народных депутатов Верховного Совета СССР. 1991. N 3. Ст. 862.

виями сдерживающие их общественно полезную инициативу инструкции. В таких случаях есть все основания для "беспоследственного" освобождения от уголовной ответственности, так как в связи с изменившейся обстановкой в стране эти деяния и лица, их совершившие, уже не могут считаться общественно опасными.

Следует иметь в виду, что изменения обстановки, касающиеся всей страны и влияющие, в частности, на общественную опасность деяний и лиц, совершивших преступления, происходят не так уж часто. Степень их социальной опасности должны определять и оценивать в каждом конкретном случае суд, прокурор, органы следствия и дознания, применяющие соответствующую норму. Это, в свою очередь, связано с определенными трудностями. При освобождении от уголовной ответственности вследствие изменившейся обстановки закон не предусматривает возникновение конкретных правовых последствий, и правоприменительные органы не применяют в таких случаях вообще никаких мер воздействия. Однако это, на наш взгляд, не означает, что совершенное преступление не может влечь за собой моральные, а иногда и имущественные последствия. Полагаем, что морально-нравственные негативные последствия являются одним из неизбежных результатов применения любого вида освобождения от уголовной ответственности.

В процессе расследования по делу, при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности компетентные органы воздействуют на лицо, совершившее преступление, уголовно-правовыми мерами воздействия. Они "представляют собой основанную на законах деятельность правоохранительных органов и их должностных лиц по предупреждению, пресечению преступлений и реализации уголовной ответственности, относительно обособляемую по своим целям (подчинение общим целям уголовного законодательства), содержанию и функциональному распределению между ведомствами".[1]

---

[1] Гришанин П.Ф. Меры уголовно-правового воздействия на преступность и их реализация органами внутренних дел: Лекция. М., 1996. С. 3.

Совокупность мер, осуществляемых в процессе производства по делу, в результате которого применяется освобождение от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки, относится к группам уголовно-правовых мер предупреждения и пресечения преступлений. "Беспоследственность" рассматриваемого вида освобождения не означает отсутствия его правовых последствий. Закон лишь не указывает никаких конкретных мер, применяемых к освобожденному. Такие меры предполагаются самой спецификой уголовного и уголовно-процессуального права при производстве по делу, и они для освобожденного от уголовной ответственности лица не проходят бесследно.

"Беспоследственное" освобождение от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки перешло и в действующее уголовное законодательство. В УК РФ 1996 г. оно предусмотрено в ст. 77.

На практике применение "беспоследственного" освобождения часто обосновывается нецелесообразностью привлечения к уголовной ответственности. Такого основания применения ст. 77 УК в законе нет, как не было его и в ч. 1 ст. 50 УК РСФСР. В связи с этим, мотивировка освобождения нецелесообразностью привлечения к уголовной ответственности считается противозаконной.[1] С этим надо согласиться. Однако то обстоятельство, что нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности в ряде случаев объективно вытекает из реальной действительности, отрицать нельзя. Если жизнь и правоприменительная практика выработала такое положение, отказываться от него было бы неверно. Опыт других стран показывает закономерность наличия упомянутого основания в законе. Например, п. 1 § 7 Закона Англии о полномочиях уголовных судов (1973 г.) предусматривает возможность полного или условного освобождения (при несовершении освобожденным преступления в течение трех лет) от от-

---

[1] См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. - М., 1987. С. 184; Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности, как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: новые идеи. - М., 1994. С. 76.

ветственности. Такая возможность реализуется, если на основании изучения обстоятельств дела, раскрывающих природу преступления и характер преступника, суд придет к выводу о нецелесообразности назначения виновному наказания и если в данном случае использование пробации неэффективно или невозможно. Речь здесь идет, конечно, о преступлениях небольшой тяжести и о личности преступников незначительной общественной опасности.[1]

В уголовно-процессуальном законодательстве Дании нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности также является основанием освобождения от нее. Согласно УПК Дании (§ 723) при совершении нетяжких преступлений лицами, не представляющими большой общественной опасности, прокурор может прекратить дело до суда и освободить виновного от ответственности без каких-либо для него правовых последствий содеянного. Обозначается это как "освобождение от обвинения".[2]

Таким образом, в связи с реалиями жизни и правоприменительной практикой требуется, на наш взгляд, в УК и УПК РФ учесть нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления небольшой тяжести и не представляющие собой опасности для общества. Такое освобождение в зависимости от обстоятельств дела и личности виновного может быть безусловным, при котором не возникает никаких для последнего правовых последствий, или условным с установлением различных предварительных обязанностей (извиниться перед потерпевшим, возместить нанесенный ущерб, в дальнейшем не совершать преступлений и т.п.). В любом случае речь должна идти о преступлении небольшой тяжести и лице, случайно, впервые, по стечению обстоятельств, совершившем преступление.

---

[1] См.: Уголовное право буржуазных стран. Общая часть // Сборник законодательных актов. - М., 1990. С. 22 - 42.

[2] См.: Ананиан Л.Л. Преступность несовершеннолетних в скандинавских странах. - М., 1974. С. 80 - 81.

Глава 3

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

§ 1. Понятие, сущность и виды освобождения от уголовной ответственности

Уголовная ответственность, будучи правовым явлением, базируется на уголовно-правовом отношении и трактуется нами как основное его содержание.

Как уже отмечалось, уголовная ответственность в ее ретроспективном (негативном) аспекте реализуется в рамках охранительного уголовного правоотношения в государственно-принудительной форме. Поэтому началом фактического несения уголовной ответственности является момент реализации прав и обязанностей субъектов уголовно-правового отношения при вынесении обвинительного приговора; концом - момент погашения или снятия судимости, если, конечно, до этого уголовные правоотношения не были прерваны (прекращены).

Прекращение (прерывание) уголовных правоотношений означает, что не во всех случаях закон предполагает реализацию уголовной ответственности. Она может не реализоваться в ситуациях: 1) если совершенное деяние не было выявлено или не установлено лицо, его совершившее; 2) если на привлечении виновного к уголовной ответственности не настаивали потерпевшие по делам частного или частно-публичного обвинения; 3) истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, приняты акты амнистии или помилования (прекращение уголовной ответственности (ст 78, 84, 85 УК РФ); 4) если есть основания для освобождения лица от уголовной ответственности без применения в отношении него каких-либо мер уголовно-правового воздействия (ст.75, 76, 77 УК РФ) или с применением к несовершеннолетнему, а в указанных законом случаях (ст. 96 УК РФ) и к лицу в возрасте от 18 до 20 лет принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Уголовная ответственность в ретроспективном аспекте, как известно, связана с возникающей для субъекта обязанностью отвечать за содеянное им в уголовно-правовом порядке. В толковом словаре В.Даля словосочетание "освободить кого-то от чего-то" трактуется как "сымать обязанность". С этих позиций нами и рассматривается понятие сущности освобождения от ретроспективной уголовной ответственности. Освобождение же от позитивной уголовной ответственности закон не предусматривает.

Согласно нашей трактовки понятия уголовной ответственности, реальное свое выражение она находит в наказании, с которым соотносится как целое со своей частью. Поэтому освобождение от уголовной ответственности является в то же время и освобождением от наказания. Но не наоборот. Указанные два понятия различаются не только по основаниям их применения, но и по сущности, содержанию, субъектам применения, времени и правовым последствиям освобождения.

Правоприменительные органы, решая вопрос об освобождении от уголовной ответственности, исходят из необходимости принятия в каждом конкретном случае такого решения, которое наиболее соответствовало бы выполнению задач российского уголовного законодательства (ст. 2 УК РФ). Оно должно быть направлено на эффективное достижение целей восстановления социальной справедливости, исправления лица, совершившего преступление, и предупреждения совершения новых преступлений.

Здесь важно определить, в каких пределах это освобождение происходит. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству возможность освобождения от уголовной ответственности появляется уже в процессе предварительного расследования, затем - в распорядительном и судебном заседаниях и даже до возбуждения уголовного дела (ст. 6, 7, 8, 9 УПК РСФСР). Заключительный этап - стадия судебного разбирательства, но до вынесения обвинительного приговора, в котором суд дает отрицательную оценку содеянному и может освободить лишь от наказания.

Таким образом, выделяются две стадии освобождения от уголовной ответственности: досудебная и судебная. Они обусловливают различие между освобождением от уголовной ответственности и освобождением от наказания.

При освобождении от уголовной ответственности к лицу или вообще не применяются меры воздействия, или назначаются меры, не являющиеся уголовным наказанием (в частности, к несовершеннолетним - ст. 90 УК РФ). При освобождении же от наказания лицо лишь частично освобождается от уголовной ответственности: только от отбывания наказания и его последствий или от оставшегося ему срока отбывания наказания и дальнейших затем определенных последствий. Однако указанное не означает, что при этом исключается возникновение в отношении него вообще каких-либо последствий.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности предполагает освобождение от всей совокупности уголовно-правовых последствий - от осуждения (порицания), уголовного наказания и судимости, - а не от части их, что имеет место при освобождении от наказания. Поэтому мы разделяем мнение большинства ученых, о том, что освобождение субъекта от уголовной ответственности выражается в отказе компетентных органов государства в предусмотренных законом случаях от осуждения (порицания) поведения данного лица и применения к нему мер государственного принуждения с их неизбежным правовым последствием - судимостью лица, совершившего общественно опасное деяние.[1]

---

[1] См., например: Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. С. 90; Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел / Под ред. Н.И.Загородникова. - М., 1987. С. 45; Сабанин С.Н Справедливость освобождения от уголовного наказания. - Екатеринбург. 1993. С. 35; Учебник уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева и А.В.Наумова. - М., 1996.С. 322; Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. - М., 1996. С. 430.

Вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности возникает, если, с одной стороны, есть основания привлечь его к ней, а с другой - существуют субъективные условия к тому, чтобы эту правовую меру не применять. Освобождение от уголовной ответственности в данном смысле не означает реабилитации, это не прощение лица. Оно представляет собой проявление к виновному определенного, на законных основаниях, снисхождения, но не более того.

Уголовный закон гласит, что "... лицо ... может быть освобождено от уголовной ответственности ... " (например, ст. 75, 76, 77 УК). Термин "может" указывает на то, что освобождение от уголовной ответственности, по указанным в нормах УК РФ основаниям, носит субъективно-оценочный характер. В процессе реализации обязанности виновного нести ответственность правоприменительные органы руководствуются в том или ином случае своей оценкой ее целесообразности.

Слово "может" в названных и некоторых других статьях закона (например, ст. 90 УК) свидетельствует, на наш взгляд, о том, что органы следствия и суда при наличии определенных условий имеют право (а не обязанность) освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление небольшой (ст. 75. 76 УК) и средней тяжести (оба вида - ст. 77, ст. 90 УК). Слово "может" подчеркивает и то обстоятельство, что освобождение от уголовной ответственности возможно как исключение из общего правила, по которому лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть не только освобождено от уголовной ответственности, но и привлечено к уголовной ответственности за эти деяния.

Для освобожденного от уголовной ответственности лица наступают последствия, содержание которых зависит от стадии процесса, на которой освобождение применяется. Так, до суда предполагается прекращение уголовно-правовых отношений: если отпала общественная опасность лица или совершенного им деяния (например, ст. 77

УК); если будет признано, что исправление несовершеннолетнего, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК). Освобождение от уголовной ответственности на стадии судебного разбирательства предполагает иное содержание правовых последствий.

Неодинаковое содержание правовых последствий отдельных видов освобождение от уголовной ответственности позволяет уже в законе достаточно полно дифференцировать ответственность за разные по своему характеру преступления из числа небольшой и средней тяжести. В процессе применения закона это способствует индивидуализации ответственности лица за совершенное им то или иное конкретное деяние, содержащее признаки преступления небольшой или средней тяжести

Осуществление норм, связанных с реализацией института уголовной ответственности представляет собой длительный процесс, имеющий ряд последовательных стадий (этапов). Они различаются по характеру применяемых к лицу, совершившему преступление, правоограничений, изменяющих его правовое положение, по объему прав и обязанностей субъектов возникающих правовых отношений, регулируемых уголовно-правовыми нормами. Уже на начальной, досудебной стадии органы дознания или предварительного расследования, проводя следствие по факту совершения лицом преступления, применяют к нему предусмотренные уголовно-процессуальным законом правоограничения, существенно изменяющие правовое положение такого лица. В отдельных же случаях, исходя из предусмотренных в уголовном законе оснований, орган дознания или следователь (с согласия прокурора), так же как и суд, и прокурор имеют право даже прекратить уголовное дело или отказать в его возбуждении по нереабилитирую-

щим обстоятельствам. Тем самым они завершают индивидуализацию уголовной ответственности на досудебной стадии.

При этом указанные органы выносят постановление об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности без применения к нему каких-либо мер уголовно-правового воздействия или с применением, в случае его несовершеннолетия, принудительных мер воспитательного воздействия. Эти меры не являются уголовным наказанием. Однако не вызывает сомнения, что они - меры принуждения, предусмотренные уголовным законом (ст. 90, 91 УК).

Уголовный закон, определяя пути исправления лица, совершившего общественно опасное деяние посредством применения рассматриваемых мер, преследует достижение целей наказания. Тем самым выполняются и задачи уголовного законодательства, т.е. достигается тот же эффект, что и при наказаниях за преступления, предусмотренные уголовным законом. В этой связи И.И.Карпец подчеркивал, что неприменение именно наказания, а применение иных мер воздействия вовсе не означает безнаказанности.[1]

Здесь возникает вопрос: не противоречит ли изложенная позиция (освобождение от уголовной ответственности до суда лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести) презумпции невиновности. Данный принцип закреплен в ст. 34 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом России 22 ноября 1991 г. Согласно его положениям "каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором компетентного, независимого и беспристрастного суда".

---

[1] См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. - М., 1984. С. 48.

Некоторые юристы трактуют действие данного принципа однозначно: возможность освобождения, совершившего даже небольшой тяжести преступление лица от уголовной ответственности с дальнейшей ее индивидуализацией на досудебной стадии не должна допускаться, поскольку фактически означает признание человека виновным во внесудебном порядке.

С такой позицией вряд ли можно согласиться. Как известно, общественную значимость тезис о судебном порядке признания человека виновным получил в связи с практикой применения мер принуждения многочисленными несудебными органами. Чем жестче были меры принуждения, тем большую необходимость в судебном разбирательстве ощущало общество. Однако применение ст. 75, 76, 77 и 90 УК РФ не связано с назначением лицу каких-либо мер наказания. Наоборот, освобождение от уголовной ответственности по основаниям и условиям, указанным в перечисленных статьях, нередко расценивается как оправдание, особенно при несовершеннолетии.

Иными словами, репрессивные меры в данном случае не применяются, каких-либо ограничений лицо, совершившее преступление, не несет, т.е. негативных последствий в виде уголовного наказания для него не наступает. Речь идет о применении к обвиняемому принудительных мер воспитательного характера (при несовершеннолетии) либо о неприменении каких-либо мер уголовно-правового воздействия, если есть реальная возможность исправить его таким путем. Наличие указанной возможности закон требует использовать.

Вместе с тем при освобождении от уголовной ответственности человека признают виновным следователь и прокурор, которые подменяют в этом вопросе суд, что недопустимо.

Действительно, признать человека виновным имеет право только суд. В связи с этим можно утверждать, что все без исключения следственные изоляторы Российской Федерации забиты невиновны-

ми, арестованными следователями с санкции прокурора и помещенными туда до суда, который даже при самых благоприятных обстоятельствах состоится не скоро. При этом и прокурор, и следователь, убеждены в виновности взятых ими под стражу лиц.

Общественное бытие выделило определенных государственных служащих (следователя и прокурора), дав им право принимать решение о виновности человека до суда. Иной порядок делает ненужными все следственные изоляторы, все нормы права о мерах пресечения и т.д. Насколько известно, на существующий порядок никто не покушается, поскольку это являлось бы посягательством на здравый смысл и принесло бы только вред осуществлению задач борьбы с преступностью. Вместе с тем человек считается невиновным для общества, пока существующие должностные лица, наделенные по закону правом выносить иное суждение на этот счет, не докажут в суде свою (обратную) точку зрения.

Таким образом, на досудебной стадии разбирательства следователь и прокурор наделены правом предположительно признать лицо, совершившее преступление, виновным хотя бы для того, чтобы предъявить ему обвинение и поместить в следственный изолятор. Однако прокурор может, признав лицо, совершившее преступление, виновным, не санкционировать его взятие под стражу, а избавить его от такого рода негативных последствий, освободив от уголовной ответственности.[1]

Другая сторона рассматриваемой проблемы относится к сфере прав российских граждан, о которых в последнее время наше госу-

---

[1] Согласно проведенного нами опроса сотрудников органов дознания и предварительного расследования (412 чел.), 84% из числа опрошенных признали возможность до судебного освобождения от уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести лиц, не представляющих большой опасности для общества - гуманной, справедливой и обеспечивающей разумную экономию репрессии в борьбе с преступностью.

дарство стремится неустанно заботиться. Принята специальная Декларация, в Конституции Российской Федерации 1993 г. есть глава "Права и свободы человека и гражданина", которым придается наибольшее значение перед другими приоритетами жизни общества и государства.

Естественно, новая Конституция заставила внести существенные изменения в уголовное законодательство. В этой связи, на наш взгляд, немаловажное значение приобретают, согласно уголовному кодексу, права гражданина на то, что он может быть освобожден от уголовной ответственности до суда, не станет судим со всеми вытекающими отсюда последствиями, избежит расходов на защиту и т.п. Отнять у человека такую возможность - значит отрицать, что в конечном счете не человек создан для закона, а закон для человека.

В Конституции РФ государство признает за гражданином широкие права. Однако согласно УК РФ в действующем уголовном законодательстве исключено большинство видов освобождения от уголовной ответственности с применением иных, не уголовно-правовых мер воздействия. Это на наш взгляд, урезает права граждан. Лицо, совершившее небольшой тяжести преступление, ограничивается в возможностях своим поведением влиять на результаты расследования дела на данной стадии процесса. Тем самым существенно снижается стремление лица к раскаянию, возмещению вреда и помощи следствию.

Наконец, третья сторона рассматриваемой проблемы состоит в необходимости повышения общепредупредительной значимости уголовно-правовых норм об освобождении от уголовной ответственности. Их основное содержание свидетельствует о наличии в концепции современного уголовного права и уголовной политики определенной идеи компромисса. Она состоит в том, что "лицу, совершившему преступление, гарантируется освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания в обмен на совершение таким лицом по-

ступков, определенных в законе и обеспечивающих реализацию основных задач уголовно-правовой борьбы с преступностью".[1]

Такой компромисс может быть использован для "устранения (смягчения) вредных последствий преступления, обеспечения прав и законных интересов потерпевших и обвиняемых, склонения виновных к самообнаружению и сотрудничеству с правоохранительными органами, выявления латентных преступлений, повышения раскрываемости зарегистрированных преступлений, экономии уголовной репрессии, сил и средств правоохранительных органов и т.п.".[2]

Сохранение в УК РФ 1996 г. института освобождения от уголовной ответственности является отражением процесса гуманизации уголовного законодательства. Этот процесс "действительно приобрел глобальные масштабы, хотя он, конечно, весьма неравномерно протекает в различных странах, порой замирая на месте, а порой поворачивая вспять. Естественно его формы отличаются большим разнообразием".[3] Институт освобождения от уголовной ответственности является отражением "постепенного общего смягчения уголовно-правового воздействия ... прежде всего в отношении преступлений небольшой общественной опасности при сохранении строгих мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, виновных в тяжких преступлениях, и рецидивистов".[4]

Следовательно, наличие законной возможности освобождения от уголовной ответственности не только судом, но и другими правоохранительными органами до суда способствует дифференциации и индивидуализации ответственности лица, совершившего преступле-

---

[1] Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. - Баку, 1992. С. 65.

[2] Аликперов Х.Д. Проблема допустимости компромисса в борьбе с преступностью: Автореф. дисс. докт. юрид. наук. - М., 1992. С. 7.

[3] Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. - М., 1991. С. 256.

[4] Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования. - М., 1987. С. 5.

ние небольшой тяжести, а в предусмотренных УК случаях и средней тяжести. Это свидетельствует и о гуманизме уголовной политики и уголовного права, и о стремлении законодателя добиться максимальной экономии репрессии в отношении определенной категории правонарушителей. Кроме того, данный правовой институт обеспечивает последовательность предупредительного воздействия на лиц, совершивших преступления, начиная его осуществление еще со стадии предварительного расследования за счет реализации в сфере борьбы к криминалом идеи компромисса.

Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г. предусмотрены следующие виды освобождения от уголовной ответственности, которые связаны:

- с деятельным раскаянием (ст. 75);
- с примирением виновного с потерпевшим (ст. 76);
- с изменением обстановки (ст. 77);
- с истечением сроков давности (ст. 78);
- с актом амнистии (ст. 84);
- с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90).

Перечисленные виды освобождения от уголовной ответственности не имеют единого для всех них основания. Однако анализ соответствующих положений УК позволяет подразделить эти виды на две основные группы

К первой группе мы относим те виды рассматриваемого правового института, применяя которые правоприменительные органы реализуют право (возможность) освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление небольшой, а иногда и средней тяжести. При этом они руководствуются своей оценкой целесообразности такого решения, т.е. действуют по своему усмотрению, исходя из субъективно-оценочного момента. В данном случае речь идет

о видах освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в ст. 75, 76, 77, 90 УК РФ.

Ко второй группе разновидностей освобождения от уголовной ответственности относятся все остальные виды, а именно те, в которых выбор соответствующего решения зависит не от усмотрения правоприменительных органов. Более того, в таких предусмотренных в законе случаях необходимость применения освобождения от уголовной ответственности выступает как обязанность этих органов.

Данный вывод обосновывается тем, что в ст. 78 УК, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, употребляется категорическая формулировка: "Лицо освобождается от уголовной ответственности ...". Порядок процессуального оформления такого вида освобождения определен в УПК РСФСР в ст. 5, озаглавленной "Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу", в которой предписано, что вследствие истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению (п. 3).

Изложенное выше свидетельствует о том, что в указанном случае при применении ст. 78 УК освобождение от уголовной ответственности возникает для лица независимо ни от его собственной воли, ни от воли другого субъекта уголовно-правовых отношений. В связи с чем рассматриваемый вид освобождения, совместно с некоторыми другими, нами еще не упоминавшимися, формами решения такого вопроса, содержащимися в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве РФ мы относим к прекращению уголовной ответственности.[1]

---

[1] Здесь мы не имеем ввиду случаи перерыва и приостановления давностных сроков применения давности к лицу, совершившему преступление, за которое по закону может быть назначена смертная казнь или к лицам, совершившим преступление против мира и безопасности человека, предусмотренные ст. 353, 356, 357 и 358 УК (чч. 2, 3, 4, 5 ст. 78 УК).

Во всех случаях прекращение уголовной ответственности обусловливается невозможностью ее возложения на лицо, совершившее преступление, в связи с наличием в деле специфических юридических фактов. Это - либо смерть лица-субъекта уголовных правоотношений, его заболевание психической болезнью. В первом случае следует отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РСФСР; во-втором - вынесение следователем мотивированного постановления о прекращении дела производством (если совершенное деяние и психическое состояние лица, его совершившего, не представляют по своему характеру опасности для общества), или о направлении дела в суд (при наличии оснований для применения к такому лицу принудительных мер медицинского характера) с последующим вынесением судом определения о применении к нему таких мер (ст. 406, 410 УПК РСФСР).

Другим юридическим фактом, влекущим прекращение уголовной ответственности, является акт об амнистии, точнее, действие тех его положений, которые направлены на прекращение производства расследуемых дел, а также дел, не рассмотренных судом до вступления в силу данного акта (ст. 84 УК РФ).

Например, постановлением Верховного Совета Российской Федерации "Об амнистии" от 18 июня 1992 г. в отношении ряда категорий лиц прекращались производством все, не рассмотренные судами, следственные дела о преступлениях, совершенных до вступления настоящего Постановления в силу.[1] При этом постановление не требовало ни усмотрения соответствующих органов и должностных лиц, ни субъективно-оценочных действий с их стороны, а объявило о безусловном и окончательном прекращении уголовного преследования перечисленных им категорий лиц.

---

[1] См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. N 27. Ст. 1565.

Поэтому мы соглашаемся с предложением А.В.Наумова об отнесении такого рода случаев применения акта амнистии к разновидности прекращения уголовной ответственности.[1] На наш взгляд данный вид прекращения ответственности соответствует прекращению уголовного дела на основании ст. 84 УК РФ, п. 4 ст. 5 и ст. 208 и 209, или п. 4 ст. 5 и ст. 234 УПК РСФСР.

Декриминализация также влечет за собой полное прекращение уголовной ответственности лица за совершенное им деяние. Она означает принятие высшим органом государственной власти Российской Федерации акта об исключении определенных деяний из числа уголовно-наказуемых. Уголовно-правовой основой регулирования таких случаев следует признать норму, выраженную ч. 1 ст. 9 УК РФ: "Преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния".

Сюда следует отнести и норму об обратной силе уголовного закона, содержащуюся в ч. 1 ст. 10 УК РФ: "Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т. е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу ...". Процессуально это влечет за собой прекращение уголовного дела на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления.

Освобождение от уголовной ответственности, как известно, может быть условным или безусловным. При условном освобождении законодательство выдвигает к поведению освобожденных лиц определенные требования. Освобождение от уголовной ответственности

---

[1] См.: Наумов А.В. Понятие прекращения уголовной ответственности и виды обстоятельств, обуславливающих ее прекращение // Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел / Под ред. Н.И.Загородникова. - М., 1987. С. 29.

несовершеннолетнего в связи с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия является видом условного освобождения от уголовной ответственности (ст 90 УК РФ).

К безусловному освобождению от уголовной ответственности относится освобождение: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ); в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ); в связи с изменением обстановки (ст. 77 УК РФ).

Все виды прекращения уголовной ответственности носят безусловный характер.

В уголовном праве освобождение от уголовной ответственности, как правило анализируется с позиций рассмотрения ее отдельных видов. Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее существенные внутренние связи могут быть вскрыты при анализе института освобождения как условного или безусловного освобождения от уголовной ответственности.

§ 2. Безусловное освобождение от уголовной ответственности

В действующем российском уголовном законодательстве закреплен, наряду с другими, важнейший принцип уголовного права - принцип гуманизма. Освобождение от уголовной ответственности является одним из ярчайших его проявлений. Как отмечалось, цели и задачи уголовного законодательства при применении данного правового института могут быть достигнуты без уголовного наказания. В этих случаях освобождение окончательное, и к последующему поведению освобожденных закон не выдвигает условий. Такое освобождение является безусловным.

Безусловное освобождение возможно лишь тогда, когда лицо, совершившее преступление, не представляет большой общественной опасности и его исправление возможно без отбывания наказания, или же общественная опасность такого лица незначительна, или же оно ее утратило. Безусловное освобождение применяется к широкому

кругу лиц, совершившим как преступления небольшой тяжести (ч. 1 ст. 75, 76, 77 УК РФ) или средней тяжести (ст. 77 УК РФ), так и иной категории (ч. 2 ст. 75 УК РФ). Необходимо, чтобы само лицо не представляло большой общественной опасности.

При безусловном освобождении важное значение закон уделяет его предпосылкам, четко их определяя. От уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 может быть освобождено, например, лишь лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления небольшой тяжести. Также и в связи с примирением с потерпевшим лицо может быть освобождено лишь в том случае, если оно не только примирилось, но и загладило причиненный его действиями потерпевшему вред. Процессуальный закон выдвигает еще одно требование (предпосылку) к возможности освобождения от уголовной ответственности. Она заключается в том, что прекращение уголовного дела не допускается, если лицо возражает против такого решения (ч. 3 ст. 6-1 УПК РСФСР). Закон связывает это с возможностью прекращения уголовного дела, но вместе с тем предполагается и другая линия связи: освобождение от уголовной ответственности возможно лишь при прекращении уголовного дела. Освобождение не наступает, если уголовное дело не прекращается. Эта предпосылка освобождения от уголовной ответственности, как представляется, должна выдвигаться материальным, а не процессуальным правом.

Следует также отметить, что безусловное освобождение может быть как факультативным (ст. 75, 76, 77 УК РФ), так и обязательным при прекращении уголовной ответственности. Исключение здесь составляют дела (а соответственно лица) о преступлениях, наказуемых смертной казнью или пожизненным лишением свободы (ч. 4 ст. 78 УК РФ).

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием имеет глубокие предпосылки в российском уголовном праве. Оно упоминается еще в первых русских правовых

памятниках. Согласно "Русской Правде" ..кто, не будучи задерживаемым, сам приносил владельцу им похищенное ... не подвергалсг никакой ответственности".[1]

Важнейшим основанием освобождения от уголовной ответственности было раскаяние по Соборному Уложению 1649 г., согласно установлениям которого возвратившийся добровольно из-за рубежа и повинившийся изменник подлежал помилованию (ст. 11 гл. 2). Артикулы Воинские Петра 1, предусматривающие смертную казнь за дезертирство, значительно смягчали наказание раскаявшимся и возвратившимся в армию лицам (арт. 96). Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. также указывали на значительное смягчение наказания явившимся с повинной, раскаявшимся преступникам, если в результате такого поведения появлялась возможность предупредить вредные последствия. Уголовное Уложение 1903 г. предусматривало снижение наказания при возмещении ущерба применительно к присвоению, неквалифицированной (простой) краже, мошенничеству.

Институт раскаяния был известен и советскому уголовному праву. Уже первые декреты и постановления ВЦИК и СНК РСФСР устанавливали ненаказуемость взяткодателей и посредников во взяточничестве, если они своевременно заявили о вымогательстве взятки и оказывали помощь в раскрытии преступления.[2]

Впоследствии в Особенной части УК РСФСР 1960 г. (п. "б" ст. 64, примеч. к ст. 174, к ч. 1 ст. 218, к ст. 224) было предусмотрено освобождение от уголовной ответственности лица, поведение которого соответствует условиям, названным в законе. Сущность его поведе-

---

[1] Цит.: Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. - Спб., 1860. С. 188, 242.

[2] См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 - 1952 гг. - М., 1953. С. 25.

ния - в деятельном раскаянии. Кроме того, деятельное раскаяние рассматривалось УК 1960 г. в контексте смягчающих ответственность обстоятельств и учитывалось при назначении наказания (п. "а" ст. 38).

Глубокие корни в российском уголовном праве имеют исследования проблем деятельного раскаяния. Уже в первой работе по уголовному праву России, изданной в 1815 г., О.Горегляд отмечал смягчающие вину обстоятельства или как он их называл "знаки меньшей жестокости права". К ним он относил: "воспрепятствования преступником худым последствиям преступления", "старания виновного вознаградить нанесенный вред", "раскаяние с предоставлением главного сообщника".[1] Последнее обстоятельство определяло необходимость освобождения от уголовной ответственности даже за государственные преступления.

В последующие годы XIX - начале XX века русские ученые-криминалисты В.Д.Спасович, Н.С.Таганцев, И.Я.Фойницкий, Э.Я.Немировский и др. в своих работах также исследовали позитивное постпреступное поведение лиц, совершивших преступление. Особое внимание они уделяли изучению действий, связанных с предотвращением вредных последствий, с деятельным раскаянием.

В процессе исследования у названных авторов сложились различные взгляды на правовую природу такого поведения. Одни из них, например, В.Д.Спасович, Н.С.Таганцев, деятельное раскаяние понимали как "добровольно оставленное покушение", т. е. как добровольный отказ от совершения преступления.[2] Другие, в частности, И.Я.Фойницкий, Э.Я.Немировский, употребляя термин "деятельное раскаяние", рассматривали его как постпреступное позитивное поведение лица, совершившего преступление, как "предотвращение результатов самим виновным

---

[1] Горегляд О. Опыт начертания Российского уголовного права. Часть первая. О преступлениях и наказаниях вообще. - Спб, 1815. С. 89, 137.

[2] Спасович В.Д. Учебник уголовного права. - Спб., 1863. Т. 1. С. 139; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. - Спб., 1902. Т. 1. С. 718 - 719.

до раскаяния его деяния", как "обстоятельство, заглаживающее социально вредные последствия преступления и обнаруживающее в преступнике чувства активного стремления к доброму".[1]

Единым в исследованиях вышеуказанных авторов было мнение о необходимости значительного смягчения ответственности или полного освобождения от нее и наказания лиц, проявивших деятельное раскаяние, то есть поощрение их за положительные, полезные действия. Последнее широко освещалось в трудах русского ученого-социолога П.А.Сорокина, который предпринял даже попытку сформировать "наградное" право по аналогии с уголовном правом.[2]

Продолжением идей "наградного" или "премиального" права можно считать формирование в законодательстве и исследование в современной правовой науке поощрительных норм. Они должны были стимулировать позитивное постпреступное поведение, побуждающее лицо, совершившее преступление, явиться с повинной, устранить причиненный правонарушением вред, помочь правоохранительным органам в изобличении преступников.[3]

Таким образом, под деятельным раскаянием следует понимать активное со стороны лица, совершившего преступное деяние, добро-

---

[1] См.:Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. - Одесса, 1917. С. 561; Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905 - 1915 гг.). - Петроград, 1915. С. 53, 54.

[2] См.: Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения морали. - Спб. 1914. С. 125.

[3] См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. - Саратов, 1978; Елеонский В.А. Поощрительные нормы и их значение в деятельности органов внутренних дел. - Хабаровск, 1984; Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение. - Томск, 1985; Голик Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения. Вопросы теории. - Новосибирск, 1992; Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. - Иркутск, 1993.

вольное его поведение, "которое направлено на предотвращение, ликвидацию или уменьшение фактических вредных последствий содеянного либо на оказание помощи правоохранительным органам в раскрытии совершенного преступления".[1]

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, согласно ч. 1 ст. 75 УК РФ, может быть применено к лицу при наличии следующих условий:

а) совершение преступления впервые;

б) совершение преступления небольшой тяжести, т.е. умышленного и неосторожного деяния, за которое максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает двух лет лишения свободы (ч. 2 ст. 15 УК РФ);

в) после совершения преступления лицо: добровольно явилось с повинной; после явки с повинной способствовало раскрытию преступления; возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате им содеянного.

Лицо признается совершившим впервые преступление, если оно: ранее никаких преступлений не совершало; в отношении него не возбуждено уголовное дело; его судимость за ранее совершенное преступление, в соответствии со ст. 86 УК была погашена или снята судом либо актом амнистии (ч. 2 ст. 84 УК) или помилования (ч. 2 ст. 85 УК); освобождалось за ранее совершенное преступление от отбывания наказания в связи с истечением срока давности обвинительного приговора (ст. 83 УК).

Помимо преступлений небольшой тяжести, в Особенной части УК РФ специально предусматриваются нормы о более тяжких преступлениях, в связи с которыми возможно освобождение от уголовной ответственности по обстоятельствам деятельного раскаяния (примеч. к ст.ст. 126, 204, 205, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 291, 307, 338).

---

[1] Никулин С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел в борьбе с преступностью. - М., 1985. С. 23.

В примечании к ст. 337 УК РФ предусмотрено освобождение от уголовной ответственности по обстоятельствам деятельного раскаяния за совершение преступления небольшой тяжести (ч. 1, 2 ст. 337) и средней тяжести (ч. 3, 4 ст. 337).

В примечании же к ст. 308 и ст. 316 речь идет об исключении уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против самого себя, своего супруга или своих близких родственников и за заранее не обещанное укрывательство лицом преступления, совершенного его супругом или близким родственником, а не об освобождении в связи с деятельным раскаянием, как это определяют некоторые авторы.[1]

Явкой с повинной признается заявление лица в органы государственной власти непосредственно или через иных лиц, в устной или письменной форме о совершенном им преступлении, причем до выявления факта или субъекта преступления правоохранительными органами. Как правило, явка с повинной сопровождается чистосердечным раскаянием и признанием своей вины. Если же явившееся с повинной лицо утаивает какие-либо факты, имеющие значение для раскрытия преступления, то не выполняется (в отдельных случаях) второе условие деятельного раскаяния - способствование раскрытию преступления, и, следовательно, лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности по данному основанию.

Добровольность явки с повинной означает, что лицо, совершившее преступление, по собственной инициативе явилось в органы дознания, следствия, прокуратуры, суд или иной орган государственной власти и чистосердечно раскаивается. Побудительными мотивами сделанного виновным заявления могут быть: советы родственников или иных лиц, беседы с работниками правоохранительных органов и

---

[1] См.: Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И.Ляпунова. - М., 1997. С. 486.

т.д. Однако в любом случае заявление делается по собственной воле, причем лицо убеждено в наличии возможности продолжить противоправное поведение.

В случаях, когда органы следствия предлагают подозреваемому оформить явку с повинной, когда им уже стали известны обстоятельства совершенного преступления и лицо задержано в качестве совершившего данное деяние, явка с повинной не может иметь места. Нельзя признать явки с повинной и в случаях, когда виновный заявляет о совершенном преступлении, заведомо зная о своем разоблачении или в момент задержания на месте преступления.

Способствование раскрытию преступления выражается в активном поведении виновного посредством предоставления им органам дознания, следствия или суда информации о преступлении до того им неизвестной (указывает на место нахождения орудий или средств преступления, оказывает помощь в организации и проведении следственных экспериментов, различных экспертиз, предоставляет вещественные доказательства). Такие сведения могут касаться как собственного преступления, так и деятельности соучастников.

Возмещение причиненного ущерба является необходимым условием в случае причинения вреда имуществу или здоровью потерпевшего и представляет собой достаточную компенсацию нанесенного ему ущерба. Она может быть в денежной или иной форме (например, возмещение материального ущерба в натуре, вложение собственных средств совершившего преступление лица в фонды потерпевшего). Здесь имеется в виду компенсация как реально причиненного ущерба, так и упущенной выгоды. Возмещение возможно на любой стадии расследования уголовного дела полностью или частично.

О деятельном раскаянии может свидетельствовать и заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом. Например, интеллектуальным или материальным воздаянием за причиненный

моральный вред (публичное извинение, денежная компенсация), оказание медицинской или иной помощи потерпевшему. Однако вряд ли можно отнести к заглаживанию вреда такие действия виновного, как вызов им "скорой помощи" для пострадавшего в случае, когда сам виновный сразу же скрылся с места преступления, даже не пытаясь оказать первой медицинской помощи потерпевшему.

Деятельное раскаяние и восполнение виновным на момент освобождения нанесенного им ущерба свидетельствует о меньшей общественной опасности этого лица, а также о возможности правильного восприятия им освобождения от уголовной ответственности как мотива к его исправлению.

По смыслу ч. 2 ст. 75 УК, освобождению от уголовной ответственности подлежит лицо, которое впервые совершило преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое, при наличии условий, перечисленных в ч. 1 той же нормы, в случаях специально предусмотренных в статьях Особенной части Уголовного кодекса. Здесь законодатель подразумевает специальные виды освобождения от уголовной ответственности, основание для применения которых составляет не тяжесть совершенного преступления, а, видимо, надежда с помощью таких норм предупредить наступление еще более тяжких последствий (например, использование незаконно хранящегося оружия).

Возможность освобождения от уголовной ответственности выступает в качестве стимула, позитивного поведения лица, готовящегося или намеревающегося совершить преступление. Этот стимул действует, когда между совершением деяния и его вероятными более тяжкими последствиями есть некоторый промежуток времени, в течение которого это лицо может отказаться от совершения преступления (например, при подготовке акта терроризма, в случае участия в незаконном вооруженном формировании и т.п.).

Понятие "деятельное раскаяние" получило закрепление в уголовном законодательстве многих стран. Так, УК ФРГ предусматривает при назначении наказания необходимость учета судом поведения виновного после деяния, в особенности его стремление всесторонне загладить причиненный вред (гл. 2 § 46).[1]

В Бельгии и Нидерландах при наличии признаков деятельного раскаяния (добровольного возмещения ущерба, признания вины) предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за преступления, наказуемые по УК этих стран сроком до шести лет лишения свободы.[2]

Рассматриваемое понятие закреплено и широко используется в уголовном законодательстве Италии для борьбы с организованной преступностью (мафией). Преступнику, проявившему деятельное раскаяние (признавшему свою связь с мафией, вину в совершенном им преступлении и назвавшему сообщников), срок наказания может быть снижен в пять раз, вплоть до освобождения от ответственности. [3]

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо отметить, что "внесудебное урегулирование, основанное на свободном усмотрении клиентуры, должностных лиц и органов, участвующих в правоприменительной деятельности, ныне получает все большее распространение на Западе".[4] В правосудии Англии, Канады, США, Франции, ФРГ и Японии распространен механизм свободного усмотрения при так называемых "сделках о признании вины". Он приводится в действие в подавляющем большинстве случаев возникновения конфликтных ситуаций, когда власть юстиции оказывается неэффективной.

---

[1] См.: Кузнецова Н., Венцель Л. Уголовное право ФРГ. - М., 1980. С. 185.

[2] См.: The legal Scope of non - prosecution in Europe Heu Ni (Helsinki). 1986. N 8. P. 46, 86.

[3] Минна Р. Мафия против закона. - М., 1988. С. 283.

[4] Боботов С.В. Буржуазная юстиция: состояние и перспективы развития. - М., 1989. С. 151.

Основу применения такого механизма составляет преимущественно сугубо личный характер конфликтов между гражданами, который, однако, может служить поводом для уголовного преследования. Такие конфликты никоим образом не затрагивают государственные или широкие общественные интересы. Разбирательство же в подобных случаях может увеличить нагрузку и на без того перегруженные суды. Удовлетворение истца путем возмещения до суда виновной стороной нанесенного ущерба, ее деятельное раскаяние, позитивное постпреступное поведение, влечет за собой прекращение прокурором дела с "беспоследственным" освобождением лица от ответственности за правонарушение.

Указанный подход представляется более эффективным в исправлении лица, совершившего преступление небольшой тяжести, чем применение к нему наказания. Эффективность такой внесудебной юридической практики еще выше, если согласие на возмещение, позитивное постпреступное поведение имели место вне суда и до него путем посредничества третьей стороны.[1] Приведенный порядок решения вопроса об ответственности согласно договору (сделке) защиты и обвинения о признании вины не отрицается на Западе никем из серьезных юристов, ученых и практиков.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим известно российскому праву с давних времен. В период, когда уголовная ответственность носила еще частно-исковой характер было широко распространено примирение с обидчиком, зависящее всегда от обиженной стороны. Однако это могло происходить не по всем видам преступлений. Так, в Пековской Судной Грамоте, как мы ранее упоминали, говорилось: "А кромскому татю, и коневому и переветнику и зажигальщику тем живота не дати".

---

[1] См.: Боботов С.В. Указ. раб. С. 151 - 166.

В процессе исторического развития со все большим приобретением с развитием государства уголовной ответственностью, публично-принудительного характера возможность примирения, предусматривалась законом все реже и реже. В период Петра 1 оно уже применяется лишь в исключительных случаях по преследуемым и наказуемым преступлениям при наличии заявления потерпевшего. Прослеживается это и в последующих нормативных актах, действовавших в России до октября 1917 г.

В законе предусматривалось прекращение уголовного преследования в виду примирения сторон "по частным преступным деяниям" во всех фазисах его течения и даже, как ясно следует из прямого смысла ст. 157 Уложения (о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. - А.М.), до самого начала фактического исполнения приговора, то есть и после вступления приговора в законную силу (Улож. ст. 157, Мир. Уст. ст. 20). Кроме того, неприбытие в суд частного обвинителя или его поверенного, без законных на то причин, признается отречением от уголовного иска и имеет последствием прекращения дела (ст. 593 Уст. Угол. Судопроизводства).

Примирение могло иметь в своей основе разного рода мотивы: "- как прощение в тесном смысле, так и соглашение с виновным на почве полученного вознаграждения; своеобразно этому примирение с одним из участников не может оказывать никакого влияния на прочих".[1]

Н.С.Таганцев отмечал, что примирение по своей сущности близко к условиям, устраняющим наказуемость, "хотя и в нем существенное значение имеет процессуальная сторона". Он видел важность примирения по делам частного вменения в том, что "государство признает в этих делах такое значение за частными интересами постра-

---

[1] Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Часть Общая: Пособие к лекциям. - Спб., 1887. С. 434; та же работа, 9-е изд-е. - Спб., 1911. С. 377.

давшего, что считает примирение нормальным их исходом поэтому мировой судья по делам, которые оканчиваются примирением, обязан склонять стороны к миру и только в случае неуспеха приступает к постановлению приговора".

Производство могло быть окончено примирением по преступлениям: "против брачного союза, любострастные деяния, любодеяния и, сверх того, дела об оскорблениях правительственных установлений и должностных лиц, а равно учиненные за границей преступления, которыми виновный посягнул на права иностранного государства или иностранцев".[1]

В советский период возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон предусматривалась лишь процессуальным правом. В частности, УПК РСФСР 1960 г., еще продолжающий действовать на территории Российской Федерации, в п. 6 ст. 5 установил, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбуждённое подлежит прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего. Статья 27 УПК РСФСР к таким делам относит дела об умышленном легком телесном повреждении или побоях, клевете без отягчающих обстоятельств и оскорблении, т.е. так называемые дела частного обвинения. Примирение допускается только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Здесь возникает резонный вопрос: не является ли излишним, ввиду наличия в УПК рассмотренной нами нормы, введение в новое уголовное законодательство специальной статьи об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим? "Целесообразность существования указанных уголовно-процес-

---

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: Лекции Т. 2. - М., 1994. С. 336, 337.

суальных норм, - отмечает А.В.Наумов, - не вызывает сомнения. Однако освобождение от уголовной ответственности в соответствии только с процессуальными нормами лишает такое освобождение материального, т.е. уголовно-правового, основания. В связи с этим следует признать правильной позицию законодателя, сформулировавшего в новом УК РФ уголовно-правовой вид освобождения от уголовной ответственности".[1]

Наличие в УК РФ (ст. 76) рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности является свидетельством уважительного отношения законодателя к интересам потерпевшего и соответствует цели восстановления социальной справедливости.[2] Эта цель поставлена в законе на первое место среди других целей наказания (см. ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Благодаря возможности такого освобождения потерпевший во многом выигрывает в результате взаимодействия с преступником и правоохранительными органами.[3] Конечно, это так, если потерпевший полагает, что попранная преступлением в отношении него социальная справедливость будет восстановлена, если виновный принесет ему свои извинения, возвратит похищенную вещь, возместит материальный или моральный ущерб, восстановит поломанное имущество и т.д.

Применение освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим дает возможность разрешить конфликтную ситуацию между пострадавшим и лицом, совершившим преступление без дополнительных условий, с меньшими процессуальными и моральными затратами.

---

[1] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть.- М., 1996. С. 454.

[2] См.: Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: новые идеи. - М., 1994. С. 80 - 81.

[3] См.: Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. - Баку, 1992. С. 173.

В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при наличии следующих оснований: а) совершение преступления впервые; б) это преступление небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ); в) *лицо примирилось с потерпевшим*; г) *лицо* загладило причиненный потерпевшему вред.

Примирение означает добровольное взаимное согласие между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим о мирном (компромиссном) разрешении уголовного дела. При этом процессуально оформляется отказ потерпевшего от своих первоначальных претензий и требований к виновному, от просьбы привлечь его к уголовной ответственности (если уголовное дело еще не возбуждалось) или просьбу прекратить уголовное дело, возбужденное по его заявлению.

Заглаживание причиненного потерпевшему вреда выражается в полном возмещении морального, физического или имущественного ущерба тем или иным способом (денежная компенсация, возмещение материального ущерба в натуральном выражении, предоставление потерпевшему достаточных гарантий возмещения вреда в оговоренные сроки и т.д.).

Освобождение от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки имеет глубокие предпосылки в российском уголовном праве, но в основном сформировалось в нем как правовой институт после октября 1917 г.

В законодательстве советского периода, рассматриваемый вид освобождения формулировался по-разному. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР в ст. 16 устанавливали основанием освобождения от уголовной ответственности "исчезновение условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялось опасным для данного строя". УК РСФСР 1926 г. считало в ст. 8 основанием "изменение социально-политической обстановки", а УК РСФСР 1960 г. в ч. 1 ст. 50 - просто "изменение обстановки", без каких-либо разъяснений. Аналогичная формулировка и в ст. 77 УК РФ

1996 г. "Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки".

Статья 77 УК РФ предусматривает, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными. Для освобождения от уголовной ответственности по ст. 77 УК необходима хотя бы одна из этих предпосылок.

Если деяние перестает быть общественно опасным, оно утрачивает этот свой материальный признак. Формальный же признак - уголовная противоправность - остается. В такой ситуации основания уголовной ответственности не устраняются. Соответственно целесообразно освобождение виновного от ответственности за уже утратившее общественную опасность деяние, поскольку в изменившихся условиях можно не опасаться повторного совершения аналогичных действий. Если же деяние осталось общественно опасным, но ко времени рассмотрения дела лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным, то и в этом случае привлечение его к уголовной ответственности также не имеет смысла, поскольку нет необходимости в его исправлении мерами государственного принуждения в виде наказания.

В отличие от ч. 1 ст. 50 УК РСФСР, ст. 77 УК РФ 1996 г. исключает возможность освобождения от уголовной ответственности, вследствие изменения обстановки лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Следует отметить, что в литературе по проблемам права рассматриваемое основание освобождения лица от уголовной ответственности трактуется как существенные изменения в социальных условиях, при которых преступления небольшой и средней тяжести в пределах страны или ее региона утратили к моменту их совершения

общественную опасность.[1] Такие изменения очень редки, а потому и практика применения указанного вида освобождения от ответственности носит исключительный характер. Изменения в социальной сфере не зависят от воли и сознания виновного лица, они касаются всех граждан государства или всех жителей определенного региона (района), т.е. являются объективными.

Изменение обстановки в смысле ст. 77 УК РФ должно, на наш взгляд, пониматься более четко: оно выражается в исчезновении тех особых условий места и времени, лишь при наличии которых деяние признается преступным. Например, факт незаконной охоты в заповеднике перестает быть общественно опасным, а привлечение виновного в этом лица к уголовной ответственности не будет отвечать ее целям, если на момент расследования или рассмотрения дела в суде любительская охота в данном заповеднике будет официально разрешена вследствие размножения какого-либо вида животных.[2]

Однако такие случаи надо отличать от тех, когда действия лица не преступны уже в момент их совершения. Например, исходя из смысла ч. 2 ст. 14 УК РФ совершенное кем-либо деяние, хотя и содержит признаки того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не является преступлением. Данный факт сам по себе вообще исключает уголовную ответственность лица и речи о применении к нему ст. 77 УК быть не может.

Другое, предусмотренное ст. 77 УК РФ основание, когда лицо перестало быть общественно опасным вследствие изменения обстановки, чаще встречается в следственной практике органов внутренних

---

[1] См.: Курс советского уголовного права. - Л., 1970. Т. 2. С. 406 - 407; Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. - М., 1974. С. 95.

[2] См.: Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел. - М., 1987. С. 52 - 53.

дел. В отличие от предыдущего, это основание относится не только к условиям, не зависящим от виновного в совершении преступления, но и к личностным качествам этого субъекта, которые могут влиять на его дальнейшее поведение.

Практика органов внутренних дел показывает, что в данном случае условиями для освобождаемых от уголовной ответственности лиц обычно признаются: призыв на действительную воинскую службу; увольнение с работы, где была возможность для совершения преступления; истечение продолжительного периода времени со дня совершения преступления (но не свыше срока давности); реорганизация, закрытие предприятия, повлекшие переход на другую работу; добровольное изменение места жительства с целью порвать с преступной средой; изменение характера работы (при совершении преступления по службе) и даже осуждение за другое преступление к лишению свободы.

Ощутимое влияние указанных условий на конкретных лиц нередко приводит к позитивным изменениям их индивидуальных качеств. Это позволяет правоприменительным органам судить о том, насколько *данные лица внутренне изменились и способны ли впредь не совершать* преступлений.[1] Следовательно, здесь уясняется, насколько для общества они могут быть опасны и целесообразно ли для их исправления применение каких-либо мер воздействия.

Кроме изменения обстановки, закон предусмотрел и два других условия применения освобождения от уголовной ответственности по ст. 77 УК: совершение лицом преступления впервые, и деяние должно быть небольшой или средней тяжести.

Таким образом, основаниями или условиями освобождения от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки являются:

1) небольшая или средняя тяжесть совершенного преступления;

---

[1] См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. - М., 1985. С. 48.

2) совершение преступления впервые;

3) нецелесообразность применения уголовного преследования к лицам, деяние которых или они сами, в силу объективных или субъективных причин, утратили общественную опасность.

Освобождение от уголовной ответственности по истечении срока давности совершенного преступления. За продолжительный период времени со дня такого события существенно изменяются не только социальные условия в государстве и жизнь каждого человека, но и общественная опасность данного деяния и личности преступника, если виновный не совершил нового преступления и не уклоняется от следствия и суда. Применение наказания в таких случаях становится нецелесообразным. Поэтому уголовная ответственность лица прекращается, если с момента совершения преступления истекли сроки давности, установленные законом (ст. 78 УК РФ).

Продолжительность каждого конкретного срока давности зависит от степени общественной опасности различных категорий преступлений. Чем опаснее преступление, тем продолжительней срок давности. Статья 78 УК устанавливает четыре различных срока давности: два года, шесть, десять, пятнадцать лет.

Кроме того, уголовное законодательство содержит положение, согласно которому вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом. Если суд не сочтет возможным освободить указанное лицо в связи с истечением сроков давности, уголовная ответственность не прекращается и к нему применяется любое другое наказание кроме смертной казни и пожизненного лишения свободы, (ч. 4 ст. 78 УК РФ).[1]

---

[1] См.: Наумов А.В. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности // Сов. юстиция. 1976. N 20. С. 11.

Освобождение лица от уголовной ответственности по ст. 77, при котором к виновному не применяется никаких мер воздействия, зависит от усмотрения правоприменительных органов, от изменившейся обстановки после совершения преступления (но, как отмечалось, за меньший период, чем срок давности). Прекращение же уголовной ответственности по истечении сроков давности на основании ст. 78 УК не требует чьего-либо усмотрения.

В судебной практике и в теории уголовного права длительное время идут споры об уголовно-правовых последствиях безусловного освобождения от уголовной ответственности. Решение этого вопроса имеет важное практическое значение для квалификации и применения наказания при совершении лицом, уже претерпевающим последствия безусловного освобождения от уголовной ответственности, нового преступления.

Как известно, лицо окончательно освобождается от уголовной ответственности в момент утверждения соответствующего постановления. Независимо от последующего поведения лица пересмотр дела невозможен, поскольку с момента освобождения от уголовной ответственности права и обязанности субъектов уголовно-правового отношения реализованы, и оно прекращает свое существование. Если в дальнейшем не будут выявлены обстоятельства, указанные в п. 2 ст. 211, ст. 372, 379, 384 УПК РСФСР, возможность привлечения лица к уголовной ответственности за ранее совершенное деяние исключается, а вновь совершенное им преступление нельзя считать повторным.

Это мнение подтверждается руководящими разъяснениями высших судебных органов. В частности, пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 сентября 1978 г. (с изменениями от 26 апреля 1984 г.), посвященного практике применения судами освобождения от уголовной ответственности, указывает: "В случае освобождения лица от уголовной ответственности ... факт совершения им деяния, содержащего признаки

состава преступления, ... не может служить основанием для признания повторным нового преступления".[1]

Однако существует и другое руководящее разъяснение высшего судебного органа России. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу С. указала, что лицо, освобожденное от уголовной ответственности, может быть за те же действия привлечено к ней в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности.[2]

Нет единого мнения по рассматриваемому вопросу и в науке уголовного права. Одни авторы полагают, что если по предшествующему деянию, в связи с которым имело место освобождение от уголовной ответственности, не истекли сроки давности, то вновь совершенное преступление должно квалифицироваться как повторное. Это, с их точки зрения, необходимо закрепить в законодательстве.[3]

Более правильным представляется мнение других ученых, которые утверждают, что факт освобождения от уголовной ответственности должен иметь юридическое значение не в пределах уголовного

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1979. N 5; 1984. N 4. По данному вопросу также см.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1979. N 4. С. 19; 1973. N 2. С. 11.

[2] См.: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938 - 1978 / Сост. С.В.Бородин и Г.А.Левицкий. - М.,1980. С. 89.

[3] См.: Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. С. 17; Фефилова В.Ф. Преступление и проступок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1977. С. 12; Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений: структура, связи прогнозирование. - Харьков, 1980. С. 7 - 8; Песлякас В.Ч. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Харьков, 1980. С. 15; Виттенберг Г.Б. Совершенствование законодательства о наказании // Сов. государство и право. 1980. N 6. С. 77 - 79.

права, а лишь в рамках тех мер, которым подвергается освобожденное от нее лицо.[1] Эта точка зрения соответствует правовой природе тех оснований освобождения от уголовной ответственности, которые по своему характеру являются безусловными.

В современном российском уголовном законодательстве не предусмотрено применение каких-либо мер воздействия при безусловном освобождении от уголовной ответственности. Следовательно, речь здесь можно вести лишь об уголовно-правовом значении освобождения. Как отмечалось, мы придерживаемся мнения, согласно которому совершение безусловно освсбожденным от уголовной ответственности нового преступления не должно рассматриваться как неоднократность (повторность) в ее квалифицирующем значении (уголовно-правовом смысле).

Представляет интерес также позиция Пленума Верховного Суда СССР по вопросу отягчающих обстоятельств, отраженная в его постановлении "О порядке применения судами общих начал назначения наказания" от 29 июня 1979 г. Пленум разъяснил: "Совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, не может рассматриваться в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, если в отношении первого преступления истек срок давности привлечения к уголовной ответственности, снята или погашена в установленном порядке судимость, либо законом устранена наказуемость деяния, которое лицо совершило в прошлом, а также в случаях, когда за совершенное ранее преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности."

---

[1] См.: Сидорова Н., Семернева Н. Квалификация повторных преступлений // Сов. юстиция. 1976. N 14. С. 4; Наумов А.В. Правовые последствия освобождения виновных от уголовной ответственности. С. 11; Алиев Н.Б. Повторность и рецидив преступлений по советскому уголовному праву. - Махачкала, 1978. С. 50; Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. - Казань. 1982. С. 32.

Следовательно, в судебной практике превалирует позиция, согласно которой безусловное освобождение от уголовной ответственности означает полную реализацию прав и обязанностей субъектов уголовно-правового отношения. Поэтому и преступление, совершенное после освобождения от уголовной ответственности, не может считаться повторным.

§ 3. Условное освобождение от уголовной ответственности

Действующее уголовное законодательство в ст. 90 УК РФ предусматривает возможность условного освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних правонарушителей.

В соответствии со ст. 90 УК несовершеннолетний, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление возможно достичь путем применения принудительных мер воспитательного характера. Такими мерами являются: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

В случае систематического неисполнения несовершеннолетним примененной к нему принудительной меры воспитательного воздействия она по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Такое содержание ч. 4 ст. 90 УК свидетельствует, что освобождение несовершеннолетнего на основании этой статьи фактически носит условный характер.

Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением к ним альтернативных наказанию принудительных мер воспитательного характера (воздействия) известно российскому законодательству давно.

Так, декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г "О комиссиях для несовершеннолетних" устанавливал, что "суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются, а дела о несовершеннолетних до 17 лет, замеченных в деяниях общественно опасных подлежат ведению комиссии о несовершеннолетних". Декрет фактически ввел в уголовное право идею исправления несовершеннолетнего, совершившего преступление, прежде всего мерами воспитательного характера. В последствии она воплотилась в советском уголовном законодательстве при определении пределов ответственности лиц в возрасте до 18 лет.

"Руководящие начала" по уголовному праву РСФСР 1919 г. в ст. 13 предусмотрели, что подростки в возрасте до 14 лет не подлежат суду и наказанию и к ним должны применяться лишь воспитательные меры (приспособления). Аналогичные меры воздействия определялись и для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, "действовавшим без разумения". В случаях же, когда они "действуют с разумением", т.е. сознавая общественную опасность своих действий, то к ним должны применяться меры уголовного наказания. Право решения этого вопроса принадлежало суду.

К 1920 г. на территории РСФСР стало появляться все больше комиссий по делам несовершеннолетних. В законодательстве детально были определены применяемые ими меры. Декрет СНК РСФСР "О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях" от 4 марта 1920 г. повысил пределы возраста несовершеннолетних, дела о которых подлежали рассмотрению на комиссиях, до 18 лет. Согласно ст. 4 декрета эти комиссии имели право передавать в суд дела лиц в возрасте 14 - 18 лет только в том случае, если меры медико-педагогического воздействия не оказали должного влияния.

Перечень мер медико-педагогического характера содержался в инструкции, утвержденной в 1920 г. постановлением Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомюста РСФСР. Комиссии по ней наделялись широкими полномочиями, благодаря которым они сыграли важную роль в первые годы советской власти в ликвидации беспризорности и предупреждении преступности среди несовершеннолетних. И это, несмотря на то, что комиссии по делам несовершеннолетних действовали в основном на общественных началах.

В период с 1925 по 1931 гг. большинство дел на правонарушителей в возрасте до 18 лет рассматривалось комиссиями по делам несовершеннолетних. В суды передавалось около 10% дел.[1]

Затем, вплоть до принятия в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в 1960 г. УК РСФСР, отмечалось ужесточение уголовной ответственности несовершеннолетних. Это проявилось в снижении возраста ответственности до 12 лет, ограничении практики применения мер воспитательного воздействия к преступникам - подросткам и т.д. Лишь Основы и УК РСФСР четко определили возраст уголовной ответственности: общий - с 16 лет и понижение его до 14 лет, ограниченный конкретным перечнем преступлений, указанных в ч. 2 ст. 10 УК РСФСР. В нем были названы такие деяния, общественная опасность которых понятна лицам, достигшим 14-летнего возраста (убийство, разбой, кража и т.д.).

Основы 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. сохранили в уголовном законодательстве возможность освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних правонарушителей с применением к ним принудительных мер воспитательного характера (воздействия). Длительный период реализации на практике борьбы с преступностью

---

[1] См.: Утевский Б.С. Несовершеннолетние правонарушители. - М. - Л., 1932.

возможности применять такие меры к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой опасности (тяжести), показал, что эти меры достаточно эффективно способствуют, вместо наказания, исправлению подростков-правонарушителей.

Исследования ученых свидетельствуют о том, что причины и характер преступности несовершеннолетних прежде всего связаны с их возрастными особенностями. Мотивы совершения преступлений подростками не имеют стойкой антиобщественной направленности, чаще всего они совершают преступления из озорства, в поисках развлечений, из-за неправильного понимания дружбы и т.п. Сознание, воля и психика несовершеннолетнего еще не сформировались, и они не всегда в полной мере могут оценить свои действия и их последствия в соответствии с конкретной ситуацией.[1]

Психологи обращают внимание на то обстоятельство, что неуравновешенность характера, повышенная эмоциональность, склонность к подражанию, желание утвердиться нередко приводят подростков к преступлениям. В силу этих причин преступления несовершеннолетних, даже отнесенные к категории тяжких, не всегда представляют большую общественную опасность.[2]

В связи с этим высшие судебные инстанции в своих решениях и руководящих разъяснениях требуют от судов, чтобы наказание несовершеннолетних прежде всего было подчинено цели исправления и предупреждения совершения ими новых преступлений. Обращается внимание судов на необходимость исключения случаев необоснованного назначения им лишения свободы за преступления, не представ-

---

[1] См.: Миньковский Г.М. Профилактика правонарушений среди молодежи. - Киев, 1985. С. 8; Гуковская Н.И., Долгова А.И., Миньковский Г.М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. - М., 1974. С. 8 - 29.

[2] См.: Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности // Сов. государство и право. 1971. N 3. С. 87.

ляющие большой общественной опасности, если исправление подростков может быть достигнуто без изоляции от общества.

Согласно ст. 90 УК РФ освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия возможно при наличии следующих взаимосвязанных условий:

1) несовершеннолетие преступника;

2) совершение преступления впервые;

3) совершение преступления небольшой или средней тяжести;

4) признание судом возможности достижения цели исправления несовершеннолетнего правонарушителя путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия.

Несовершеннолетними по уголовному закону (ч. 1 ст. 87 УК РФ) признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

Признание судом возможности достижения цели исправления несовершеннолетнего правонарушителя за счет примененных к нему вместо наказания принудительных мер воспитательного воздействия связано с учетом ряда обстоятельств. Прежде всего это характер общественно опасного деяния, совершенного несовершеннолетним. Он оценивается исходя из важности объекта посягательства, степени его завершенности, роли участия в нем несовершеннолетнего, размера причиненного вреда и т.д.

Следующее обстоятельство - характеристика личности преступника. При этом учитываются данные, свидетельствующие о том, что он впервые совершил преступление, не имеет глубоких дефектов правосознания, в целом положительно характеризуется педагогами и по месту жительства. Принимается во внимание, что преступление совершено вследствие неблагоприятных для подростка обстоятельств, что он не вышел из-под контроля родителей или лиц, их заменяющих, не страдает алкогольной либо наркотической зависимостью.

Большинство преступлений несовершеннолетних (до 80%) не имеет повышенной общественной опасности: это преимущественно кражи и хулиганство. Тяжкие же преступления, как убийства, причинение опасных для жизни или здоровья повреждений, разбои, изнасилования суммарно составляют в общем числе преступности несовершеннолетних не более 20%. Совершаются они обычно под влиянием других, как правило, взрослых лиц.[1]

Исследование, проведенное нами, косвенно подтверждает этот вывод. Деяния, при которых несовершеннолетние освобождаются от уголовной ответственности, в основном характеризуются незначительностью наступивших вредных последствий либо их предотвращением.

Например, в правоприменительной практике органов внутренних дел г. Саратова за 1993 г. из 266 уголовных дел по несовершеннолетним в 37 случаях было принято решение об освобождении от уголовной ответственности. В 18 из них размер санкций в виде лишения свободы (по УК РСФСР 1960 г.) за совершенные общественно опасные деяния составлял: в одном случае - до 8 лет; в шести - до 7 лет; в пяти - до 6 лет; в трех - до 5 лет; в трех - до 3 лет. В остальных 19 случаях санкции за совершенные подростками уголовно наказуемые деяния не превышали 2-х лет лишения свободы.

Следовательно, в практике органов внутренних дел несовершеннолетние освобождаются от уголовной ответственности при совершении ими не только преступлений, граничащих по своей опасности с менее тяжкими (средней тяжести), но нередко и деяний, относящихся по степени опасности к тяжким преступлениям. В этих случаях правоприменительные органы поступали неправильно. Такой подход не вытекал из действовавшего в тот период УК 1960 г. и нарушал

---

[1] См.: Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. - М., 1989. С. 264.

его требования (ч. 3 ст. 50 УК РСФСР). В них указывалось на возможность освобождения от уголовной ответственности только при совершении деяния, содержащего признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности (небольшой тяжести).

Изложенное подтверждает правильность подхода законодателя, определившего в УК РФ 1996 г., видимо не без учета практики, возможность освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления как небольшой, так и средней тяжести (ст. 90).

Определению возможности исправления несовершеннолетнего, совершившего впервые преступление небольшой или средней тяжести преступление, во многом способствует учет совокупности объективных и субъективных свойств, характеризующих личность подростка как не представляющую большой общественной опасности.

Среди обстоятельств, позволяющих сделать вывод о небольшой степени общественной опасности несовершеннолетнего, совершившего преступление, необходимо учитывать: условия его жизни и воспитания, моральный климат в семье, отношение к учебе или работе, поведение по месту жительства, мотив совершения преступления, признание им вины, чистосердечное раскаяние. Важно учитывать и психофизические особенности его личности.[1]

Мы согласны с утверждением С.Г.Келиной, что в оценке личности несовершеннолетнего правонарушителя важную роль играет его возраст. Несовершеннолетие придает особое значение совершенному деянию, "свидетельствуя о низкой степени общественной опасности личности, она ... приобретает гораздо больший юридический вес", чем при других видах освобождения.[2]

---

[1] На это указывают многие авторы. См., например, Антонян Ю., Бородин С. Изучение правонарушителей с психическими аномалиями // Соц. законность. 1985. N 2. С. 52.

[2] Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. С. 113.

По данным выборочного исследования, при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности среди обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, учитывалось: положительное поведение несовершеннолетнего до совершения преступления (63%); совершение преступления впервые (55%); чистосердечное раскаяние (38%); отсутствие судимости (84%); возмещение причиненного ущерба (18%); явка с повинной, признание вины, активное способствование раскрытию преступления (5%).[1]

В целом, решение вопроса о том, обладает ли личность несовершеннолетнего небольшой общественной опасностью, зависит от всестороннего ее изучения. Здесь важную роль играет сбор соответствующей информации от учебных и трудовых коллективов, общественных организаций, комиссий, а также инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, если подросток состоял на их учете. Именно сведения, собираемые с участием такого широкого круга субъектов "и всесторонне характеризующие подростка, виновного в совершении преступления, имеют важное значение при решении вопроса, надо ли предавать его суду или можно ограничиться мерами воздействия, заменяющими уголовное наказание".[2]

Предоставляемая в ст. 90 УК РФ возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия имеет важное значение. Это позволяет на законодательном уровне своевременно исправлять допущенные на практике ошибки, когда данный вид освобождения оказался неэффективным для конкретного подростка.

Однако главное преимущество условного освобождения состоит в том, что оно (в отличие от безусловного) не является окончатель-

---

[1] См.: Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.В.Наумова. - М., 1994. С. 436.

[2] См.: Кожевникова А.П., Миньковский Г.М. Предупреждение правонарушений среди молодежи. - М., 1971. С. 66.

ным и позволяет организовать в определенный судом период воспитательную работу с виновным. Освобождение от ответственности под условием оказывает дисциплинирующее воздействие на освобожденных, стимулирует и ориентирует их на должное поведение. При этом несовершеннолетние знают, что в случае невыполнения ими предъявляемых к ним требований наказание станет для них реальным.

Так, ч. 4 ст. 90 УК устанавливает возможность возврата к привлечению к уголовной ответственности для освобожденного от нее лица, систематически неисполняющего примененную к нему принудительную меру воспитательного воздействия. Под этим надо "понимать либо многократное (более двух) уклонение от явки для объявления предупреждения, либо от обязанности загладить причиненный вред в пределах установленного разумного срока; а равно многократное (более двух раз) существенное нарушение обязанностей, которое вытекает из п. "б" или "г" ч. 2 комментируемой статьи".[1]

В отличие от безусловного, условное освобождение никогда не может породить мнение о всепрощении, безнаказанности преступников, о несправедливости подобного акта. Обязанность лица исправиться и подтвердить это своим поведением является не атрибутом, а смыслом условного освобождения от уголовной ответственности. Применение данного правового института - не прощение содеянного и преступника, а одно из средств борьбы с преступностью. При этом постоянный контроль и надзор за поведением условно освобожденных несовершеннолетних, помимо дисциплинирующего, оказывает и общепредупредительное воздействие.

Для рассматриваемого вида освобождения положительным является и то обстоятельство, что законодатель, закрепив в ст. 90 УК перечень принудительных мер воспитательного воздействия, исходит

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой. - М., 1998. С. 195.

из принципа индивидуализации ответственности. При этом закон предоставляет возможность назначения виновному одновременно любой совокупности таких мер (ч. 3 ст. 90). Данный подход законодателя позволяет суду в каждом конкретном случае определить, исходя из характера и степени общественной опасности совершенного несовершеннолетним преступления и его личности, объем необходимого принудительно-воспитательного воздействия на виновного.

Положительным представляется и установление УК РФ (ст. 90) того, что назначение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, освобожденным от уголовной ответственности, является компетенцией суда. Однако закон фактически предоставляет право на принятие решения о применении этих мер и следователю, и прокурору. Окончательно данный вопрос разрешится, видимо, в новом УПК Российской Федерации.

В определенной мере единственным недостатком норм об освобождении несовершеннолетних правонарушителей от уголовной ответственности является, на наш взгляд, отсутствие в законе указания на продолжительность срока состояния несовершеннолетнего под надзором и ограничения его досуга. По логике содержания статей 90 и 91 УК РФ, длительность такого срока определяется специализированным органом государства, исполняющим принудительные меры воспитательного характера. Это, по нашему мнению, не совсем правильно.

Как представляется, в законе необходимо указать хотя бы на минимальные и максимальные сроки, в пределах которых назначение и применение указанных мер воздействия можно индивидуализировать, исходя из конкретных обстоятельств дела. Решение такого серьезного вопроса нельзя отнимать у суда. В ином случае возможны грубые нарушения законности.

Мы полагаем, что оптимальным сроком для реализации названных мер воздействия должен быть один год. В течение года вполне

возможно решить вопросы о возобновлении (завершении) учебы, устройстве на работу данного подростка, об установлении над ним опеки, попечительства и т.п. Затем можно сделать обоснованный вывод об исправлении подростка либо его стремлении уклониться от исполнения возложенной на него меры. Закрепление в законе четких, единых для правоприменяющих органов страны, сроков действия указанных мер особенно важно сейчас, когда УК РФ 1996 г. перевел освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия из разряда безусловного в условное.

Сохраняющаяся в законе возможность досудебного освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних вызывает у многих несогласие. Однако в мировой практике досудебное решение вопросов ответственности несовершеннолетних широко распространено. По этому поводу VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с преступниками (Милан, Италия, 1985 г.) принята даже специальная рекомендация. Она гласит: "При рассмотрении дел о несовершеннолетних следует по возможности не прибегать к официальному разбору дела компетентным органом власти. Полиция, прокуратура или другие органы, ведущие дела несовершеннолетних, должны быть уполномочены принимать решения по таким делам по своему усмотрению без проведения официального слушания дела".

На наш взгляд, возможность досудебного разрешения вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних в указанных законом случаях целесообразно сочетать с системой специальных судов для данной категории лиц. Система таких судов давно апробирована и действует во многих странах. Введение их в России предусмотрено судебной реформой. Указанный подход позволит более гуманно и справедливо решать проблемы ответственности подростков.

§ 4. Проблема совершенствования института освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном законодательстве

Необходимость решения проблемы ответственности за нетяжкие преступления возникает так или иначе во всех странах. "Суть ее, - отмечает С.Г.Келина, - состоит в том, что, с одной стороны, такого рода деяния не настолько малочисленны, чтобы законодатель мог их декриминализировать, а с другой стороны, большая часть исполнителей этих преступлений не нуждается в принудительном исправлении путем назначения им меры наказания".[1]

Поэтому почти во всех развитых странах выработались определенные подходы к решению рассматриваемой проблемы. Здесь можно выделить два основных направления. Первое - широкое применение института досудебного освобождения от уголовной ответственности, когда освобожденное от нее лицо не несет никаких правовых последствий; второе - освобождение от уголовной ответственности как до суда, так и в определенных законом случаях судом, при котором для освобожденного от нее лица возникают вместо наказания правовые последствия в виде альтернативных мер воздействия. Последнее практикуется преимущественно в тех странах, где процесс декриминализации широкого применения не нашел.

В 1990 г. в Гаване (Куба) на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с преступниками отмечалось, что характерной особенностью современных систем правосудия является "процесс убывания" уголовных дел в связи с их прекращением в досудебных стадиях. Были приведены следующие показатели. Только в ФРГ за 1980 г. число лиц, подозреваемых в совершении преступлений, было равно 2313 на 100 тыс. населения, а число осужденных -

---

[1] Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: новые идеи. С. 73.

1190, т.е. почти 50% остальных лиц была освобождена от ответственности на досудебных стадиях. Такие же данные по Польше составили, соответственно, 667 и 467 на 100 тыс. населения. Подобные показатели были характерны и для других стран.[1]

Представляет интерес зарубежный опыт реализации правового института освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления небольшой опасности. Подходы к определению его субъектов, практическому осуществлению, правовому обеспечению здесь различны.

Так, УК Австрии право прекратить дело, не доводя его до суда, и вынести (с согласия следственного судьи) постановление об освобождении лица, совершившего преступление небольшой опасности, от ответственности, без наступления для него каких-либо правовых последствий предоставляет прокурору. Аналогичное право имеет и суд, производящий расследование, если обвинитель отказался от уголовного преследования или разъяснил, что более не имеет к тому оснований (ст. 42). Во всех остальных случаях "беспоследственное" освобождение от ответственности с прекращением дела без процедуры судебного разбирательства, возможно только по решению совещательной палаты или суда второй инстанции (ст 109 УПК Австрии). Основанием прекращения дела "беспоследственным" освобождением от ответственности, всегда является небольшая опасность преступления и лица, его совершившего.[2]

В Нидерландах действует принцип: уголовное дело не возбуждается по ряду оснований, в том числе и по тем соображениям, что "это противоречило бы интересам потерпевшего". Руководствуясь данным принципом, прокурор решает возбуждать или не возбуждать вообще уголовное дело по письменным материалам, поступившим из

---

[1] См.: Келина С.Г. Указ. раб. С. 73 - 74.

[2] См.: Бутов В.Н. Уголовный процесс Австрии. - Красноярск, 1988. С. 92 - 95.

полиции. Если речь идет об имущественном преступлении, совершенном членом семьи или другими родственником потерпевшего, дело, как правило, не возбуждается, и лицо подвергается "беспоследственному" освобождению от ответственности.[1]

Родственные отношения, в соответствии со ст. 12 гл. 9 и ст. 10 гл. 10 УК Швеции, также считаются основанием "беспоследственного" досудебного освобождения от уголовной ответственности.

В Норвегии создаются специальные "конфликтные советы" для заключения соглашения о добровольном возмещении вреда по делам об имущественных преступлениях между несовершеннолетним преступником и потерпевшим. Если вред возмещен и стороны примирились, подросток-правонарушитель правоприменительными органами еще до суда освобождается от уголовной ответственности.[2]

УК Бельгии также предусматривает невозбуждение уголовного дела и досудебное "беспоследственное" освобождение от ответственности при родственных отношениях сторон по делам о совершении кражи (ст. 462) и мошенничества, злоупотреблении доверием (ст. 470, 491, 496) и даже если лицом оказывалась помощь при побеге из тюрьмы (ст. 335).

Расширить право потерпевшего, настаивать на примирении сторон и прекращении уголовного дела по этому основанию намерены и составители нового УК Финляндии. При этом они полагают, что "беспоследственное" досудебное освобождение от уголовной ответственности должно касаться нападений, посягательств на достоинство личности, некоторых половых, а также имущественных преступлений, совершаемых в семье, в том числе и несовершеннолетними.[3]

---

[1] См.: Келина С.Г. Указ. раб. С. 74.

[2] См.: Корнилз К. Современные тенденции развития уголовной политики в странах Северной Европы // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт. - Красноярск, 1989. С. 108.

[3] См.: Келина С.Г. Указ. соч. С. 72, 74, 82.

Существенный интерес представляют положения уголовного законодательства ФРГ, направленные на сбалансирование "уголовного права деяния" и "уголовного права деятеля". Последнее к периоду начала 70-х годов значительно превуалировало над первым. В ходе реформы уголовного законодательства (1969 - 1974 гг.) решено было избавиться от дуализма, который "выражался в том, что предпосылки наказуемости определялись на основе "уголовного права деяния", а правовые его последствия - на основе "уголовного права деятеля" ... . Таким образом, преступление являлось только "симптомом", характеризующим личность преступника".[1]

Выход из сложившегося положения был найден. Законодатель включил в УК ФРГ нормы, способствующие реализации обоих направлений уголовного права на основе компромисса и исходя из концепции целей правового государства. В результате было признано, что "основание уголовно-правовой ответственности состоит в справедливом и одновременно эффективном уголовном праве. Поэтому всегда должны учитываться как тяжесть совершенного деяния, так и личность деятеля. Вопрос о том, какая точка зрения будет доминировать в том или ином случае, может решаться по-разному в зависимости от различий, касающихся правовых традиций и криминально-политических целей, преследуемых тем или иным правопорядком. Однако каждый правопорядок ставит перед собой задачу уравнять оба этих аспекта".[2]

Отсюда концепция уголовной политики, уголовного права ФРГ после реформы стала заключаться в соединении цели воздаяния с целью воздействия на личность преступника с точки зрения его ресоциализации. Разумеется, что судья при требуемом от него учете

---

[1] Роксин К. Основание уголовно-правовой ответственности и личность преступника // Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса (Второй советско-западногерманский коллоквиум, 18 - 22 октября, 1982 г.) - Тбилиси, 1986. С. 24.

[2] Роксин К. Указ. С. 22. раб. С. 32.

влияния последствий наказания на последующую жизнь подсудимого должен знать его личность и заранее составить прогноз относительно его будущей жизни. Но знание личности преступника необходимо и при оценке его вины. Верховный суд ФРГ признал это в следующем решении: "Без знания личности преступника нельзя определить ни степень его личной вины, ни способ и меру его потребности в ресоциализации, в особенности его восприимчивости к наказанию".[1]

Последствием реформы уголовного права в ФРГ стало превалирующее в нем стремление "в большей степени учитывать личность преступника, чаще заменять лишение свободы более снисходительными альтернативными мерами и предоставлять осужденному как можно больше социальной помощи, если он в ней нуждается и ... под воздействием уголовно-правовых мер сумел собственными силами встать на правильный путь. В целом можно сказать, что цели, которые преследовала реформа уголовного права ФРГ, приняты практикой и осуществлены в значительном объеме".[2]

Особо снисходительной уголовно-правовой мерой, целиком основанной на благоприятной оценке личности преступника, является предостережение под условием наказания (ст 59 УК ФРГ). Она заключается в следующем: если кому-либо назначен денежный штраф до 180 дневных ставок, то суд может наряду с признанием вины лица предостеречь его, определив ему наказание, но и отложив исполнение такового. Предпосылкой предупреждения под условием наказания, помимо благоприятного социального прогноза, являются также обстоятельства, касающиеся деяния и личности преступника, которые

---

[1] Йешек Г-Г. Учет личности преступника при назначении наказания по уголовному праву ФРГ // Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса. (Второй советско-западногерманский коллоквиум: 18 - 22 октябр. 1982). - Тбилиси, 1986. С. 53.

[2] Йешек Г-Г. Указ. раб. С. 57.

позволяют признать целесообразным не назначать преступнику наказания. Этот правовой институт применяется, как правило, к впервые осужденным и эффективно содействует охране правопорядка.

Важнейшим результатом реформы явилось значительное сокращение числа наказаний в виде лишения свободы, которое произошло благодаря оттеснению на задний план краткосрочного лишения свободы. Было признано, что назначаемое в соответствии с виной наказание может достичь предупредительной цели лишь в ограниченном объеме и, что необходимость ресоциализации осужденного может потребовать применения другого вида воздействия, чем обычное наказание.

На этой основе "существующая система воздействия на правонарушителей была улучшена и приведена в соответствие с основной концепцией уголовного права ФРГ, которая выражается в идее правового государства. Все меры исправления и безопасности ориентированы исключительно на личность преступника, на необходимость его ресоциализации".[1]

Исчерпывающий перечень мер исправления и безопасности определен в ст. 61 УК ФРГ. К ним относят: 1) помещение в психиатрическую больницу; 2) помещение в лечебное заведение для алкоголиков и наркоманов; 3) превентивное заключение; 4) установление надзора; 5) лишение водительских прав; 6) запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью. Применение перечисленных мер основано на реализации установленного ст. 62 УК ФРГ принципа обеспечения соответствия назначаемой меры исправления и безопасности "совершенному лицом или ожидаемому от него деянию, также как и степени исходящей от него опасности."

Законодательством ФРГ меры исправления и безопасности не отнесены к наказанию и отличаются от дополнительных наказаний и дополни-

---

[1] Йешек Г-Г. Указ. раб. С. 62.

тельных последствий.[1] Они подразделяются на две группы: 1) меры, связанные с лишением свободы (три первые из перечисленных выше); 2) иные, то есть меры, не связанные с лишением свободы (три последних из перечисленных выше).

Меры безопасности и исправления - специфический институт уголовного права ФРГ. Они представляют собой особое правовое последствие и применяются не только тогда, когда виновность лица установлена и есть приговор суда, но и в случае отсутствия виновности лица, например, при помещении в психиатрическую больницу. В нашем исследовании в виду специфики такой меры нет необходимости ее рассмотрения. Однако опыт обоснования ее применения (как в УК ФРГ) имеет значение для разработки и отражения в российском уголовном законодательстве альтернативных наказанию мер воздействия.

В связи с проблематикой нашего исследования не меньший интерес представляет новый УК Франции (1992 г.). Его отличительной от предыдущего французского законодательства особенностью является закрепление в нем основных принципов назначения наказания. Так, реализуя принцип индивидуализации уголовной ответственности и наказания УК Франции, с одной стороны, вводит более строгие санкции в случае совокупности преступных деяний и их рецидива, устанавливает в качестве наказания длительные сроки лишения свободы и миллионные штрафы.

С другой стороны, УК Франции предоставляет большие полномочия суду по смягчению наказания. В частности, кодекс сократил случаи назначения наказаний в виде непродолжительного тюремного заключения. Тем самым закон стимулировал назначение вместо лишения свободы других наказаний (труда в общественных местах, штрафодней и пр.), а также предоставление отсрочки исполнения на-

---

[1] Подробнее см.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, Франции, США, Германии). - М., 1997. С. 163 - 165.

казания. Суд может назначить тюремное заключение без отсрочки его исполнения только при особом мотивировании выбора такого вида наказания (ст. 132 - 19 УК Франции).

Индивидуализации уголовной ответственности и наказания, их смягчению в необходимых случаях с учетом обстоятельств дела и личности виновного призваны способствовать: указание в нормах Особенной части УК Франции лишь максимального срока размера исправительного тюремного заключения (без определения минимального); институт замещения наказаний; установление режима полусвободы; возможность исполнения наказаний по частям, а также отсрочка как назначения, так и исполнения наказания.

Отличительной чертой УК Франции является предусмотрение в нем не только мер надзора и контроля за поведением осужденного при предоставлении различных видов отсрочки, но и мер помощи такому лицу, в том числе материальной.

Во Франции лицо может быть вообще освобождено от наказания за проступок или нарушение. Суд, признав подсудимого виновным и назначив в случае необходимости конфискацию у него опасных либо вредных предметов или веществ, вправе освободить это лицо от наказания при условии, что ресоциализация виновного достигнута, причиненный ущерб возмещен и нарушения, вызванные преступным деянием, больше не существуют. Суд, освобождающий от наказания, может вынести решение о том, что приговор не будет упомянут в "Сведениях о судимости". Освобождение от наказания не исключает возмещения судебных издержек (ст. 132-58, ст. 132-59 УК Франции).

Рассмотренные положения, наряду с содержанием подобных норм УК РФ 1996 г., определяющих виды освобождения от уголовной ответственности, свидетельствуют о концептуальной общности задач и тенденций развития современного уголовного законодательства, присущего правовому государству. Оно ориентировано на решение задачи - поста-

вить преступника на путь честной жизни. Необходимость ее выполнения потребовала такого обращения с преступником, которое может быть признано целесообразным с точки зрения приобщения правонарушителя к законопослушному образу жизни в будущем, и которое невозможно без учета индивидуальных особенностей его личности. Уголовный закон развитых государств стремится претворить в жизнь такой подход за счет включения в свои нормы различных способов, средств и мер реагирования на личность привлекаемого к уголовной ответственности индивида в соответствии с критерием его "исправимости".

Критерий "исправимости" основан на разносторонней оценке деяния и личности виновного. Его использование позволяет ориентировать решение вопроса об ответственности за преступление на достижение справедливости наказания и ресоциализации личности преступника.

Действенность этого критерия при освобождении от уголовной ответственности лица с применением к нему альтернативных уголовному наказанию мер воздействия во многом связана с предотвращением виновным вредных последствий совершенного им деяния. Учет такого обстоятельства воспринят законодательством многих стран. В уголовном законодательстве Франции, Греции, Турции, Бельгии, Нидерланд и Норвегии добровольное материальное возмещение виновным нанесенного его преступлением ущерба рассматривается как способ решения уголовных дел, по которым закон предусматривает наказание до 6 лет лишения свободы.[1]

Возможность освобождения от уголовной ответственности при котором для виновного возникают правовые последствия, находящиеся вне рамок уголовного законодательства, связывается во многих странах с рядом обстоятельств. Они учитываются при избрании способа воздействия

---

[1] См.: The legal Scope of non - prosecution in Europe Heu N 1 (Helsinki). 1986. N 8. P. 46 - 47, 86.

на преступника в целях его скорейшего исправления. К ним относятся: тяжесть содеянного; личность виновного; интересы общества, жертвы и самого преступника; отсутствие необходимости в исправлении преступника путем применения к нему уголовного наказания.

Такой подход и способствовал развитию в уголовном и уголовно-процессуальном праве многих стран не только норм, регулирующих разнообразные меры наказания, но и тех норм, которые позволяют заменить наказание иными мерами воздействия, способными предупредить новые преступления, а также норм, являющихся правовыми стимулами для последующего законопослушного поведения осужденного лица.[1] Поэтому в законодательстве большинства стран существует институт освобождения от уголовной ответственности и наказания с его различными неуголовно-правовыми последствиями, возникающими для лиц, совершивших преступления.

Сопоставительный анализ УК РФ 1996 г. с действовавшим до него УК РСФСР 1960 г. показывает, что в вопросе развития указанного правового института УК 1996 г. делает шаг назад, сокращая виды освобождения от уголовной ответственности с применением к освобожденному иных, альтернативных мер воздействия, не являющихся уголовным наказанием. В УК других же стран, наоборот, прослеживается тенденция к расширению такой возможности.

УК РФ предусматривает лишь один вид освобождения от уголовной ответственности с применением к освобожденному альтернативных уголовному наказанию мер - освобождение от нее несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия. УК РСФСР 1960 г. предусматривал такие формы воздействия, не являющегося уголовным наказанием, как административное воздейст-

---

[1] См.: Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления. С. 70.

вие, общественное воздействие (передача дела в товарищеский суд, лица на поруки), принудительные меры воспитательного характера. Последние в переработанном виде и с приданием освобождению условного характера сохранены в действующем УК России.

В отношении других альтернативных наказанию форм воздействия можно считать обоснованным исключение из УК норм, предусматривавших возможность освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной. В то же время во всех демократических странах ведутся поиски путей сокращения реального применения на практике наказания в виде лишения свободы. Наблюдается стремление зарубежного законодателя к расширению возможностей вовлечения населения в борьбу с преступностью, в деятельность по исправлению правонарушителей.

Полный же отказ российского законодателя от видов освобождения от уголовной ответственности с передачей на поруки и с передачей дела для рассмотрения в товарищеский суд представляется нам неразумным. Мы имеем в виду в данном случае то, как это произошло.

Здесь можно лишь предположить, что по мнению разработчиков УК РФ 1996 г. названия упоминаемых видов освобождения от уголовной ответственности не вписывались в новое уголовное законодательство, а их содержание противоречило изменениям, происшедшим в последние годы в экономической и социальной сферах Российской Федерации. К сожалению, отказ от данных видов освобождения, не сопровождался поиском им новых названий либо их кардинальной переработкой в целях сохранения в уголовном законе.

Вместе с тем в УК РФ 1996 г. законодатель при регламентации "беспоследственного" освобождения от уголовной ответственности сделал шаг вперед. Он предусмотрел, наряду с предоставляемой еще УК РСФСР 1960 г. возможностью освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки, еще два вида освобож-

дения от уголовной ответственности без применения к освобожденному каких-либо мер воздействия. Это - освобождение от уголовной ответственности в связи: с деятельным раскаянием (ст. 75); с примирением с потерпевшим (ст. 76).

Новые для УК 1996 г. названные виды освобождения по своей сущности схожи между собой. Они ориентированы на достижение единой цели - обеспечение позитивного постпреступного поведения виновного, основанного на его чистосердечном раскаянии. В любом случае, несмотря на мотивы, без добровольного раскаяния виновного в совершенном им преступлении, не может быть явки с повинной, примирения с потерпевшим и устранения данным лицом вредных последствий своего деяния. Практически ст. 76 УК РФ является дополнением ст. 75 УК РФ и, видимо, с позиций юридической техники правильным было бы объединить обе нормы в одну статью.[1]

Таким образом, содержащийся в действующем УК РФ институт освобождения от уголовной ответственности полностью не решает проблемы последствий совершения преступлений небольшой тяжести и деятельного раскаяния в нем субъекта деяния. В УК следовало бы предусмотреть и другие формы ответственности, обеспечивающие исправление правонарушителя без применения уголовного наказания.

В связи с изложенным большой интерес представляет для нас практика освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В 1986 - 90 гг. такое освобождение применялось стабильно в отношении более чем трети лиц от числа выявленных и изобличенных в совершении преступлений. Чаще всего в этот

---

[1] Изложенное получает подтверждение и в произведенном нами опросе работников органов дознания и предварительного следствия, при котором 51,4% (участвовало - 412 чел.) высказало аналогичные нашим соображения и указало на правильность объединения ст.ст. 75 и 76 УК РФ в одной норме уголовного законодательства.

период применялось освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, освобождение несовершеннолетних и освобождение вследствие изменения обстановки (вместе взятые - до 90% от всего числа случаев освобождения).[1]

Начиная с 1991 г. доля лиц, освобожденных от уголовной ответственности, сокращается с соответствующим увеличением доли привлеченных к уголовной ответственности. В частности, за последующие пять лет (до 1 января 1996 г.) численность лиц, освобожденных от уголовной ответственности на досудебной стадии процесса по нереабилитирующим основаниям, уменьшилось на 40%. Такое положение сложилось вследствие 4-х кратного роста тяжких преступлений, отчасти из-за изменений в законодательстве, а также в некоторой степени в виду дискредитации мер общественного воздействия.

Однако, уже в 1996 г. судами по нереабилитирующим основаниям были освобождены от уголовной ответственности 115858 человек, что втрое превышает аналогичный показатель 1991 года (33728).[2] На стадии следствия в том же году было освобождено на тех же основаниях - 125153 человек.[3] Аналогичный последнему показатель 1995 г. (103634) на много меньше.[4]

В 1997 г. тенденция, связанная с увеличением применения освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, на досудебной стадии получила дальнейшее развитие. Было освобождено – 131673 человека[5]. Из них: по акту амнистии –

---

[1] См.: Преступность и правонарушения, 1993. Статистический сборник. - М., 1994. С. 16.

[2] См.: Преступность и реформы в России. - М., 1998. С. 337, 338.

[3] См.: Сводный отчет о следственной работе за 1996 г. - М: ГИЦ МВД России, 1997, лист 11.

[4] См.: Сводный отчет о следственной работе за 1995 г. - М: ГИЦ МВД России, 1996, лист 11.

[5] См.: Сводный отчет о следственной работе за 1997 год. – М.: ГИЦ МВД России, 1998, лист 12.

1290; за истечением сроков давности – 7090; вследствие изменения обстановки – 43479; в связи с деятельным раскаянием – 25376; ввиду примирения с потерпевшим – 49426; несовершеннолетние с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия – 5011.

Для сравнения рассмотрим применение различных видов освобождения от уголовной ответственности органами дознания и следствия в 1995 и 1996 гг. В 1995 г. было освобождено: по акту амнистии – 1281; за истечением сроков давности – 1782; вследствие изменения обстановки – 37046; с привлечением к административной ответственности – 4395; с применением к виновному мер общественного воздействия – 46427; несовершеннолетних с применением к ним принудительных мер воспитательного характера – 12403.

В 1996 г. соответственно освобождалось: на основании акта амнистии – 20151; за истечением сроков давности – 1913; вследствие изменения обстановки – 32712; с привлечением к административной ответственности – 4370; с применением к виновному мер общественного воздействия – 52129; несовершеннолетних с применением к ним принудительных мер воспитательного характера – 13879.

Изложенное свидетельствует о том, что наибольшее число случаев освобождения от уголовной ответственности до суда по нереабилитирующим основаниям в 1995 и 1996 гг. осуществлялось с применением к виновным мер общественного воздействия (46 427 и 52 129 соответственно). На той же стадии по тем же основаниям при отсутствии названного вида освобождения, в 1997 г. наибольшее число случаев освобождения от уголовной ответственности имело место в связи с примирением с потерпевшим – 49426 (действовавший в 1995-1996 гг. УК такого вида не предусматривал) и вследствие изменения обстановки –43479 (в 1995 –37046, 1996 – 32712). В несколько раз, по сравнению с предшествующими годами (1995 – 1782, 1996 – 1913), в

1997 г. увеличилось применение освобождения от уголовной ответственности вследствие истечения сроков давности составившее – 7090. Новый для общей части УК РФ вид освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием применялся в 1997 г. в 25376 случаях.

Приведенный анализ общероссийской статистики об освобождении от уголовной ответственности находит свое подтверждение на региональном уровне, например, в деятельности следственной части УВД г. Саратова. Так, там, по полученным нами данным, на досудебной стадии по нереабилитирующим основаниям наибольшее число виновных было освобождено в 1996 г. с применением мер общественного воздействия – 22, за истечением сроков давности – 16 и в связи с изменением обстановки – 9. По акту амнистии было освобождено лишь 2 человека.

В 1997 г. этим же органом большинство правонарушителей освобождалось от уголовной ответственности по тем же основаниям: за истечением сроков давности – 27, в связи с примирением с потерпевшим – 13 и вследствие изменения обстановки – 8. На освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием пришелся лишь один случай. По акту амнистии никто не освобождался.

Не меньший интерес, ввиду рассматриваемых нами проблем, представляет для нас и статистика об освобождении от уголовной ответственности на досудебной стадии по другим основаниям, предусмотренным действующим УПК РСФСР (п.1,2,3,8 ст.5, п.2 ч.1 ст.208). Такого рода освобождение составляло в 1995 г. – 154787, 1996 г. – 149099. В 1997 г оно возросло до – 178159 случаев.

Похожее соотношение имело место и по результатам работы следственной части УВД г. Саратова. По указанным уже основаниям

следователями этого УВД в 1996 г. было применено освобождение от уголовной ответственности в 19 случаях, в 1997 г. – 31.

Изложенное свидетельствует о достаточно большом месте, занимаемом на практике в разные годы альтернативными уголовному наказанию мерами воздействия на лиц, совершивших преступления небольшой тяжести в связи с освобождением от уголовной ответственности. Отсутствие в УК РФ 1996 г. норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности при наличии условий – впервые совершения преступления небольшой опасности и возможности достижения исправления виновного за счет применения к нему вместо наказания иных мер воздействия, способствовало в 1997 г. существенному увеличению, по сравнению с предшествующими годами, случаев освобождения от уголовной ответственности вследствие истечения сроков давности и изменения обстановки, а также по другим основаниям, предусмотренным действующим УПК России. Такой результат является, на наш взгляд, следствием того, что не во всех случаях совершения преступлений небольшой тяжести имеет место примирение с потерпевшим (либо примирение потерпевшего и преступника может быть оправданным с позиций уголовного права) или деятельное раскаяние, основания применения ст.75 и 76 УК РФ.

Приведенное позволяет сделать вывод о том, что не всегда при совершении преступления небольшой тяжести имеется возможность освобождения виновных по ст. 75, 76, 77, 78 действующего УК, условия применения которых достаточно конкретны. Поэтому закономерен рост в течение 1997 г. числа применения освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в уголовно-процессуальном законодательстве. В числе же видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных уголовным законодательством, – увеличение случаев освобождения в связи с истечением сроков

давности (ст.78) и вследствие изменения обстановки (ст.77) закономерно, ибо условия применения этих норм по сравнению с условиями применения ст.ст. 75 и 76 УК РФ, более или менее не препятствуют "подгонке" под них обстоятельств дела по конкретным преступлениям небольшой тяжести. И это несмотря на то, что "беспоследственное" освобождение от уголовной ответственности, к которому относятся все четыре перечисленных нами освобождения, дает меньше гарантий исправимости правонарушителя, чем освобождение от уголовной ответственности с применением к виновному иных мер воздействия, не являющихся уголовным наказанием. Данное положение давно признано практически во всех исследованиях института освобождения от уголовной ответственности и его отдельных видов.

Проведенный нами опрос сотрудников правоохранительных органов различных регионов России (412 чел.) и выборочное исследование 382 уголовных дел, прекращенных в разные годы органами дознания и предварительного расследования (МВД и прокуратуры), подтвердили, что в 80% случаев совершения впервые преступлений небольшой тяжести и при наличии возможности исправления лица на досудебной стадии без передачи дела на него в суд для применения уголовного наказания отсутствуют условия освобождения, предусмотренные статьями 75, 76, 77, 78 УК РФ. В такой ситуации, согласно экспертных оценок работников органов дознания и следствия (участвовало 216 чел.), выход из сложившегося положения, по их признанию (75% опрошенных), осуществляется "подгонкой" имеющихся в деле обстоятельств под основания освобождения от уголовной ответственности или ее исключения, содержащиеся в уголовно-процессуальном законодательстве, что открывает путь к серьезным злоупотреблениям и нарушениям законности в процессе дознания и предварительного расследования.

Опрос показал, что многие практические работники (80%) сходятся на том, что возврат в УК видов освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки и с передачей дела в товарищеский суд, позволил бы в достаточно полной мере охватить все случаи совершения впервые преступления небольшой тяжести лицом, не представляющим большой общественной опасности, встречающиеся на практике.

При этом признавалась необходимость изменения редакции ст.ст. 51 и 52 УК РСФСР в целях приспособления их содержания к современным российским социально-экономическим и правовым реалиям.

Не отрицается в вышеобозначенной ситуации и другой подход законодателя – разработка новых видов освобождения от уголовной ответственности с применением иных мер воздействия, имеющих уголовный характер.

Основным фактором, способствующим наибольшей эффективности освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего, названа возможность применения к нему в связи с этим принудительных мер воспитательного воздействия (ст.90 УК РФ). Отсутствие такой возможности по остальным видам освобождения от уголовной ответственности, предусмотренным в УК РФ (ст.ст.75, 76, 77), считается опрошенными основным обстоятельством, способствующим слабой эффективности этих видов освобождения.

Таким образом предусмотренные УК РФ виды освобождения от уголовной ответственности ограничены при их реализации на практике борьбы с преступлениями небольшой тяжести своими конкретными основаниями применения. В сложившейся ситуации они не смогут охватить всех возникающих здесь ситуаций, связанных с решением вопроса о целесообразности и возможности освобождения лиц, совер-

шивших нетяжкие преступления, от уголовной ответственности с применением к ним альтернативных наказанию мер воздействия.

"Эмпирические исследования показывают ..., что эффективность освобождения от уголовной ответственности довольно высока: только 3 - 8% лиц, в отношении которых был применен тот или иной вид освобождения, вновь совершили преступление. Этому не приходится удивляться, т.к. в поле зрения правоохранительных органов в рассматриваемых случаях обычно оказываются лица, заведомо не представляющие большой общественной опасности, не склонные к совершению уголовно-наказуемых деяний".[1]

Приведенная цитата является еще одним свидетельством неправильности бездумного отказа в новом законодательстве от упоминаемых видов освобождения от уголовной ответственности. Тем более, что, как уже отмечалось, деятельность общественности (населения), направленная на исправление поведения лиц, совершивших преступления небольшой тяжести и освобожденных от уголовной ответственности, получает все большее распространение во многих странах.

Другая сторона рассматриваемой проблемы состоит в утрате профилактического значения применявшихся ранее в связи с освобождением от уголовной ответственности мер общественного воздействия и порук.

Изложенное выше свидетельствует о необходимости восполнить правовой пробел, в условиях которого в отношении лиц, совершивших преступления небольшой тяжести и индивидуально не представляющих серьезной опасности для общества, невозможно будет применить содержащиеся в УК РФ (ст. 75, 76, 77) нормы об освобождении от уголовной ответственности с их конкретными основаниями и усло-

---

[1] Учебник уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В.Наумова. С. 327.

виями. На основании действующего УК РФ этот пробел будет заполняться мерами уголовного наказания, хотя в упоминаемых случаях исправление виновного можно достичь альтернативными ему мерами воздействия (как в случаях применения ст. 90 УК РФ).

Поэтому нам представляется целесообразным включение в действующий УК Российской Федерации следующих норм:

"Статья 77-1. Освобождение от уголовной ответственности с применением обязательных работ

1. Лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести и ранее не освобождавшееся от уголовной ответственности, может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей материалов дела в суд для применения к нему обязательных работ, если будет признано, что имеется возможность исправления данного лица без применения к нему более строгого наказания.

2. В случаях злостного уклонения освобожденного от выполнения обязательных работ они отменяются и дело передается в суд для привлечения лица к уголовной ответственности и назначения ему уголовного наказания. Обязательные работы как вид уголовного наказания к нему применены быть не могут, как и более мягкое наказание.

Примечание. Порядок отбывания и сроки обязательных работ в настоящей статье те же, что и в ст. 49, которая применима при освобождении от уголовной ответственности с применением обязательных работ во всех своих положениях, кроме части 3."

В предлагаемой нами норме, в части 2 ст. 77-1 мы придаем данному виду освобождения условный характер в целях гарантирования исправимости лиц, освобождаемых от уголовной ответственности.

Учитывая доказанную практикой эффективность условного освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки, а также то обстоятельство, что за последние годы фактически

во всех государственных и общественных организациях профилактическая деятельность свернута, предлагаем ввести в УК РФ следующую норму:

"Статья 77-2. Условное освобождение от уголовной ответственности.

1. Лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности судом условно, если суд, учитывая небольшую степень общественной опасности виновного, придет к выводу о возможности исправления такого лица без применения уголовного наказания, но в условиях контроля за его поведением в период испытательного срока.

2. Суд устанавливает следующие испытательные сроки:

1) при совершении преступлений небольшой тяжести - один год;

2) при совершении преступлений средней тяжести два-три года.

3. Суд может обязать освобожденного: в определенный срок устранить причиненный вред; поступить на работу или учебу; не менять без согласия органа внутренних дел места жительства; уведомлять эти органы об изменении места работы или учебы; периодически являться для регистрации в органы внутренних дел; не посещать определенные места; находиться после наступления определенного времени по месту жительства; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; возложить на лицо иные, реально выполнимые и контролируемые обязанности.

В период испытательного срока суд может: отменить эти обязанности; заменить одни обязанности другими; назначить дополнительные обязанности по представлению органа, осуществляющего контроль за условно освобожденным. Суд может также возложить на определенный трудовой коллектив или лицо, с их согласия, обязанность по наблюдению за освобожденным и проведению с ним воспитательной работы.

4. Контроль за поведением условно освобожденных осуществляется органами внутренних дел, за несовершеннолетними - органами внутренних дел и комиссиями по делам несовершеннолетних, а в отношении военнослужащих - командованием воинских частей и учреждений.

5. Условное освобождение может быть отменено судом по обращению органов, осуществляющих контроль, если условно освобожденный не выполняет возложенные на него обязанности либо допускает нарушения общественного порядка или трудовой дисциплины, повлекшие за собой применение мер административного воздействия либо мер дисциплинарного взыскания. Отменив условное освобождение, суд привлекает виновного к уголовной ответственности и назначает ему уголовное наказание.

6. По истечении испытательного срока, в зависимости от поведения освобожденного в период данного срока, суд может принять по представлению контролирующего органа решение об окончательном освобождении лица от уголовной ответственности или о его привлечении к уголовной ответственности и применении к нему наказания. Суд может продлить испытательный срок, но не более, чем на один год.

7. При совершении условно освобожденным в период испытательного срока нового преступления он несет уголовную ответственность за оба преступления, и суд назначает ему наказание по совокупности приговоров".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволяет придти к следующим выводам:

1. Институт уголовной ответственности, как и институт любой другой отрасли права, его становление и формирование связано с историческим прошлым. Истоками его возникновения являются обычаи, нравы, традиции, культура, экономические и социальные условия жизни данного народа. По мере их развития совершенствуются и изменяются правовые явления.

2. Уголовная ответственность этимологически берет свое начало в идее ответственности вообще, появившейся еще в догосударственный период жизни человечества совместно с представлениями о добре и зле, долге, совести, честности, равноправии, справедливости и т.д. Становление этих важнейших ценностей человеческого общежития происходило постепенно, в ходе эволюции совместного проживания людей, формирования их нравственных представлений, чувств, обычаев и традиций, носивших вначале (в период первобытнообщинного строя) родовой характер.

В процессе проживания людей в обществе желания и страсти различных его членов неизбежно сталкивались. Это неизбежно приводило бы к нескончаемым распрям, если бы в обществе не получила развития идея равноправия всех его членов. Из этой идеи понемногу формировалось понятие о справедливости. Уже в древние времена на Руси ответственность и наказание за "обиду", т.е. преступление, воспринимались как восстановление нарушенного общественно опасным деянием равноправия, мира.

3. Восстановление справедливости ("равенства обид") при разрешении межличностных, особенно, межобщинных (межродовых) конфликтов в древней период истории чаще всего достигалось посредством кровной мести, в которой наиболее ярко проявлялось ее

родовое начало. Обычай кровной мести в древности был чрезвычайно распространен. Он существовал тогда у всех народов в связи не только с убийством, но и с любой другой "обидой" (телесным повреждением, изнасилованием, кражей и т.д.). Однако с развитием производства элементарной продукции, появлением обмена, на основе которого возникает меновая стоимость, происходит постепенное внедрение в оборот между родами практики платежа. Это способствовало возможности выражения ценности утраченного блага и выделению специальных средств платежа, позволяющих вместо натурального способа покрывать ущерб другими благами, дающими в результате эквивалентную нанесенному ущербу ценность. Возмещение ущерба начинает занимать, наряду с кровной местью, значительное место в механизме ответственности за содеянное. Таким образом, коллективная ответственность за "обиду", ранее, как правило, выражавшаяся в кровной мести роду обидчика, постепенно приобретает характер коллективной материальной ответственности при возмещении ущерба.

4. "Русская правда" в вопросах ответственности исходила из тех же позиций, что и обычаи, и предшествовавшие ей правовые памятники. Она рассматривала ответственность как обязанность виновного удовлетворить потерпевшего и возместить ущерб, чем сводила ее фактически к возмездию. Последнее проявлялось в мести или денежной компенсации. Как и в доклассовый период, ответственность по "Русской правде" наступала за сам факт нанесения "обиды" Здесь также превалировало объективное вменение, которому способствовало слабое развитие в ту эпоху общественной и законодательной мысли, которая не шла дальше внешнего явления, не доискивалась до сущности вины, ее разнообразных оттенков. Да и особой необходимости в этом не было: для достижения цели возмещения причиненного ущерба вина при ответственности значения не имела. Ответ-

ственность наступала при любом причинении вреда, а без его причинения не было и ответственности.

5. С усилением государственной власти, развитием производства, общества и права в вопросах ответственности интересы частного лица начинают постепенно уступать место интересам государства. Разумеется, государство полностью не отказывалось от защиты интересов частных лиц, но в конечном счете уже законодательство XV - XVII веков отдает предпочтение государственным интересам.

С одной стороны, отдавая дань частным интересам, право продолжает сохранять в урегулированной ее нормами форме, обязанность возмещения преступником нанесенного им вреда частному лицу, возможность примирения виновного с потерпевшим даже за такие преступления, как убийство, поджог, кража, разбой. С другой стороны, право вводит понятие преступника известного ("ведомого") "лихого человека". Казни такого лица Судебник 1497 г. требовал за совершение им "лихого дела". Судебник также устанавливал, что если у "лихого человека" не хватит имущества для удовлетворения потерпевшего, то он все же не выдается ему "на отработки", а должен быть казнен (ст. 8). Таким образом, государство получало все большую власть над обществом. Это нашло отражение в законодательстве того времени.

6. Развивая дальше такой же подход к вопросам ответственности, Судебник 1550 г. прямо предписывал устанавливать "плату" за содеянное, "смотря по человеку" (ст. 25 и др.) и "увечью" (ст. 26 и др.). Чем выше было общественное положение потерпевшего и чем ниже преступника, тем суровее была ответственность за содеянное. Российский историк Н.М.Карамзин по этому поводу писал, что в XVI в России "за что крестьянина или мещанина вешали, за то сына боярского сажали в темницу или секли батогами".

Уложение 1649 г., продолжая в основном в вопросах ответственности линию судебников, содержало в своих нормах и прогрессивные изменения, ее касающиеся. Оно впервые в российском уголовном законодательстве ввело индивидуальную ответственность за общественно опасные посягательства. Уложение уже не распространяло ответственность на ближайших родственников преступника, если они не были причастны к совершенному им деянию (даже когда речь шла о государственных преступлениях, в отношении которых дольше всего существовала коллективная ответственность). Например, близкие родственники изменника только тогда могли привлекаться к ответственности, когда они "про ту его измену ведали" (гл. II, ст. 6, 7, 8, 10).

7. Законодательство Петра I дальше развивало содержание уголовной ответственности. Последняя устанавливалась уже не только *за деяния, выраженные в нарушении уголовных законов и ослушании* царской воли, но и за деяния, наносящие вред и убыток государству, хотя бы они и не были бы предусмотрены законом. Воинский устав Петра I (1715 г.) впервые в российском праве сформулировал такое важное условие уголовной ответственности, как учет психического состояния привлекаемого к ней лица. В отношении "умалишенных" стало применяться более легкое наказание или полное освобождение таких лиц от ответственности и наказания. Устав предусматривал также и совершение лицом преступления в состоянии сильного душевного волнения. Оно могло быть основанием освобождения виновного от уголовной ответственности при выполнении им оговоренного в законе условия "просить прощение у потерпевшего".

Новым для российского уголовного права было и то, что Воинский устав законодательно закрепил возраст лиц, которые могли быть привлечены к уголовной ответственности за совершение преступления. Дети до 10-летнего возраста вообще освобождались от уголовной ответственности, однако с указанием в законе, что они при этом

должны быть наказаны своими родителями или помещиком. Уголовная ответственность для детей в возрасте до 15 лет смягчалась.

В целом законодательство Петра I обогатило институт уголовной ответственности, введя в обиход существенные категории, относящиеся к понятиям вины и виновности, условиям вменяемости и вменения к обстоятельствам, влияющим на меру ответственности, и т.д. В законах эпохи Петра I лишь изредка применялось для определения понятия преступления его греховное начало, а при обосновании ответственности за совершение общественно опасных деяний и их наказуемости требовалось признания таких действий умышленными. Петр I возлагал на компетентные органы государства обязанность привлекать к уголовной ответственности только виновных и только к ним применять наказание. Известен приписываемый ему афоризм: "Лучше десять винных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить"

8. В послепетровскую эпоху происходит гуманизация уголовной ответственности, ограничение применения таких тяжких уголовных наказаний как смертная казнь и другое мучительное членовредительство. Особое значение и развитие гуманизация приобретает в период царствования Екатерины II благодаря ее Наказу комиссии, разрабатывавшей новое российское законодательство. Многие положения Наказа легли в основу преобразований последующих эпох развития российского государства и права.

9. В развитии института уголовной ответственности, его содержания важную роль сыграли кодификация российского законодательства в 1830 и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В этих правовых актах вносились дополнительные элементы в понятие уголовной ответственности. Их нормы требовали от судьи при выборе меры наказания "руководствоваться важностью вины и сопровождавшими содеянное обстоятельствами".

В Уложении 1845 г. предусматривались обстоятельства, называемые в нем "погашающие наказания", дававшие суду возможность при их наличии освободить лицо, совершившее преступление, от ответственности. К их числу закон причислял: смерть преступника, примирение, давность и помилование.

10. Большой вклад в развитие теории и практики уголовной ответственности внесло Уголовное Уложение 1903 г. Оно отразило весьма высокий уровень отечественной правовой культуры и законодательной техники. Этому способствовали успехи в науке уголовного права того периода, в том числе фундаментальная разработка вопросов уголовного права. Прогрессивно настроенные ученые того времени - юристы Н.С.Таганцев, Н.Д.Сергеевский, Н.А.Неклюдов, И.Я.Фойницкий - своими трудами и участием в подготовке проекта Уголовного Уложения во многом содействовали решению важнейших вопросов института уголовной ответственности. Благодаря им, в законодательстве были четко сформулированы положения закона о возрастных границах уголовной ответственности; определены конкретные критерии вменяемости - юридический и медицинский; устанавливались разные степени вменения, в зависимости от которых дифференцировалась уголовная ответственность; проводился перечень обстоятельств, позволяющих в определенных случаях освободить лицо от уголовной ответственности, и т.д.

11. После октября 1917 г. в первое время советское уголовное законодательство шло по пути преемственности в развитии института уголовной ответственности (в частности, закрепление принципа виновного вменения и т.д.). Однако со все большим становлением в России режима коммунистического тоталитаризма характер законотворческой деятельности изменяется. Так, при принятии уголовных законов приоритетное значение стало придаваться карательным (в том числе уголовно-правовым) мерам борьбы с негативными явлениями. Например, вследствие прямого вмеша-

тельства Сталина и его окружения в законотворческие процессы 8 июня 1934 ЦИК СССР принял уголовный закон об измене Родине, которым вводилось чуждое уголовному праву цивилизованных государств объективное вменение.

12. После смерти Сталина в короткий период развития советского государства (с 1953 по 1964 гг.), известный как "оттепель", право освобождается от давления сталинизма. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. впервые внесли в уголовное законодательство статью об основаниях уголовной ответственности. В ней указывалось, что "уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние" (ч. 1 ст. 3 Основ).

Основы и принятый вслед за ним в 1960 г. УК РСФСР предопределили на долгие годы вперед две основные тенденции в развитии института уголовной ответственности. С одной стороны, - сужение сферы уголовно-правового принуждения, гуманизация системы мер уголовного наказания и иных мер воздействия на лиц , совершивших преступления небольшой общественной опасности. С другой - усиление (ужесточение) уголовной ответственности за особо тяжкие и тяжкие преступления в отношении рецидивистов, расширение круга общественно опасных деяний, признаваемых преступными и уголовно наказуемыми.

Основы и УК РСФСР 1960 г. также впервые ввели в уголовный закон, наряду с терминами "наказание", "освобождение от наказания", термины "уголовная ответственность" и "освобождение от уголовной ответственности", указывая на их самостоятельное значение.

13. Исследование истории формирования института уголовной ответственности как социальной, юридической, научной и нормативной проблемы показывает, что уголовная ответственность, как и само право, детерминирована прежде всего внешними по отношению к ней

объективными обстоятельствами. Ответственность обусловлена экономическими, идеологическими и психическими общественными потребностями и интересами, которые вытекают из закономерностей общественного развития и связаны с наличием в нем определенных противоречий, между зарождающимся новым, прогрессивным и отжившим, старым - регрессивным. Поэтому уголовное законодательство совершенствуется с учетом изменений, происходящих в обществе, и потребностей его граждан, поскольку закон есть отражение общих, вытекающих из жизни общества, потребностей и интересов.

14. Проблема разработки нового уголовного законодательства и обоснования применения уголовной ответственности согласно современному состоянию нашего общества, особенно актуализировалась последние годы. Происходящие в России после распада Советского Союза радикальные изменения во всех сферах жизнедеятельности нашего общества и поставили перед уголовным правом задачу выработки новых форм и средств в деле борьбы с преступностью. Это, в свою очередь, потребовало от правовой науки критического переосмысления существующего уголовного законодательства, иных подходов к назревшим здесь проблемам. Наглядным проявлением именно такого подхода явились разработка с конца 80-х гг. и принятие в 1996 г. нового Уголовного кодекса Российской Федерации.

Последовательному проведению в жизнь идей законности, гуманизма, справедливости, служит в УК РФ новая система предпосылок уголовной ответственности и освобождения от нее, видов преступлений и наказаний. Все это является существенным вкладом в дело строительства и упрочения России как правового государства.

Таким образом, исследование показывает, что основные идеи уголовно-правовой теории уголовного законодательства каждой новой эпохи являются продолжением нормотворчества и научных изысканий

предыдущих столетий. Это в полной мере относится и к правовому институту уголовной ответственности

15. Появление в уголовном законодательстве 50 - 60-х годов терминов "уголовная ответственность" и "освобождение от уголовной ответственности" способствовало активизации исследований понятия уголовной ответственности, ее оснований, механизма реализации, возникающих при этом правоотношений и других связанных с ней проблем. С тех пор на страницах юридической печати ведутся дискуссии по проблемам уголовной ответственности.

16. Изначально уголовная ответственность исследовалась лишь как последствие совершения преступления, в так называемом ретроспективном аспекте. При этом было выработано пять основных направлений (точек зрения) в раскрытии ее содержания: 1) "уголовная ответственность - реализация санкции уголовно-правовой нормы"; 2) "уголовная ответственность - обязанность претерпеть неблагоприятные последствия совершения преступления, предусмотренные в уголовном законе"; 3) "уголовная ответственность - охранительное уголовное правоотношение"; 4) "уголовная ответственность - совокупность уголовных, уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых (уголовно-исполнительных) правоотношений"; 5) "уголовная ответственность - осуждение, порицание виновного судом за совершение преступления с назначением наказания".

Проанализировав истоки каждой из этих точек зрения, их законодательную, методологическую и научную базу, мы пришли к выводу о том, что каждая из перечисленных концепций отражает отдельную сторону, реально существующий элемент ретроспективной уголовной ответственности. Поэтому нами ретроспективная уголовная ответственность определяется как реализация в форме охранительного уголовного правоотношения уголовно-правовой нормы (диспозиции и санкции), при которой один из субъектов этого отношения становится лицом, обязанным претерпеть ме-

ры осуждения, порицания, государственного принуждения (наказания), определяемые в приговоре суда, а другой - в лице специального органа государства (суда) - истребовать объяснения у лица, совершившего преступление и применить к нему меры осуждения, порицания, государственного принуждения (наказания).

17. С начала 60-х годов в связи с активизацией исследований проблемы социальной ответственности с позиций философии, уголовная ответственность стала трактоваться еще и как связанная с соблюдением требований закона категория активная, в перспективном (обращенном в будущее), позитивном аспекте.

Рассмотрение уголовной ответственности в позитивном и ретроспективном аспектах соответствует с позиций права подразделению поведения человека на три вида: правомерное, противоправное и безразличное для права. Последнее находится вне сферы ответственности. Позитивный аспект правовой ответственности есть нормативный "срез", правомерного поведения. Противоправное поведение вызывает необходимость реакции государства на акт безответственного поведения, поскольку такова общественная необходимость и, кроме того, этого требует природа самого права. Право утратило бы свою нормативность, если бы лишилось способности принуждать к выполнению своих требований. Ретроспективный аспект ответственности, в том числе и уголовной, - правовой "срез" состояния (в конечном итоге также заключающегося в действиях) принуждения к выполнению как позитивного (и нарушенного) требования, так и несения бремени тех последствий правонарушения, которые норма возлагает на правонарушителя.

Ретроспективная правовая ответственность без позитивной бессмысленна, так как лишается своего естественного основания. Позитивная правовая ответственность без ретроспективной беззащитна, поскольку лишается своего обеспечения. Данное положение относится и к уголовной ответственности.

18. Уголовный закон предусматривает возможность освобождения от ретроспективной уголовной ответственности; от позитивной лицо по закону не может быть освобождено. "Снятие" согласно закона обязанности отвечать в уголовном порядке за совершение преступления рассматривается нами как освобождение от уголовной ответственности. Исходя из нашей трактовки ее понятия, освобождение от уголовной ответственности, является в то же время и освобождением от наказания. Но не наоборот! Эти два понятия (уголовная ответственность и наказание) различаются не только по основаниям их применения, но и по правовым последствиям освобождения от них, по сущности, содержанию, субъектам и времени осуществления.

19. Освобождение от ретроспективной уголовной ответственности предполагает освобождение от совокупности уголовно-правовых последствий, от осуждения (порицания), уголовного наказания и судимости. Поэтому освобождение от уголовной ответственности выражается в отказе компетентных органов государства в предусмотренных законом случаях от осуждения (порицания) поведения и применения мер государственного принуждения с их неизбежным правовым последствием - судимостью лица, совершившего общественно опасное деяние.

Вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности возникает, если, с одной стороны, есть основания привлечь к ней это лицо, а с другой - субъективные условия данную ответственность не применять. Освобождение от уголовной ответственности в таком смысле не означает реабилитации, это не прощение правонарушителя. Оно представляет собой проявление к виновному определенного на законных основаниях снисхождения, но не более того.

20. Обязанность лица, виновного в совершении общественно опасного деяния, понести ответственность реализуется в определенных уголовным законом формах, вплоть до освобождения от нее. Правоприменительные органы руководствуются своей оценкой их це-

лесообразности в том или ином случае, т.е. действуют по своему усмотрению, исходя из субъективно-оценочного начала. В частности, при освобождении от уголовной ответственности, это имеет место в случаях освобождения от уголовной ответственности лица в связи: с деятельным раскаянием, с примирением с потерпевшим или с изменением обстановки (ст. 75, 76, 77 УК РФ).

Однако закон знает и другие ситуации, когда выбор целесообразной формы уголовной ответственности зависит не от усмотрения правоприменительных органов и даже не от последующего поведения виновного. В этих случаях подобный выбор не входит в компетенцию правоприменительных органов, что и позволяет отграничить эти случаи от освобождения от уголовной ответственности и выделить самостоятельную форму окончательной реализации уголовной ответственности - ее прекращение.

Прекращение уголовной ответственности может происходить в случаях наступления для лица, совершившего преступление, последствий, не зависящих ни от его собственной воли, ни от воли другого субъекта уголовно-правовых отношений. В частности, такими последствиями могут быть: смерть данного лица; его заболевание психическим расстройством, при котором он лишен возможности отдавать себе отчет в совершаемых им действиях или руководить ими; акт амнистии в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, которым еще не вынесен обвинительный приговор (ст. 84 УК РФ); декриминализация деяния, за совершение которого лицо привлечено к уголовной ответственности; истечение сроков давности уголовного преследования (ст. 78 УК РФ).

21. Наличие в уголовном законодательстве различных форм реализации уголовной ответственности, вплоть до возможности освобождения от нее, является основой дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Дифференциация уголовной ответственности осуществляется только законодателем в уголовном законе и непосредственно выражается: в классификации преступлений по характеру и степени общественной опасности; в определении перечня признаков отдельных составов преступлений; в установлении системы наказаний и конструировании санкций уголовно-правовых норм; в определении оснований и условий, при наличии которых допускается освобождение от уголовной ответственности и наказания. Все это способствует единообразному применению уголовного закона, правильной квалификации преступлений и избранию справедливой меры ответственности. Этот принцип находит свое логическое продолжение в индивидуализации уголовной ответственности, направленной на достижение справедливого решения по каждому конкретному уголовному делу.

Индивидуализация уголовной ответственности, как и дифференциация, также регламентируется законом. Наряду с дифференцированием в нормах УК различных форм реализации уголовной ответственности (разного ее объема), законодатель в рамках этих же норм закрепляет общие критерии и требования по применению указанных форм при решении вопроса об ответственности лица за конкретное преступление. Тем самым он позволяет индивидуализировать ответственность. Законодатель как бы определяет дальнейшее развитие дифференциации уголовной ответственности, но уже в плоскости приведения данного законом принципиального решения в соответствие с конкретными особенностями конкретного случая.

Таким образом, в процессе индивидуализации уголовной ответственности происходит переход от общих указаний закона, определяющих объем ответственности в основном по составу преступления, характеру и степени (тяжести) мер принуждения, к решению вопроса о возможности привлечения к ответственности (или освобождения от

неё) конкретного лица с учетом его личностных особенностей и обстоятельств конкретного преступления, им совершенного.

22. Анализ предусматриваемых в уголовном законодательстве до принятия в 1996 г. УК РФ различных последствий освобождения от уголовной ответственности, формировавшихся на протяжении многих лет развития нашего уголовного права показал, что их наличие в УК 1960 г. было оправданным. Практика борьбы с преступностью до 1 января 1997 г. свидетельствует, что в случае правильного применения института освобождения от уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности (небольшой тяжести), с применением мер административного, общественного или воспитательного воздействия в качестве последствий освобождения, задачи и цели уголовной ответственности достигались, как правило, более эффективно, с меньшими общественными затратами и без применения наказания. Действенность таких последствий подтверждается в работах многих исследователей По их мнению эффективность иных мер уголовного и неуголовно-правового воздействия часто выше, чем эффективность наказания в виде лишения свободы.[1]

23. Известно, что процесс сокращения (экономии) уголовной репрессии есть благо не только для преступника, но и в первую очередь для общества. Заключается же этот процесс именно во введении в уголовный закон альтернативных лишению свободы мер уголовного и уголовно-правового воздействия, вплоть до наличия в статьях УК возможности освобождения от уголовной ответственности с применением к освобожденному иных (не уго-

---

[1] См.: Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. - М., 1982. С. 106 - 107.; Ефремова К.Х., Лежава Т.Ш., Ратинов А.Р., Шавгулидзе Т.П. Общественное мнение и преступление. - Тбилиси, 1984. С. 206 - 208; Носкова Н.А. Общественное мнение и эффективность мер воздействия, предусмотренных уголовным законодательством // Актуальные проблемы уголовного права. - М., 1988. С. 125 - 131.

ловно-правовых) мер воздействия, за совершенное небольшое по общественной опасности (тяжести) преступление.

Изучение отечественного и зарубежного опыта позволило автору сделать вывод: новый УК РФ делает шаг назад в вопросах реализации ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, определяя лишь один вид освобождения от уголовной ответственности с наступлением для освобожденного (несовершеннолетнего) альтернативных уголовному наказанию принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90).

В диссертации в § 4 главы 3 раздела II автор обосновывает необходимость двух новых видов освобождения от уголовной ответственности, имеющих условный характер и способных существенно повысить эффективность исправительного воздействия на лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Законы, нормативные акты, официальные документы

1.1 Конституция Российской Федерации – М.: "Юрид. лит-ра", 1993.

1.2. Акты археографической экспедиции. – Спб, 1836. Т.1. №281.

1.3. Акты исторические. – Спб., 1842. Т3. № 167.

1.4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т.1 (1294-1598 гг.) – Спб, 1836 № 229.

1.5. Двинская судная грамота // Карамзин Н.М. История государства российского. Ростов-на-Дону: "Феникс", 1995. Кн.2. С.285-286.

1.6. Закон РФ от 14 июля 1992 г. "О порядке перерасчета размеров штрафов, предусмотренных Кодексом РСФСР об административных правонарушениях" // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. №27. Ст.1565.

1.7. Закон РФ "О судебной системе" (проект) // Российская газета, 1995. 22 февраля.

1.8. Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорской Академией наук. Под ред. Н.В.Калачова. – Спб., 1880. Т1. №14, 38 и др. – 476 с.

1.9. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973. №2. с.11.

1.10. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных судов СССР и РСФСР (1938-1978 гг.) // Сост. С.В.Бородин и Г.А.Левицкий. Изд. 3-е. – М., 1980. С.89.

1.11. Новый уголовный кодекс Франции. Пер. с фр. М.Б.Гарф, М.В. Щорс, Н.Е. Крыловой. / Науч.ред. Н.Ф. Кузнецова, Э.Ф. Побегайло. – М: "Юрид. колледж МГУ", 1993 – 212 с.

1.12. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. – М.: "Юрид. лит-ра", 1960.

1.13. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик // Ведомости Съезда народных депутатов Верховного Совета СССР. – 1991. №3. Ст.862.

1.14. Памятники русского права. / Под. ред. С.В. Юшкова. – М., 1956. Вып. 4. С.413-473, 482-566.

1.15. Памятники русского права. / Под. ред. С.В.Юшкова. – М., 1956. Вып. 5. С.279.

1.16. Полное собрание законов Российской империи. – Спб.: типография отделения собств. е. и. В. канцелярии, Т.1-7, 1830, №1346, 1595, 1598, 1670, 1830, 1836 п.6, №1860, №1822 п.28, № 2026, №2036 п.10, №2068, 2211, 2321, 2373, №2467 п.1, №2707, 2786 п.7, №2823 п."ж", №2876, №2871, 3006, 3081, 3154, 3223, 3330, 3313, 3336, 3212, 3445, №3870 п.14, №3803, 3903, 3631, 3984, 4196, 4409, №4533 разд. II ст.11, №4608, 5118.

1.17. Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 января 1969 г., 28 мая 1971 г., 1 октября 1985 г. и 6 августа 1986 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. №23. Ст.539; 1969. №4. Ст.89; 1971. №22. Ст.433; 1977. №12. Ст.259; 1985. №40 Ст.1400; 1986. №3 Ст.919.

1.18. Постановление Верховного Совета Российской Федерации "Об амнистии" от 18 июня 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. №27. Ст.1565.

1.19. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. "О практике применения судами общих начал назначения наказания" // Бюллетень Верховного Суда СССР, 1979. №4.

1.20. Постановление №8 Пленума Верховного Суда СССР о практике применения судами мер административного взыскания к лицам освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со

ст.43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 7 сентября 1978 г. (с измен. от 26 апреля 1984 г. и 16 января 1986 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР, 1979. №4, 1984. №4, 1986. №1.

1.21. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект американского института права. Пер. с англ. А.С.Никифорова. // Под. ред. Б.С.Никифорова. – М.: "Прогресс", 1969 – 303 с.

1.22. Приложение: Уголовный кодекс от 15 мая 1871 г. в редакции от 1 января 1975 г. с изменениями на 1 января 1979 г. // Кузнецова Н, Вельцель Л. Уголовное право ФРГ – М.: Изд-во МГУ, 1980. С.174-212.

1.23. Российское законодательство X-XX вв. в 9-ти томах / Под общей редакцией О.И.Чистякова:

Т.1. Законодательство Древней Руси. – М.: "Юрид. лит-ра", 1984. С.47-63, 64-129, 304-308, 331-342;

Т.2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – М.: "Юрид. лит-ра", 1985. С.54-62, 66-69, 72-74, 82, 97-120, 137, 198;

Т.3. Акты земских соборов – М.: "Юрид. лит-ра", 1985. С.83, 88, 134, 241-242, 245, 248-251, 259-260, 313-314, 425-426, 430, 432-436;

Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: "Юрид. лит-ра", 1986. С.327-365, 377, 381, 386.

1.24. Русско-византийский договор 911 г. // Полное собрание русских летописей. Т.1. – М., 1962. Стб.33-36.

1.25. Русско-византийский договор 945 г. // Полное собрание русских летописей. Т.1 – М., 1962. Стб. 46-53.

1.26. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР: 1917-1952 гг./ Составитель А.А.Герцензон (Под ред. И.Т.Голякова). – М., 1953. С.15, 16, 22, 58-59.

1.27. Сборник узаконений и распоряжений правительства РСФСР за 1917-1918 гг. №26. Ст.8, Ст.420, №85. Ст.889.

1.28. Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК за время с 1 января по 1 октября 1922 г. – М., 1922. С.36.

1.29. Сводный отчет по России о следственной работе за 1995 год. М.: ГИЦ МВД России, 1996.

1.30. Сводный отчет по России о следственной работе за 1996 год. М.: ГИЦ МВД России, 1997.

1.31. Сводный отчет по России о следственной работе за 1997 год. М.: ГИЦ МВД России, 1998.

1.32. Стандартные минимальные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних ("Пекинские правила"), принятые на VII Конгрессе ООН (Милан, Италия, 1985 г.)

1.33. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства Союза ССР и РСФСР (1953-1991 гг.). Часть II – Законодательство РСФСР (Составители – Н.С.Захаров и В.П.Малков). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. С.13-101.

1.34. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (с изменениями и дополнениями на 20 октября 1995 г.) – Новосибирск: ТОО "ЮКЭА", 1995 – 240 с.

1.35. Уголовный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. – М.: Изд. группа ИНФРА М, 1996. – 192 с.

1.36. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (с постатейно систематизированными материалами по состоянию на 1 декабря 1995 г.) / Сост. и ответ. ред. Н.М.Кипнис. – М.: Юристъ, 1996 - 637 с.

1.37. Уголовное право буржуазных стран: Общая часть. Сборник законодательных актов. / Под ред. А.Н.Игнатова и И.Д.Козочкина. – М.: Изд-во УДН, 1990 – 312 с.

1.38. Уголовное право США: Сборник нормативных актов / Сост., отв. ред. и автор вступ. ст. И.Д.Козочкин. – М.: Изд-во УДН, 1985 – 160 с.

1.39. Уголовное уложение. – Спб.: Сенатская типография, 1903 – 204 с.

1.40. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. "О внесении изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и союзных республик" / Ведомости Верховного Совета СССР, 1977 №7. Ст.116.

1.41. Указ Президента Российской Федерации №1338 от 6 сентября 1993 г. "О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав" // Бюллетень текущего законодательства. – М., 1993. Вып.5. Часть 1. С.140.

1.42. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Спб.: тип 2-го отд-ния собств. е.и.в. канцелярии, 1845 – 592 с.

1.43. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (Издание 1885 г., по Продолжению 1912 г) // Свод законов уголовных с предметным указателем (Составитель Н.Озерецковский). Изд-е 2. – Спб., 1911. С.27.

2. Книги

2.1. Алиев Н.Б. Повторность и рецидив по советскому уголовному праву. – Махачкала: Дагестанский ун-т, 1978 – 118 с.

2.2. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. – Баку: "Элм", 1992 – 196 с.

2.3. Ананиан Л.Л. Преступность несовершеннолетних в скандинавских странах. – М.: "Наука", 1974 – 175 с.

2.4. Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних (теоретическое введение в изучение спецкурса). – М.: ВШ МВД СССР, 1970 – 125 с.

2.5. Астемиров З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. – Махачкала: Дагестанский ун-т, 1987 – 91 с.

2.6. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. – Минск: "Вышэйша школа", 1976 – 383 с.

2.7. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. – Саратов: Сарат. ун-т, 1978 – 146 с.

2.8. Барщев Я. О влиянии обычая, практики, законодательства и науки на развитие уголовного, в особенности русского, права. – Спб., 1846 (оттиск). С.43-116.

2.9. Боботов С.В. Буржуазная юстиция: состояние и перспективы развития. – М.: "Наука", 1989 – 253 с.

2.10. Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. – М., 1857 – 146 с.

2.11. Брайнын Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М.: "Юрид. лит-ра", 1963 – 275 с.

2.12. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: "Юрид. лит-ра", 1976 – 215 с.

2.13. Болдырев Е.В. Меры предупреждения преступности несовершеннолетних в СССР. – М.: "Наука", 1964 – 368 с.

2.14. Бутов В.Н. Уголовный процесс Англии. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1988 – 193 с.

2.15. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989 – 511 с.

2.16. Бытко Ю.И. Понятие рецидива преступлений (исторический очерк). – Саратов: Сарат. ун-т, 1978 – 75 с.

2.17. Вернадский Г.В. Киевская Русь / Под ред. Николаева Б.Н. (Пер. с англ. Е.П.Беренштейна, Б.Л.Губмана, О.В.Строгановой). – Тверь: "ЛЕАН", М.: "АГРАФ", 1996 – 448 с.

2.18. Вернадский Г.В. Россия в средние века / Под ред. Б.А.Николаева (Пер. с англ. Е.П.Беренштейна, Б.Л.Губмана, О.В.Строгановой). – Тверь: "ЛЕАН", М.: "АГРАФ", 1997 – 352 с.

2.19. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. – М.: "Наука", 1987 – 111 с.

2.20. Виттенберг Г.Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. – Иркутск: Иркутск. гос. ун-т, 1970. Часть 1 – 223 с; 1971. Часть 2 – 228 с.

2.21. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права, изд. 4-е. – Киев, 1905 – 712 с.

2.22. Власьев Н.С. О вменении по началам теории древнего русского права. – М.: 1860 – 238 с.

2.23. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – Казань: Казан. ун-т, 1975 – 110 с.

2.24. Гальперин И.М. Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью. – М.: "Юрид. лит-ра", 1972 – 184 с.

2.25 Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. – М.: "Юрид. литра", 1983 – 206 с.

2.26. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая: Учебное пособие для слушателей ВЮА КА. – М.: РИО ВЮА КА, 1946 – 325 с.

2.27. Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С., История Советского уголовного права. – М.. "Юрид. лит-ра", 1948 – 466 с.

2.28. Горегляд О. Опыт начертания Российского уголовного права. Часть первая о преступлениях и наказаниях вообще. – Спб., 1815 – 168 с.

2.29. Голик Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения. Вопросы теории. – Новосибирск, 1992 – 116 с.

2.30. Голиков Н.Б. Политические процессы при Петре I. – М.: Госполитиздат, 1957 – 243 с.

2.31. Горелик И.И., Тишкевич И.С. Вопросы уголовного права (общая часть) в практике Верховного Суда БССР. – Минск, 1973. С.28.

2.32. Гришанин П.Ф. Меры уголовно-правового воздействия на преступность и их реализация органами внутренних дел. Лекция. – М.: Академия МВД России, 1996 – 42 с.

2.33. Гуковская Н.И., Долгова А.И., Миньковский Г.М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. – М.: "Юрид. лит-ра", 1974 – 208 с.

2.34. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. – Владивосток: Дальневост. ун-т, 1970 – 132 с.

2.35. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: "Юрид. лит-ра", 1975 – 182 с.

2.36. Домахин А.С., Степанов В.Г. Общественное поручительство. – М.: Госюриздат, 1962 – 100 с.

2.37. Емонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1979 – 83 с.

2.38. Емонский В.А. Поощрительные нормы и их значение в деятельности органов внутренних дел. – Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1979 – 83 с.

2.39. Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве. – Варшава, 1903 – 61 с.

2.40. Ефремова К.Х., Лежава Т.Ш., Ратинов А.Р., Шавгулидзе Т.П. Общественное мнение и преступление. – Тбилиси: "Мацниереба", 1984 – 84 с.

2.41. Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказаниях. – Петроград: "Academia", 1923 – 108 с.

2.42. Загоскин Н.П. История права Московского государства. – Казань: Казан. ун-т, 1877, Т.1 – 345 с.

2.43. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. – Казань: Казан. ун-т, 1892 – 103 с.

2.44. Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. – Иркутск: Иркутск. ун-т, 1993 – 123 с.

2.45. Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. – Харьков: "Виша школа", 1980 – 151 с.

2.46. Зелинский А.Ф. Квалификация повторных преступлений. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976 – 55 с.

2.47. Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1980 – 159 с.

2.48. Ивлев Ю.В. Логика. – М.: МГУ, 1992 – 269 с.

2.49. Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. – М.: "Юрид. лит-ра", 1989 – 448 с.

2.50. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: "Юрид. лит-ра", 1961 – 381 с.

2.51. Караев Т.Э. Повторность преступлений. – М.: "Юрид. лит-ра", 1983. С.42-50.

2.52. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х книгах. Кн.4 (т.X-XII). – Ростов н/Д: "Феникс", 1995 – 544 с.

2.53. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. – М.: "Юрид. лит-ра", 1971 – 133 с.

2.54. Карпец И.И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1961 – 152 с.

2.55. Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М.: "Юрид. лит-ра", 1985 – 256 с.

2.56. Карпушин М.И., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: "Юрид. лит-ра", 1969 – 231 с.

2.57. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: "Наука", 1979 – 232 с.

2.58. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М.: "Наука", 1988 – 176 с.

2.59. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекции в 3-х книгах. Кн.2 – М.: "Мысль", 1993 – 584 с.

2.60. Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций, вып.1: Введение в уголовное право. – Свердловск: Юридич. ин-т, 1971 – 146 с.

2.61. Коврига Э.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1975 – 175 с.

2.62. Кожевникова А.П., Миньковский Г.М. Предупреждение правонарушений среди молодежи. – М.: "Знание", 1971 – 81 с.

2.63. Козаченко И.Я. Уголовная ответственность: Лекция. – Свердловск: "Юрид. лит-ра", 1987 – 26 с.

2.64. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, 2-е изд., испр. и доп. –М.: "Зерцало", 1998 – 878 с.

2.65. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В.Наумов – М.: Юристъ, 1996 – 824 с.

2.66. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов Сарат. ун-т, 1978 – 137 с.

2.67. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика // Проблемы криминализации и пенализации. Владивосток: Дальневосточ. гос. ун-т, 1987 – 267 с.

2.68. Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991 – 496 с.

2.69. Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1997, часть 1 – 83 с.

2.70. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, Франции, США, Германии): Учебное пособие. – М.: "Зерцало", 1997 – 192 с.

2.71. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М.: "Наука", 1982 – 287 с.

2.72. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – М.: "Наука", 1986 – 448 с.

2.73. Кузнецова Н., Ветцель Л. Уголовное право ФРГ. – М.: Моск. ун-т, 1980 – 213 с.

2.74. Куприц Н.Я. Государственно-правовые идеи "просвещенного" абсолютизма в "Наказе" Екатерины II. – Л.: Ленингр. ун-т, 1979. С.72-73.

2.75. Курляндский В.И. Уголовная ответственность м меры общественного воздействия. – М.: "Юрид. лит-ра", 1965 – 142 с.

2.76. Курс советского уголовного права / Под ред. А.А. Пионтковского, П.В. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М.: "Наука", 1970, Т.3 – 350 с.

2.77. Курс советского уголовного права / Под ред. А.А. Пионтковского, П.В. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М.: "Наука", 1971, Т.6 – 560 с.

2.78. Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. – Л.: Ленингр. ун-т, 1968, Т.1 – 646 с.

2.79. Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А.Беляева и М.Д. Шаргородского. – Л.: Ленингр. ун-т, 1970, Т.2 – 672 с.

2.80. Курс советского уголовного права / Под.ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. – Л.: Ленингр. ун-т, 1981, Т.5 – 654 с.

2.81. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половина XVII веков). – Спб., 1884. С.203-205.

2.82. Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. – Спб., 1860 – 290 с.

2.83. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л.: ЛТУ, 1968 – 129 с.

2.84. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.: Госюриздат, 1962 – 238 с.

2.85. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). – М.: МГУ, 1980 – 239 с.

2.86. Ллойд Л. Уайнреб Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. – М.: 1985. С.95.

2.87. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. – Спб., 1867 – 662 с.

2.88. Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905-1915 гг.). – Пг, 1915 – 379 с.

2.89. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Пер. с франц. – М.: "Прогресс, Универс", 1993 – 382 с.

2.90. Магомедов А.А. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности. – Саратов: СВШ МВД России, 1994 – 140 с.

2.91. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – М.: "Юрид. лит-ра", 1985 – 192 с.

2.92. Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань: Казан. ун-т, 1982 – 172 с.

2.93. Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. – Омск: ВШМ МВД СССР, 1973 – 36 с.

2.94. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теорет.-информ. аспект. – Саратов: Саратов. ун-т, 1994 (1995) – 180 с.

2.95. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.6. С.259.

2.96. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1989 – 120 с.

2.97. Миньковский Г.М. Профилактика правонарушений среди молодежи. – Киев: "Вища школа", 1985 – 55 с.

2.98. Минна Р. Мафия против закона. – М., 1998. С.283.

2.99. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов: СВШ МВД России, 1996 – 288 с.

2.100. Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. – М.: "Юрид. лит-ра", 1976 – 311 с.

2.101. Намоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. – Владивосток: Дальневост. ун-т, 1989 – 160 с.

2.102. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы исправительно-трудового права. – М.: "Юрид. лит-ра", 1967 – 191 с.

2.103. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973 – 176 с.

2.104. Наумов А.В. Реализация уголовного права. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983 – 83 с.

2.105. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: Бек, 1996 – 560 с.

2.106. Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. – Одесса: "Техник", 1917 – 645 с.

2.107. Немировский Э.Я. Учебник уголовного права. Общая часть. – Одесса: "Акц. южно-русск. об-во печатн. Дела", 1919 – 372 с.

2.108. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Часть Общая и Особенная. – Одесса: "Одесполиграф", 1926 – 363 с.

2.109. Никулин С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел в борьбе с преступностью. – М.: МВШМ МВД СССР, 1985 – 64 с.

2.110. Никулин С.И. Нравственные начала уголовного права: Учебное пособие. – М.: МВШМ МВД СССР, 1992 – 70 с.

2.111. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. – Саратов: Саратов. ун-т, 1962 – 156 с.

2.112. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1976 – 206 с.

2.113.Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л.: ЛГУ, 1976 – 206 с.

2.114. Основания уголовно-правового запрета / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев и А.М. Яковлев. – М.: "Наука", 1982 – 303 с.

2.115. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В Козловского. – М.: "Независимая газета", 1993 – 421 с.

2.116. Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Госюриздат, 1928, Т.1, 2-е изд. – 312 с.

2.117. Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Госюриздат, 1929, Т.1, 3-е изд. – 371 с.

2.118. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М.: "Высшая школа", 1993 – 736 с.

2.119. Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1990 – 176 с.

2.120. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. / Отв. ред. Н.Ф.Кузнецова. – М.: "Юрид. лит-ра", 1991 – 287 с.

1.121. Преступность и правонарушения. 1993 г. Статистический сборник. – М., 1994. С.16.

2.122. Преступность в России в девяностых годах и некоторые аспекты законности борьбы с ней. – М.: "Криминологическая Ассоциация", 1995. С.3-23.

2.123. Преступность, статистика, закон. / Под ред. А.И.Долговой. – М.: "Криминолог. Ассоц.", 1997. С.4-27, 73-81.

2.124. Преступность и реформы в России. / Под ред. А.И. Долговой. – М.: "Криминолог. Ассоц.", 1998. С.335-344.

2.125. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по Русской истории. Киевская Русь. – М.: "Наука", 1993 – 635 с.

2.126. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. – Л.: ЛГУ, 1984 – 136 с.

2.127. Прохоров В.С., Кропочев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1989 – 203 с.

2.128. Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права. – Саратов: Сарат. ун-т, 1994 – 320 с.

2.129. Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация: Учебное пособие. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1983 – 88 с.

2.130. Рогов В.А. Уголовные наказания и репрессии в России. Середина XV-середина XVII веков. – М.: "Росвузнаука", 1992 – 94 с.

2.131. Сабанин С.Н. Справедливость освобождения от уголовной ответственности и наказания. – Екатеринбург: Уральск. гос. юрид. академия совместно с Екатер. ВШ МВД России, 1993 – 170 с.

2.132. Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение: (Понятие, регулирование, последствия). – Томск: Томск. гос. ун-т, 1985 – 193 с.

2.133. Самошенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: "Юрид. лит-ра", 1971 – 240 с.

2.134. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. – Л.: Ленингр. ун-т, 1982 – 97 с.

2.135. Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. – Киев, 1889 (1890) – 708 с.

2.136. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII в. – Спб., 1887 – 300 с.

2.137. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – Спб., 1887 – 434 с.

2.138. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 9-е. – Спб., 1911 – 397 с.

2.139. Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. – Киев: "Наукова думка", 1987 – 183 с.

2.140. Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев. – М.: "Наука", 1980 – 296 с.

2.141. Советское социалистическое уголовное право. Часть общая (для обсуждения) / Под ред. Б.С.Утевского. – М.: ВИЮН НКЮ СССР, 1950 – 586 с.

2.142. Советское уголовное право. Часть Общая. – М.: МГУ, 1988 – 368 с.

2.143. Советское уголовное право. Особенная часть. – М.: "Юрид. лит-ра", 1988 – 608 с.

2.144. Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права (Первая четверть XIX в.). – Л.: Ленингр. ун-т, 1961 – 170 с.

2.145. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – Спб., 1914 – 120 с.

2.146. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. – Спб., 1863, Т.1. – 178 с.

2.147. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Саратов. ун-т, 1978 – 288 с.

2.148. Таганцев Н.С. О повторности преступления. – Спб., 1867 – 296 с.

2.149. Таганцев Н.С. Исследование ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположения об этом вопросе. – Спб., 1871 – 146 с.

2.150. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. – Спб., Кн.1 Вып.1, 1874 – 284 с; Кн.1. Вып.2, 1878 – 324 с; Кн.1. Вып.3, 1880 – 174 с.

2.151. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. – Спб., 1902, Т.1 – 646 с, Т.2 – 798 с.

2.152. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. – Спб., 1887. Вып.1 – 478 с; 1888. Вып.2 – 320 с; 1892. Вып.4 – 376 с.

2.153. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-ое, пересмотр. и дополненное. – Спб., 1904 – 977 с.

2.154. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. – Спб., 1904 – 1122с.

2.155. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2-х томах / Составитель и отв. ред. Н.И. Загородников. – М.: "Наука", 1994, Т.1 – 380 с; Т.2 – 393 с.

2.156. Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1986 – 120 с.

2.157. Тер-Акопов А.А. Правовые основания уголовной ответственности военнослужащих. – М.: "Юрид. лит-ра", 1981 – 151 с.

2.158. Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления: проблемы социального содержания вины в советском уголовном праве. – Саратов: Приволж. книжн. изд-во, 1967 – 104 с.

2.159. Тобин Э.К. Взгляд на основные начала русского уголовного законодательства с древнейших времен до Уложения о наказаниях 1845 г. Речь произнесенная в день тезоименитства его императорского величества. / Пер. с нем. языка А.Л. (оттиск из Журнала Министерства народного просвещения). – 1847. №6 – 42 с.

2.160. Товарищеские суды: пособие для слушателей народных институтов. Изд. 3-е. – М.: "Знание", 1982 – 207 с.

2.161. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М.: Изд-во 1-го Моск. ун-та, 1929 – 511 с.

2.162. The legal Scope of non. – prosecution in Europe Heu Ni (Helsinki). 1986. №6. P. 46-47, 48, 86.

2.163. Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел / Под.ред. Н.И. Загородникова. – М.: МВШМ МВД СССР, 1987 – 100 с.

2.164. Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания / Под ред. Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. – Спб., 1992 – 260 с.

2.165. Уголовное право. Общая часть. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938 – 407 с.

2.166. Уголовное право. История юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: "Наука", 1978 – 309 с.

2.167. Уголовное право. Общая часть. Учебник для ВУЗов / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: "Юристъ", 1996 – 512 с.

2.168. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: "Новый Юрист, КноРус", 1997 – 592 с.

2.169. Учебник уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М.: "СПАРК", 1996 – 412 с.

2.170. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. С.Г.Келина, В.Н. Кудрявцев. – М.: "Наука", 1987 – 280 с.

2.171. Утевский Б.С. Несовершеннолетние правонарушители. – М-Л.: Госучпедгиз, 1932 – 64 с.

2.172. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1950 – 320 с.

2.173. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск: Томск. ун-т, 1981 – 213 с.

2.174. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформою. – М.: 1891 – 457 с.

2.175. Фридман Л. Введение в американское право. – М.: "Прогресс, Универс", 1993 – 368 с.

2.176. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. – Спб.: "Альфа, Равена", 1995 – 846 с.

2.177. Чугаев А.П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних. – Краснодар: Краснодар. ун-т, 1979 – 96 с.

2.178. Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы Общей части (1917-1936 гг.) Учебное пособие. Вып.1 – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981 – 88 с.

2.179. Шишов О.Ф. Проблемы уголовной ответственности в истории советского уголовного права. – М.: Академия МВД СССР, 1982 – 84 с.

2.180. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в Советском уголовно-процессуальном праве. Л.: ЛГУ, 1976 – 143 с.

2.181. Юшков С.В. История государства и права СССР. Часть 1. Изд.4 – М.: Госюриздат, 1961 – 665 с.

3. Статьи

3.1. Алексеев Н.С., Смирнов В.Г., Шаргородский М.Д. Основания уголовной ответственности по советскому праву. – Правоведение, 1961. №2. С.63-72.

3.2. Антонян Ю., Бородин С. Изучение правонарушителей с психическими аномалиями. – Соц. законность, 1985. № 2. С.36.

3.3. Астемиров З.А. Понятие юридической ответственности. – Совет. гос. и право, 1979. № 6. С.70.

3.4. Базылев Б.Т. Проблемы юридической ответственности. – Правоведение, 1972. № 3. С.9.

3.5. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность как охранительное правоотношение – Сов. гос. и право, 1980. № 8. С.122.

3.6 Божьев В.П., Фролов В.А. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения. – Сов. гос. и право, 1974. № 1. С.87-95.

3.7. Бойцов А.И. Понятие уголовной ответственности. – Вестник ЛГУ, серия: экономика, философия, право. – Л., 1981. № 13, вып.3. С.87-95.

3.8. Бусырев Н.А. Классификация освобождения от уголовной ответственности // Сборник аспирантских работ по вопросам государства и права. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1963, вып.2. С.309-330.

3.9. Вавилов К.К. Об основаниях освобождения от уголовной ответственности. – Вестник ЛГУ, серия: экономика, философия, право, вып.1. – Л., 1963. № 5. С.99-111.

3.10. Виттенберг Г.Б. Совершенствование законодательства о наказании. – Сов. гос. и право, 1981. № 4. С. 7-8.

3.11. Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности. – Правоведение, 1963. № 3. С.90-98.

3.12. Гаверов Г.С. Проблемы совершенствования законодательства и судебной практики применения к несовершеннолетним правонарушителям принудительных мер воспитательного характера // Проблемы совершенствования борьбы с преступностью. – Иркутск: Иркутск. ун-т, 1985. С.52-59.

3.13. Головкин Л.В. Юридическая ответственность в общетеоретическом плане. – Сов. гос. и право, 1972. №10. С.135.

3.14. Городицкий А. (Кистяковский А.) Влияние Беккарии на русское уголовное право // Журнал Министерства юстиции, 1864. Сентябрь. С.464.

3.15. Дагель П.С., Намоконов В.А. Уголовная политика и проблема позитивной ответственности // Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток: Дальневост. ун-т, 1985. С.72.

3.16. Дифференциация уголовной ответственности (редакционная статья). – Соц. законность, 1982. №1. С.69.

3.17. Дубинин Т.Т. Основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М.: "Наука", 1981. С.79-88.

3.18. Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений. – Сов. гос. и право, 1963. №11. С.85-89.

3.19. Загородников Н.И. О пределах уголовной ответственности. – Сов.гос. и право, 1967. №7. С.39-46.

3.20. Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности. – Сов. гос. и право, 1977. №9. С.54-62.

3.21. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Вступительная статья // Уголовный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. – М.: "Инфра", "М-НОРМА", 1996. С.III-XX.

3.22. Исаев М.М. Понятие социальной опасности в Основных началах уголовного законодательства Союза и союзных республик. – Сов. право. М-Л., 1925. № 4(16). С.55-59.

3.23. Йешек Г.Г. Учет личности преступника при назначении наказания по уголовному праву ФРГ. // Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса (второй советско-германский коллоквиум: 18-22 октября 1982 г.) В.Г.Макашвили (гл. редактор). – Тбилиси: "Мацниереба", 1986. С.51-68.

3.24. Гальперин И.М. Дифференциация уголовной ответственности и эффективность наказания. – Сов. гос. и право, 1983. №3. С.17.

3.25. Калачов Н. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, издаваемые П.Редькиным. – М., 1842, Т.2. С.245-327.

3.26. Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: новые идеи. – М.: Инст. гос. и права РАН, 1994. С.68-82.

3.27. Келина С.Г. Некоторые проблемы совершенствования уголовного законодательства. – Сов. гос. и право, 1987. № 5. С.69.

3.28. Кистяковский А. Изложение начал уголовного права по Наказу императрицы Екатерины II // Университетские известия. – Киев, 1864. Октябрь. №10. С.1-21.

3.29. Клочков В.В. Социальная ответственность и уголовный закон. – Правоведение, 1987. № 2. С.3-13.

3.30. Корнилз К. Современные тенденции развития уголовной политики в странах Северной Европы // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт. – Красноярск: Красн. ун-т, 1989. С.102-114.

3.31. Криволапов Г.Г. Уголовная ответственность как правовое последствие совершения преступления. – Труды МВШМ МВД СССР. – М., 1978. Вып.2 С.70-76.

3.32. Курляндский В.И. Уголовная ответственность, дифференциация и индивидуализация. // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975. С.89-90.

3.33. Лившиц Ю.М. Материальное содержание основания уголовной ответственности – Правоведение, 1963. №3. С.156.

3.34. Лютов К. Индивидуализация уголовной ответственности. // Правовые исследования. – Тбилиси: "Мацниереба", 1977. С.141.

3.35. Мальгин В.А. Судья остается жалобщиком. / Известия, 1998. 19 февраля.

3.36. Малютки лидируют / Российская газета, 1994. 19 мая.

3.37. Миньковский Г.М., Ревин В.М., Магомедов А.А. Уголовный Кодекс Российской Федерации принят, но ... / Юридическая газета, 1996. №5. С.3-4.

3.38. Молодцов А.С. Некоторые аспекты применения законодательства о передаче на поруки // Гарантии прав личности и проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. – Ярославль: Яросл. ун-т, 1989. С. 27-37.

3.39. Мотовиловкер Я.О. Уголовно-процессуальная ответственность обвиняемого и уголовно-материальная ответственность виновного – Правоведение, 1977. № 1. С. 59-65.

3.40. Наумов А.В. Правовые наследствия освобождения от уголовной ответственности. – Сов. юстиция, 1976. № 20. С.11.

3.41. Наумов А.В. Механизм уголовно-правового регулирования // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. – М., 1996. С.5-17.

3.42. Ненов И. Дифференциация уголовной ответственности // Правовые исследования. – Тбилиси: "Мацниереба", 1977. С.130.

3.43. Носкова Н.А. Общественное мнение и эффективность мер воздействия, предусмотренных уголовным законодательством // Актуальные проблемы уголовного права. – М., 1988. С.125-131.

3.44. Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности. – Сов. гос. и право, 1967. № 12. С.40-48.

3.45. Пионтковский А.А. Основные аспекты теории наказания. – Сов. гос. и право, 1969. № 7. С.34-82.

3.46. Роксин К. Основание уголовно-правовой ответственности и личность преступника // Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса (Второй советско-западногерманский коллоквиум: 18-22 октября 1982 г.). В.Г.Макашвили (гл. редактор). – Тбилиси: "Мацниереба", 1986. С.19-34.

3.47. Сабанин С.Н. О целесообразности сохранения института освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки // Вопросы совершенствования социального и правового регулирования. – Свердловск: Юрид. ин-т, 1981. С.133-137.

3.48. Самошин А.И. Единство уголовно-правовых отношений. – Сов гос. и право, 1971. № 1. С.96-99.

3.49. Санталов А.И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении. – Вестник ЛГУ, серия: экономика, философия, право. Л., 1972. № 23, вып.4. С.125-129.

3.50. Сахаров А.Б. О принципах социалистического уголовного права. – Правоведение, 1969. № 4. С.61.

3.51. Сигалов Л.Е. Этапы и процессуальные формы развития уголовно-правовых отношений, ответственности, наказания и судимости // Процессуальные вопросы развития уголовной ответственности. – Свердловск: Юрид. ин-т, 1973. С.3-33.

3.52. Сидорова Н. Практика применения принудительных мер воспитательного характера. – Сов. юстиция, 1981. № 7. С. 9-10.

3.53. Сидорова Н, Семернева Н. Квалификация повторных преступлений. – Сов. юстиция, 1976. № 14. С.4-5.

3.54. Скрыпелев Е.А., Антонова Н.А. К характеристике законодательства первого пятилетия советской власти (1917-1922) // Теория права: новые идеи. Вып.4 / Отв. ред. С.В. Поленина – М., 1995. С.51.

3.55. Смирнов В.Г. Правоотношения в уголовном праве – Правоведение, 1961. № 3. С.89.

3.56. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности – Сов. гос. и право, 1979. №5. С.72-78.

3.57. Судакова Т.Н. Индивидуализация ответственности и наказания – Вестник АН Казахской ССР. С.82-94.

3.58. Тихонов К.Ф. О сущности уголовной ответственности // Вопросы предупреждения преступлений: сборник научных статей. – Томск: Томский ун-т, 1967. № 69. С.3-7.

3.59. Филимонов В.Д. Личность преступника и проблема основания уголовной ответственности // Вопросы предупреждения преступлений – Томск: Томский ун-т, 1967. №69. С.8-13.

3.60. Чечина И.А. Элькин П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности. – Сов. гос. и право, 1973. №9. С.33-41.

3.61. Шмидт С.О. Из истории редактирования царственной книги // Россия на путях централизации. М., 1982. С.238.

3.62. Шпилевский С. Об источниках русского правосудия // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1862. С.317.

3.63. Штамм С.И. Судебник 1497 года. М.: "Наука", 1995. С.49.

3.64. Щапов Я.Н. Вторая жизнь памятников права в Древней Руси / Россия на путях централизации. – М.: "Наука", 1995. С.210.

3.65. Шнейдер М.А. Учебно-методическое письмо по советскому уголовному праву для студентов ВЮЗИ. – М., 1950.

3.66. Эстрин А.Я. О вине и уголовной ответственности – Сов. гос. и право, 1935. № 1-2. С.108-125.

3.67. Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности – Сов. гос. и право, 1971. №3. С.87.

4. Авторефераты

4.1. Бойцов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. – Л., 1982. – 24 с.

4.2. Песлякас В.Ч. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (по материалам Литовской ССР): Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук – Харьков, 1980 – 16 с.

4.3. Сабанин С.Н. Проблемы эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. – Свердловск, 1981 – 20 с.

4.4. Семернёва Н.К. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспи-

тательного характера: Автореф. дис. на соиск. уч степени канд. юрид. наук – Свердловск, 1969 – 27 с.

4.5. Сенцов А.С. Уголовная ответственность и ее ноль в реализации уголовной политики: Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. – М., 1985 – 26 с.

4.6. Фефилова В.Ф. Преступление и проступок: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – М., 1977 – 24 с.

5. Справочная и вспомогательная литература

5.1. Большая советская энциклопедия. – М., 1956, 2-е изд., Т.43. С.619.

5.2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: "Рус. яз.", 1955, Т.2.

5.3. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: "Наука", 1971 – 656 с.

5.4. Советское уголовное право. Библиографический справочник (1981-1985 гг.). Сост. А.С.Горелик. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1987 – 184 с.

5.5. Философский словарь / Под ред. М.Н. Розенталя, изд.3-е. – М., 1972 – 486 с.

Приложение № 1

АНКЕТА

ПО ИЗУЧЕНИЮ ОТКАЗНЫХ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ПРЕКРАЩЕННЫХ В СВЯЗИ С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ СТ. СТ. 50 Ч.1, 50-1, 51, 10 Ч. 4, 52 УК РСФСР (ПЕРИОД 1990-1996 ГГ.)

№ прекращенного уголовного дела _____ № отказного материала _____

Место хранения _____

Квалификация преступления

первоначальная _____

окончательная _____

Фабула преступления _____

_____

_____

I. Сведения, характеризующие преступление

№№ пп	Вопрос	Ответ	Шифр ответа	Прим
1	Место совершения преступления	город поселок гор. типа сельская местность	1 2 3	
2	Преступление совершено	в одиночку при соучастии	1 2	
3	Дата возбуждения уголовного дела (подачи заявления) с момента совершения преступления	до 10 дней от 10 до 30 дней от 1 до 6 месяцев свыше 6 месяцев	1 2 3 4	
4	Ущерб, нанесенный преступлением	материальный (возмещен или нет) моральный физический	1 2 3	
5	Вид совершенного преступления: тяжкое, менее тяжкое (средней тяжести), не представляющее большой общественной опасности (небольшой тяжести)			

I. Сведения, характеризующие личность преступника

1	Пол	мужской женский	1 2
2	Возраст в момент совершения преступления	14-15 16-18 18-24 25-30 31-40 41-50 51 и старше	1 2 3 4 5 6 7
3	Образование на момент совершения преступления	высшее н/высшее среднее специальное среднее общее н/среднее (7-9 кл) начальное	1 2 3 4 5 6
4	Место жительства	город поселок гор типа сельская местность без опред м/ж	1 2 3 4
5	Какой период проживал в местности, где было совершено преступление	до 1 года от 1 года до 2 лет от 2 до 3 лет от 3 лет и более	1 2 3 4
6	Род занятий на момент совершения преступления	квалиф рабочий неквалиф Рабочий служащий колхозник предприниматель сотрудник коммерч фирмы студент учащийся пенсионер без опред занятий иное	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
7	Место работы	промышленное предприятие строительство с/х предприятие транспорт предприятие торговли и общественного питания учреждение коммунального хозяйства учреждение бытового обслуживания предприятие (фирма) на базе негосударственных форм собственности	1 2 3 4 5 6 7 8
8	Трудовой стаж	от 1 до 2 лет от 2 до 3 лет от 3 до 5 лет от 5 до 10 лет свыше 10 лет	1 2 3 4 5

9	Семейное положение	женат (замужем) холост (не замужем)	1 2
10	Подвергался ли виновный до совершения преступления мерам административного, дисциплинарного или общественного воздействия	не подвергался подвергался мерам административного воздействия подвергался мерам дисциплинарного воздействия подвергался мерам общественного воздействия	1 2 3 4
11	Сведения о судимости	ранее не судим судим по ст _____ судимость снята или погашена	1 2 3

I. Сведения о принятии решения

1	ВИД ПРИМЕНЕННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	Ч 1 СТ 50 УК РСФСР СТ 50-1 УК СТ 51 УК Ч 3 СТ 10 УК Ч 4 СТ 10 УК СТ 52 УК	1 2 3 4 5 6
2	ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ		
	Деяние не представляет большой общественной опасности		1
	Преступление совершено по неосторожности		2
	Деяние потеряло характер общественно опасного		3
	Наличие вины потерпевшего		4
	Отсутствие тяжких последствий, их малозначительность		5
	Лицо может быть исправлено без применения уголовного наказания		6
	Признание вины, чистосердечное раскаяние		7
	Возмещение ущерба		8
	Иное заглаживание причиненного вреда		9
	Совершение деяния впервые		10
	Лицо не представляет общественной опасности		11
	Лицо утратило общественную опасность		12
	Ходатайство коллектива		13
	Положительная характеристика лица		14
	Лицо работает, учится, участвует в общественной жизни		15
	Наличие несовершеннолетних детей, семьи		16

	Наличие постоянного места жительства		17
	Нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности		18
	Несовершеннолетний возраст лица		19
	Отсутствие претензий и возражений со стороны потерпевшего		20
	Пожилой возраст лица, инвалидность, болезнь и т п		21
	Иное _____ _____		22
	Обоснование применения освобождения отсутствует		23
3	Орган, принявший решение об освобождении от уголовной ответственности	следователь дознаватель прокурор	1 2 3
4	Наличие в уголовном деле постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст 143-144 УПК РСФСР)	есть нет	1 2
5	Признание вины лицом, освобожденным от уголовной ответственности	признал полностью признал частично не признал нет сведений	1 2 3 4
6	Наличие ходатайства трудового коллектива, общественной или иной (коммерческой, к примеру) организации	есть нет	1 2
7	Время вынесения постановления о прекращении уголовного дела (об отказе о возбуждении уголовного дела)	до 3-х дней до 10-ти дней до 1 месяца до 2-х месяцев свыше 2-х месяцев при вторичном прекращении дела	1 2 3 4 5 6
8	Отменялось ли постановление о прекращении уголовного дела (об отказе в возбуждении уголовного дела)	отменялось по основаниям (указать каким) _____ _____ _____ не отменялось	1 2

I. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности

1	Вид правового последствия освобождения от уголовной ответственности	«БЕСПОСЛЕДСТВЕННОЕ» (Ч 1 СТ 50 УК)	1
		ПОСЛЕДСТВИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА (СТ 50-1 УК)	2
		ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (СТ 51 УК)	3
		ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (СТ 52 УК)	4
		ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (Ч 4 СТ 10 УК)	5
2	Наличие документов, свидетельствующих о реализации правовых последствий освобождения от уголовной ответственности (о применении мер административного и общественного воздействия, принудительных мер воспитательного воздействия)	ЕСТЬ	1
		НЕТ	2

Приложение№ 2

Анкета
опроса сотрудников ОВД и прокуратуры

1. Ваша должность

1.1 Следователь
1.2.Дознаватель
1.3. Начальник СО
1.4.Зам. нач. СО

2. Стаж работы

2.1. До 3 лет
2.2. От 3 до 5 лет
2.3. От 5 до 10 лет
2.4. Свыше 10 лет

3. Считаете ли Вы оправданным не включение в новый УК РФ норм, аналогичных ст. ст. 51 и 52 УК РСФСР

3.1. Да
3.2. Нет
3.3. Затрудняюсь ответить

4. Какие виды освобождения от уголовной ответственности, предусматривавшиеся действовавшим до 1 января 1997 года УК РСФСР были, на Ваш взгляд, наиболее эффективными?

4.1. Освобождение от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки (ч.1 ст. 50).

4.2. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (ст. 50-1).

4.3. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд (ст. 51).

4.4. Освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки (ст. 52).

4.5. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с направлением его в комиссию по делам несовершеннолетних (ч. 4 ст. 10).

4.6. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением к нему судом принудительных мер воспитательного характера (ч. 3 ст. 10).

4.7.Иное (указать)_____

5. Какие виды освобождения от уголовной ответственности из предусмотренных УК РФ 1996 года Вы считаете наиболее эффективными?

5.1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75).

5.2. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76).

5.3. Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 77).

5.4. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90).

5.5.Иное (указать) _____

6. Позволяют ли вышеперечисленные виды освобождения охватить все случаи совершения впервые преступления небольшой тяжести лицами, не представляющими большой опасности для общества?

6.1. Да

6.2. Нет

6.3.Иное (указать)_____

7. Каковы, по Вашему мнению, причины недостаточной эффективности исправительного воздействия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного УК РФ 1996?

7.1. Неполное (плохое) изучение данных о личности виновного и возможности его исправления без применения уголовного наказания.

7.2. Освобождение от уголовной ответственности приводит практически к безнаказанности.

7.3. Недостаточное знание оснований применения указанного правового института.

7.4. Отсутствие применения каких-либо мер воздействия к освобожденным от уголовной ответственности по всем видам освобождения, кроме несовершеннолетних (ст.90).

7.5. Недооценка сотрудниками правоохранительных органов и населением значения освобождения от уголовной ответственности как средства исправления лиц, совершивших преступление небольшой тяжести.

7.6. Влияние основного показателя работы следователя ("выход дел в суд").

7.7.Иное (указать) _____

8. Считаете ли Вы необходимым вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого перед прекращением уголовного дела в связи с освобождением от уголовной ответственности?

8.1. Да

8.2. Нет

8.3. Только для несовершеннолетних.

9. Считаете ли Вы, что возможность освобождения от уголовной ответственности до суда противоречит идее справедливости и законодательству и должна быть исключена из УПК?

9.1. Да

9.2. Нет

9.3. Затрудняюсь ответить.

10. Какой Вы считаете возможным выход из положения, когда отсутствуют основания для применения освобождения от уголовной

ответственности, предусмотренного ст.ст. 75, 76, 77, 78 УК РФ, а обстоятельства дела свидетельствуют, что преступление небольшой тяжести совершенно впервые и лицо его совершившее может быть исправлено без применения к нему уголовного наказания?

10.1. Несмотря на имеющиеся в деле обстоятельства передать его в суд для применения к виновному наказания.

10.2. "Обосновать" возможность освобождения от уголовной ответственности за счет подгонки обстоятельств дела под основания освобождения, имеющиеся в соответствующих нормах УК.

10.3. Поиск возможности освобождения от уголовной ответственности по другим основаниям, предусмотренным нормами действующего УПК России (п.п. 1, 2, 3, 8 ст.5, п.2 ч.1 ст.208 и др.) через "подгонку" под них обстоятельств конкретного дела.

10.4.Иное решение (указать) _____

11. В связи с предыдущим вопросом из-за вынужденности передачи названной категории дел в суд для применения уголовного наказания Вы считаете необходимым:

11.1. Возврат в действующий УК РФ норм об освобождении от уголовной ответственности, предусматривавшихся ст. ст. 51, 52 или др. статьями _____ УК РСФСР.

11.2. Разработка и закрепление в УК РФ новых норм об освобождении от уголовной ответственности с применением иных мер воздействия.

11.3. Переработка с учетом современных реалий и многолетнего опыта практического применения ст. ст. 50-1, 51, 52 УК РСФСР и дополнение на этой основе УК РФ новыми видами освобождения от уголовной ответственности с применением иных мер воздействия.

11.4.Иное решение вопроса (указать) _____

12. Какие факторы (обстоятельства), по Вашему мнению, могут свидетельствовать о невозможности применения освобождения от уголовной ответственности?

12.1. Отрицательные мотивы совершения преступления.

12.2. Лицо ранее судимо, хотя судимость снята или погашена.

12.3. Лицо не признает себя виновным.

12.4. Отрицательное поведение лица до совершения преступления.

12.5. Недобросовестное отношение к труду, учебе.

12.6. Лицо ранее уже освобождалось от уголовной ответственности.

12.7 Укоренившееся у лица сознание безнаказанности за свои поступки.

12.8. Наличие у лица таких черт характера или привычек, которые могут толкнуть его на совершение нового преступления.

12.9.Иное (указать) _____

13. Имеются ли, на Ваш взгляд, недостатки в законодательном определении норм института освобождения от уголовной ответственности в УК РФ (укажите) _____

_____

_____

14. Ваши пожелания по совершенствованию законодательства об освобождении от уголовной ответственности и практики его применения _____

_____

_____

Благодарим за участие.

Приложение № 3

СПРАВКА
О РЕЗУЛЬТАТАХ ОПРОСА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМЫ МВД И ПРОКУРАТУРЫ РФ О ПРИМЕНЕНИИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Результаты, полученные в процессе опроса, наряду с другими факторами послужат основой для формулирования научно-обоснованных рекомендаций, направленных на повышение эффективности применения института освобождения от уголовной ответственности, а также внесения предложений по совершенствованию уголовного законодательства. С этой целью было проанкетировано 412 сотрудников органов следствия и дознания МВД и прокуратуры городов Москвы, Саратова и Махачкалы, из них 300 следователей и 112 дознавателей. Стаж практической работы опрашиваемых:

До 3 лет – 210 чел.

От 3 до 5 лет – 100 чел.

От 5 до 10 лет – 62 чел.

Свыше 10 лет – 40 чел.

На вопрос об оправданности не включения в новый УК РФ норм, аналогичных ст.ст. 51 и 52 УК РФ, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности с применением иных мер воздействия 86,4% опрошенных ответило отрицательно, 2,8% высказалось утвердительно, у 10,8% – ответ на этот вопрос вызвал затруднение.

Наиболее эффективным видом освобождения от уголовной ответственности из предусматривавшихся в УК до 1 января 1997 г. опрошенные назвали – освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного но поруки (ст.52 УК РСФСР) – 71,8%, что объясняется, на наш взгляд, определенной в этой норме возможностью возврата к привлечению виновного к уголовной ответственности в

случае, если лицо, взятое на поруки, в течение года не оправдало доверия коллектива и не стремится исправиться (условный характер данного вида освобождения). Следующим по эффективности опрошенные считают освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с направлением его в комиссию по делам несовершеннолетних (ч.4 ст.10 УК РСФСР) – 53,4%. На третьем месте по эффективности – освобождение от уголовной ответственности с передачей материалов дела в товарищеский суд (ст.51 УК РСФСР) – 48,6%. Четвертое по эффективности – освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (ст.50-1 УК РСФСР) – 41,7%.

Отмеченная достаточно хорошая эффективность второго, третьего и четвертого видов освобождения опрошенными обосновывалась возможностью применения, в результате их реализации, к виновным иных мер воздействия. Такой подход респондентов обусловил отнесение ими к малоэффективному освобождение от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки (ч.1. ст.50 УК РСФСР) – 12,7%.

Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением судом принудительных мер воспитательного характера (ч.3 ст.10 УК РСФСР) многими не оценивалось или отождествлялось с освобождением по ч.4 ст.10 УК РСФСР из-за редкого применения его на практике в рассматриваемый период.

Из видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных УК РФ 1996 г., 63,9% опрошенных наиболее эффективным считают освобождение несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия (ст.90). Вторым по эффективности названо освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст.75) – 48,6%. Третьим – освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст.76) – 42,7%. На последнее место по эффективности опрошенные поставили освобождение

от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки (ст.77) – 20,4%. При этом 92% опрашиваемых считают, что перечисленные виды освобождения не позволяют целиком охватить все встречающиеся на практике случаи совершения преступления небольшой тяжести лицами, не представляющими большой опасности для общества.

Причинами недостаточной эффективности освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст.ст. 75, 76, 77 УК РФ большинство назвало:

а) отсутствие применения иных мер воздействия при освобождении от уголовной ответственности по перечисленным нормам – 76%;

б) неполное (плохое) изучение данных о личности виновного и возможности его исправления без применения уголовного наказания – 63,1%;

в) недостаточное знание оснований применения данного правового института – 45,2%;

г) недооценка сотрудниками правоохранительных органов и населением значения освобождения от уголовной ответственности как средства исправления лиц, совершивших преступления небольшой тяжести – 41,7%;

д) влияние основного показателя работы следователя ("выход дел в суд") – 26,3%;

е) мнение о том, что освобождение от уголовной ответственности приводит практически к безнаказанности – 17,6%.

Большинство опрошенных (76,4%) считают обязательным вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого перед прекращением уголовного дела в связи с освобождением от уголовной ответственности. Такой подход правоприменителя, по их мнению, в несколько раз усиливает исправительное воздействие на освобожденного и эффективность самого института освобождения от уголовной ответственности. При этом разрешимая уголовно-процессуальным законом возможность применения освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии процесса по преступлениям

не представляющим большой общественной опасности считается многими (84%) справедливой, гуманной и обеспечивающей разумную экономию репрессий в деле борьбы с преступлениями небольшой тяжести (незначительными по своим последствиям). На вопрос: какой существует выход из положения, когда конкретные дела по преступлениям небольшой тяжести, совершенные лицами, не представляющими большой общественной опасности, при возможности исправления таких лиц без применения к ним наказания, когда нет оснований применения ст.ст. 75, 76, 77, 78, 90 УК РФ 80% опрошенных ответило, что в этих случаях нецелесообразно, согласно требований закона, передавать дело в суд для применения уголовного наказания. По их мнению, наиболее правильным выходом из данного положения является возврат в УК освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки и с передачей дела в товарищеский суд с соответствующей корректировкой этих видов освобождения с учетом современных реалий и приданием второму виду условного характера. Альтернативным путем выхода назван – разработка и дополнение УК новыми видами освобождения от уголовной ответственности с применением иных мер воздействия.

Определяя факторы (обстоятельства), негативно влияющие на правильное применение освобождения от уголовной ответственности, 58,3% опрошенных ответили – укоренившееся у лица сознание безнаказанности за свои поступки; 52,8% указали на отсутствие раскаяния в совершенном преступлении; 29,7% – на судимость лица, хотя и погашенную, 31,6% – на наличие у лица таких черт характера, привычек, которые могут толкнуть его на совершение нового преступления (алкоголизм, жадность, вспыльчивость и т.п.); 30,1% – на недобросовестное отношение к службе, труду, учебе.

Среди факторов (обстоятельств), определяющих невозможность применения освобождения от уголовной ответственности, 64,5% оп-

рошенных указали на тяжесть наступивших в результате преступления последствий; 48,2% – отрицательную характеристику лица по месту его работы, учебы или жительства; 42,1% – наличие судимости (даже снятой или погашенной); 48,9% – непризнание вины либо признание ее не полностью; 36,6% – возраст лица, состояние его здоровья, семейное положение и т.п.; 21% – черты характера, привычки лица, определяющие его отрицательное поведение.

Оценивая законодательную конструкцию видов освобождения от уголовной ответственности, 51,4% опрошенных заявили, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст.75 УК РФ) и в связи с примирением с потерпевшим (ст.76 УК РФ) по своей сущности исходят из одного основания – признания вины лицом, совершившим преступление и его чистосердечного раскаяния. Поэтому они считают, что было бы правильным сведение этих видов освобождения от уголовной ответственности в одну норму действующего уголовного законодательства.

Таким образом, результаты проведенного опроса позволяют судить о некоторых вопросах, характеризующих состояние и тенденции практики применения освобождения от уголовной ответственности в деятельности органов дознания и предварительного расследования.

Докторант кафедры
уголовной политики и
организации профилактики
преступлений Академии
управления МВД России
канд. юрид. наук, доцент А.А.Магомедов

Приложение № 4

Извлечение из: "Отчет о следственной работе за 1995 г.", изданного ГИЦ МВД России - М., 1996

ТАБЛИЦА 6. ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (БЕЗ ПОВТОРНО ПРЕКРАЩЕННЫХ)

					ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЕЙ		ДЕЛА ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ
					ПРОКУРАТУРЫ	МВД	
КН 1 Ф 120 - СВ ПО РОССИИ					1	2	3
ВСЕГО ПРЕКРАЩЕНО ДЕЛ				1	21673	179900	63820
ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛ В ОТЧЕТНОМ ПЕРИОДЕ (ВКЛЮЧАЯ ПРЕКРАЩ ПРОКУРОРАМИ)	В ТОМ ЧИСЛЕ	ЗА ОТСУТСТВ СОБЫТИЯ И СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ		2	14079	98997	30239
		ВСЛЕДСТВИЕ АКТА АМНИСТИИ	ДЕЛА	3	155	744	168
			ЛИЦА	4	199	881	201
		В СВЯЗИ С НАПРАВЛЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА В СУД ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА К АДМИНИСТРАТИВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	ДЕЛА	5	89	1172	2814
			ЛИЦА	6	115	1344	2936
		ЗА НЕДОКАЗАН УЧАСТИЯ ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (БЕЗ ДЕЛ ПРИОСТАНОВЛЕННЫХ ПО СОБЫТИЮ ПРЕСТУПЛ)		7	611	812	214
		ВВИДУ ПРИМЕНЕНИЯ К ВИНОВНЫМ МЕР ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ		8	1583	37056	8088
		В Т Ч ДЕЛ О ПРЕСТУПЛ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ		9	37	12331	35
		ЗА ИСТЕЧ СРОКА ДАВНОСТИ		10	103	1086	593
		ВСЛЕДСТВИИ ИЗМЕНЕН ОБСТАНОВКИ		11	3318	21784	9279
		ВВИДУ НЕВМЕНЯЕМОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ		12	58	567	
ЧИСЛО ВСЕХ ЛИЦ ПО ОКОНЧЕННЫМ ДЕЛАМ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ УГОЛОВН ОТВЕТСТВЕННОСТИ		ПО МОТИВАМ ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТАНОВКИ		13	3606	23974	9466
		ПО П П 3, 8 СТ 5 УПК		14	1308	8259	1905

Приложение № 5

Извлечение из: "Отчет о следственной работе за 1996 г.", изданного ГИЦ МВД России - М., 1997

ТАБЛИЦА 6. ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (БЕЗ ПОВТОРНО ПРЕКРАЩЕННЫХ)

КН 1 Ф 120 СВ ПО РОССИИ					ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЕЙ		ДЕЛА ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ
					ПРОКУРАТУРЫ	МВД	
					1	2	3
ВСЕГО ПРЕКРАЩЕНО ДЕЛ				1	23487	192830	69972
ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛ В ОТЧЕТНОМ ПЕРИОДЕ (ВКЛЮЧАЯ ПРЕКРАЩ ПРОКУРОРАМИ)	В ТОМ ЧИСЛЕ	ЗА ОТСУТСТВ СОБЫТИЯ И СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ		2	14526	101253	31859
		ВСЛЕДСТВИЕ АКТА АМНИСТИИ	ДЕЛА	3	1145	11981	4134
			ЛИЦА	4	1363	14304	4484
		В СВЯЗИ С НАПРАВЛЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА В СУД ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА К АДМИНИСТРАТИВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	ДЕЛА	5	97	1155	2700
			ЛИЦА	6	110	1453	2807
		ЗА НЕДОКАЗАН УЧАСТИЯ ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (БЕЗ ДЕЛ ПРИОСТАНОВЛЕННЫХ ПО СОБЫТИЮ ПРЕСТУПЛ)		7	651	874	223
		ВВИДУ ПРИМЕНЕНИЯ К ВИНОВНЫМ МЕР ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ		8	1902	40687	9540
		В Т Ч ДЕЛ О ПРЕСТУПЛ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ		9	40	13792	46
		ЗА ИСТЕЧ СРОКА ДАВНОСТИ		10	98	1339	476
		ВСЛЕДСТВИИ ИЗМЕНЕН ОБСТАНОВКИ		11	3533	17582	9002
		ВВИДУ НЕВМЕНЯЕМОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ		12	67	591	49
ЧИСЛО ВСЕХ ЛИЦ ПО ОКОНЧЕННЫМ ДЕЛАМ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ УГОЛОВН ОТВЕТСТВЕННОСТИ		ПО МОТИВАМ ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТАНОВКИ		13	3737	19782	9191
		ПО П П 3, 8 СТ 5 УПК		14	1213	8351	1897

Приложение № 6

Извлечение из: "Отчет о следственной работе за 1997 г.", изданного ГИЦ МВД России - М., 1998

ТАБЛИЦА 6. ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (БЕЗ ПОВТОРНО ПРЕКРАЩЕННЫХ)

КН 1 Ф 120 - СВ ПО РОССИИ				ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЕЙ		ДЕЛА ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ
				ПРОКУРАТУРЫ	МВД	
				1	2	3
ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛ В ОТЧЕТНОМ ПЕРИОДЕ (ВКЛЮЧАЯ ПРЕКРАЩ. ПРОКУРОРАМИ)	ПРЕКРАЩЕНО ДЕЛ		1	23025	162957	124129
	В ТОМ ЧИСЛЕ	ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	2	3770	16797	10696
		ВСЛЕДСТВИЕ АКТА АМНИСТИИ — ДЕЛА	3	180	595	434
		ВСЛЕДСТВИЕ АКТА АМНИСТИИ — ЛИЦА	4	192	654	444
		ЗА НЕДОКАЗАННОСТЬЮ УЧАСТИЯ ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (БЕЗ ДЕЛ ПРИОСТАНОВЛЕННЫХ ПО СОБЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ)	5	597	789	420
		ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	6	38	4924	49
		ЗА ИСТЕЧ. СРОКА ДАВНОСТИ	7	336	5395	1359
		ВСЛЕДСТВИИ ИЗМЕНЕН ОБСТАНОВКИ	8	3326	24669	15484
		В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНЬЕМ	9	440	10721	14215
		В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ	10	742	13434	35251
		ПО ДРУГИМ ОСНОВАНИЯМ	11	13548	85426	46116